

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ
РУССКАЯ ФАНТАСТИКА
МАЛЬТИЙСКИЙ КРЕСТ

От автора бестселлера «ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ»
ОТ ЛИДЕРА ЖАНРА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ

ЭКСМО

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9, ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»
143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.
Зак. 2632.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных
объявлений.

©«ЕСЛИ», 2010

ФАНТАСТИКА № 12 (214)

ЕСЛИ

ISSN 1680-645X

39 Ричард ЛОВЕТТ

СОКРОВИЩЕ НЕПТУНА

Едва успев унести ноги с Япета, наша знакомая Бритни отправляется на Наяду, искать приключения на свою... Хотя ни того, ни другого у нее нет.

3 Том ЛИГОН

ВОЗМЕЗДИЕ

Остановив агрессора в короткой повести «Эльдорадо», человечество, естественно, не успокоилось. И жаждет мести.

115 Андрей БУТОРИН

ОБЩАЯ КРОВЬ

Слово убивает? Уточним: слишком буквально понятое слово.

143 Кристофер БЕННЕТ

В ГУЩЕ СОБЫТИЙ

Не о славе и не о богатстве грезит ученый-землянин, отправляясь разгадывать тайну Оси. Он ни много ни мало мечтает восстановить пошатнувшуюся репутацию человечества.

173 Алексей КАЛУГИН

ИСТОРИЯ МЁРТВОЙ ГОЛОВЫ

Не спрашивайте, кому принадлежит мертвая голова, найденная в пустыне...

205 ЙОСС

ОРУЖИЕ

В поисках иных цивилизаций человечество находило в космосе одни руины. В чем причина? Понимание этого дается герою слишком поздно. И слишком дорогой ценой.

127 Александр РОЙФЕ

В ДРЕМУЧИХ СЕВЕРНЫХ ЛЕСАХ

«Первый российский 3D-фильм» - настолько он 3D?..

134 Валерий ОКУЛОВ, Аркадий ШУШПАНОВ

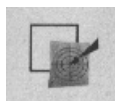
ЖЮЛЬ ВЕРН НОВОГО ВРЕМЕНИ

Для Восточной Европы этот режиссер стал почти легендой. О его

творчестве - неперенном диалоге литературы и кинематографа - ведут беседу два специалиста: киновед и литературный критик.

129 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Начало осени выдалось крайне бедным на серьезные премьеры. Но хотя бы одну картину следует посмотреть.

245 Мария ГАЛИНА

НОМОС И КОСМОС

Некоторые критики сходятся во мнении: этому автору в предыдущей трилогии удалось заново «изобрести» космическую оперу (правда, жанр стал сам на себя не похож)... И вот теперь новый эксперимент на космооперной сцене.

247 РЕЦЕНЗИИ

Чем хорошо глубокое бурение? Что делают девочки среди мертвецов? Какова природа времени? Что необходимо знать, отправляясь из Санкт-Петербурга в Китай? И наконец, кого критики прочтат на место Брэдли?

265 КУРСОР

Впервые российский автор стал лауреатом Всемирной премии фэнтези!

252 Сергей ШИКАРЕВ

ЖДЁМ ПЕРЕМЕН!

Критик огорчен сменой читательских приоритетов, но уверен: сражение за «чистоту жанра» пока не проиграно.

258 Вл. ГАКОВ

ПРИМАДОННА ОПЕРЫ. КОСМИЧЕСКОЙ

Она была женой создателя «Звездных королей» и одним из творцов «Звездных войн». Ей удалось не стать тенью знаменитого мужа и как писателю выдержать испытание временем.

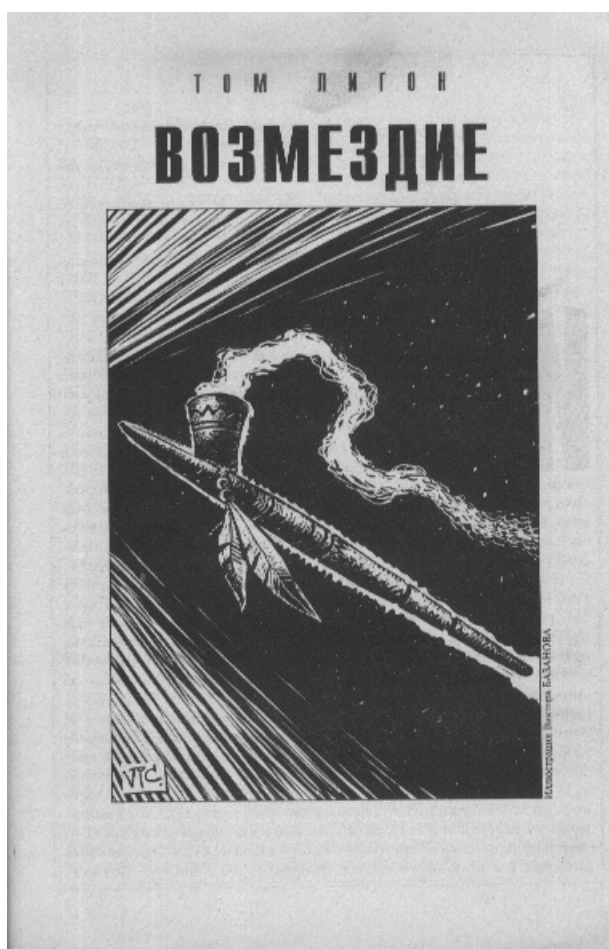
268 ПЕРСОНАЛИИ

В принципе, персональное дело писателя-фантаста мало чем отличается от персонального дела любого другого гражданина Земли. За единственным исключением: сведения о первых имеют шанс быть

опубликованными в журнале «Если».

ТОМ ЛИГОН

ВОЗМЕЗДИЕ

Иллюстраций Виктора БАЗАНОВА

То, что не убило меня, сделало меня сильнее.
Фридрих Ницше

То, что не убило меня, совершило серьезную тактическую ошибку.
Джерри Пурнелль

Инженеры, проектировавшие это оружие, не снабдили его мотивировкой. Простая машина должна была выполнить несложное задание: ей следовало зафиксировать в прицеле точечный источник

нейтринно и помчаться к нему, постоянно ускоряя движение. Оружие не должно было знать причину.

Сами инженеры даже не перешептывались на подобные темы. Такие возвышенные предметы, как нравственность и этика, относились к компетенции клириков, чьи поступки становились очень простыми, когда директива исходила непосредственно от их божества. Слово, которым они называли его, означало Император, однако оно же понималось как Бог. И Бог был стар, старше всей письменной истории цивилизации, и его древнее тело пополнялось частыми жертвоприношениями. Он обладал внушающей ужас силой, и гнев его вселял в подданных почтительный страх.

Император правил Галактикой. Она принадлежала ему одному (так Император, во всяком случае, утверждал), и он запрещал даже собственному народу выходить на ее просторы. Однако запрет был нарушен - нарушен чужими, осмелившимися выбраться за пределы своей солнечной системы. Император посчитал подобный проступок недопустимым, непростительным, нетерпимым и отдал приказ об уничтожении чужаков, несмотря на то что прегрешение было совершено по неведению. Эдикт божественного владыки породил опасные сомнения и вопросы, а также бросил вызов правилам приличия и благопристойности, требовавшим в таких случаях предварительного предостережения. Каждый инженер втайне недоумевал, гадая, каким образом этот указ можно примирить с учением, однако вопросов никто не задавал. Техники почтительно склонились перед высшим авторитетом и приступили к делу, ради которого и существовала их каста.

В результате долгих трудов они построили массивный поглотитель водорода и с великой гордостью отправили его в космос. Возможность поработать с такими колоссальными ресурсами да и просто соорудить предложенное еще в древности устройство - когда такое было! Большинство инженерных проектов носило сугубо гражданский характер, и потому они оставались почти без поддержки и не приносили хорошего вознаграждения. Однако каждому инженеру известен небольшой секрет: Император не был всемогущим. Он боялся нарушителей границы и не мог уничтожить их без помощи инженеров.

Машина эта оказалась неуязвимой ровно настолько, насколько хватило воображения у инженеров. Предельная скорость ее в их восьмеричной системе счисления составляла почти семь восьмых скорости света. То есть нарушители покоя Галактики не должны заметить снаряд на подлете, потому что грозное оружие будет прятаться за собственным световым излучением. И даже если они сумеют обнаружить снаряд, то остановить его им нечем.

Впрочем, существовала и крохотная вероятность неудачи.

Возможностью возникновения любой неисправности можно было пренебречь: технический уровень этой цивилизации настолько велик, что шансы на сколько-нибудь серьезную поломку едва ли можно рассматривать всерьез. Тем не менее нельзя было исключить столкновение с планетоидом. Впрочем, риск и в этом случае являлся ничтожно малым, даже если чужаки заранее обнаружат снаряд и попытаются заслониться от него подобным объектом. Прямой маршрут к системе пролегал далеко от плоскости ее эклиптики, и с траекторией снаряда соседствовала только редкая россыпь ледяных планеток, способных послужить непроходимым препятствием. Отодвинуть с пути столь массивное и хрупкое тело за ничтожную долю мгновения не могла даже могучая техника создателей оружия. Впрочем, в том случае, если такая защита помешает снаряду явить свою полную мощь, на обреченную планетную систему обрушится губительный град обломков.

Наконец, существовала действительная возможность отразить оружие - подлинно вероятная и оттого пугающая. В подобном случае - правда, при наличии некоторого везения - творцы оружия должны были давно и благополучно закончить текущую жизнь и перейти к следующей еще до того, как Император узнает о том, что произошло. И техники использовали все доступные предосторожности, чтобы чужаки не получили времени на защиту. Инженерам было бы спокойнее, если бы клирики не настояли на посылке ритуального предупреждения, которое нарушители порядка должны были услышать как раз перед самым своим концом. Дождаясь заранее рассчитанного дня, когда снаряд должен поразить свою цель, они с пристальным вниманием следили за оружием все долгие пять восьмериц лет полета, прекрасно понимая: ждать прихода свидетельств успеха придется еще дольше.

* * *

Цель оружия по его собственному времени находилась уже в считанных секундах полета, хотя на часах посланной снаряд цивилизации до столкновения оставалось несколько дней. Оружие приготовилось свернуть электромагнитный ковш, который собирал питавший двигатель разреженный межзвездный газ, ибо теперь оно уже набрало скорость, необходимую для исполнения миссии.

Источником нейтрино, застывшим в его прицеле, являлось ядро желтой звезды. Оружие должно было пронзить ее внешние слои - защищенное релятивистским сокращением времени в такой степени, что не могло даже ощутить столкновения до тех пор, пока не окажется возле ядра. Там, на самой его поверхности, оно и должно взорваться, высвободив всю релятивистскую кинетическую энергию, накопленную

на длинном пути. Энергии такого взрыва достаточно, чтобы испарить целую планету, однако подобный эффект не устраивал Императора. Взрыв обязан дестабилизировать само ядро звезды, спровоцировав вспышку новой. Чужаки будут уничтожены, сама их планетная система окажется стерилизованной.

Компьютер оружия мельком отметил, что последний из грозивших прямым столкновением планетоидов находится вдали от намеченной траектории и вот-вот останется позади. Единственный потенциально опасный малый объект будет пройден через секунду - уже после закрытия ковша.

И тут, в кратчайший момент, компьютер обнаружил ту самую угрозу, которой страшились инженеры: массивное и плотное облако ионизированного дейтерия. Облако было уже совсем близко, и ковш не успевал закрыться вовремя. Магнитный ковш мгновенно сконцентрировал пригодное для термоядерной реакции топливо и подал его в реактор со скоростью, превысившей вместимость на астрономическую величину. Взрыв, эквивалентный глобальному термоядерному конфликту, вспорол бок массивного бронированного корпуса. И хотя даже его не хватало для того, чтобы уничтожить снаряд, продукты взрыва оказали чудовищное давление на одну сторону корпуса, сломав конструктивные элементы, удерживавшие вместе основные модули. Хуже того, взрыв разорвал основные соленоиды, необходимые для создания интенсивного магнитного поля, образовывавшего внутренний радиус трубы прямого ковша. Запасенная в магнитах энергия выделилась мгновенно - с результатом, почти эквивалентным дейтериевому взрыву.

Совместное воздействие двух взрывов изменило траекторию снаряда, и он уже не мог попасть в звезду. Бронированный компьютер системы наведения отметил неполадку, однако, не имея возможности исправить ее, этим и ограничился. Ему было все равно.

* * *

Виктору Гендигу пришлось отказаться от богатейшей находки, когда-либо выпадавшей на чью-либо долю, - громадного металлического планетоида, служившего ядром еще более огромного шарообразного кометного снежка, находившегося в облаке Оорта, в трех световых днях от Земли. Он ругался и проклинал судьбу всю дорогу навстречу смерти, которой наградило этого человека невероятное сочетание фактов, сделавших его единственным спасителем всей земной цивилизации. В последнюю минуту жизни он выпустил весь корабельный запас дейтерия прямо на траекторию несшегося к его дому адского посланца и ионизировал облако двигателями.

А что еще он мог сделать в подобных обстоятельствах? Любые богатства Вселенной не имеют никакого смысла, если ради обладания ими ты позволил исчезнуть всему человечеству - двадцати одному миллиарду душ.

* * *

Виктор не был единственным человеком, готовым умереть ради спасения земной цивилизации, однако все прочие претенденты прекрасно понимали, что их шансы преградить путь снаряду практически равны нулю. Даже узнать о том, справился ли с задачей Виктор, они могли лишь за несколько секунд до прилета оружия. Остановить его в буквальном смысле было невозможно, оставалась надежда лишь изменить направление движения звездного убийцы, а они находились слишком близко к Солнцу, чтобы в нужной степени отклонить траекторию его полета. Комары против пушечного ядра - они не обладали даже долей массы, необходимой, чтобы добиться цели. Эксперты рассчитывали на то, что устройство отключит свой прямоточный ковш прежде, чем войдет в планетную систему, и дейтерий, которым были снаряжены корабли, взорвется только при прямом столкновении. Но и в этом случае взрыв не мог произвести достаточного эффекта. Тем не менее сотни межпланетных кораблей различного вида и размера выстроились вдоль просчитанной траектории оружия, поджидая свой шанс, хотя подобная пассивность сулила всем верную смерть. Они были столь же недовольны своей участью, как и Виктор, но терять им было нечего.

* * *

Андреас Орндорф командовал одним из транспортов, который находился в оборонявшей Солнце жертвенной линии всего в восьми астрономических единицах от светила. Его корабль как раз ускорялся прямо от звезды навстречу оружию, компьютер просчитывал траекторию перехвата. В одиночестве дожидаясь конца в кабине пилота, он располагал всем временем, достаточным для того, чтобы обдумать мрачную участь, уготованную человечеству. Андреас гордился своим экипажем, в полном составе согласившимся остаться на транспорте, который собирался протаранить оружие. Успех требовал невероятного везения, и приготовленная ими жертва, скорее всего, должна была оказаться бессмысленной - даже в случае удачи. Впрочем, промах сулил еще более жуткий конец. Солнце взорвется не сразу после того, как его поразит межзвездный снаряд. Сигнал о

начале коллапса ядра подаст сильнейший импульс безобидных нейтрино. Затем последует томительнейшая пауза, долгая-долгая, отделяющая тот миг, когда щелкнет задвижка крышки люка, от мгновения, когда затянется удавка на шее рода людского. Подробности физики взрыва до сих пор являлись предметом страстного обсуждения: могли пройти недели, часы и даже дни, до того как взрыв в полной силе проявится в фотосфере. Но если это произойдет, сила солнечного излучения возрастет не менее чем в тысячу раз, а солнечный ветер превратится в цунами. Против взрыва не устоит ни одна из планет земной группы, а человечество сгинет в излучении и огне. Во всяком случае, таран этой адской машины сулил экипажу смерть быструю и безболезненную.

Но какой разум оказался способным на создание столь истребительного оружия? Какая ненависть нужна для изготовления подобного снаряда? Из каких глубин она выростала, если создатели этого оружия были готовы ждать почти шесть десятилетий после запуска, чтобы увидеть результат? И как могли они настолько возненавидеть расу живых существ, с которой не только никогда не встречались, но даже не перебросились ни единым словом? Сам масштаб злодейства выходил за пределы всякого человеческого понимания. Беспредельное отчаяние, рожденное мыслью о том, что злобный разум, вне сомнения, добьется успеха, наполняло душу Андреаса, заставляя его жаждать смерти.

За спиной отворилась дверь, послышались быстрые шаги. Теплые ладони из-за спинки сиденья легли на его плечи и принялись разминать их. Разве существовало когда-нибудь более приятное прикосновение?

- Барбара, как экипаж?

- Люди сделали все, что могли, - ответила она негромко. - Почти все собрались в кают-компани... успокаивают себя, кто чем может. Выпивкой в основном. Собственно, пьют все.

- Пусть пьют. А почему ты не осталась с ними?

- Решила, что и ты нуждаешься в обществе. Или я ошиблась?

Андреас опустил ладонь на ее руку.

- Вовсе нет. - И кивнул в сторону экрана, не в силах оторваться от разворачивавшегося на нем зрелища: - Теперь уж недолго.

Он не мог отвести взгляд от быстро набирающей яркость точки на экране, пытаясь представить себе, какой она станет в следующее мгновение. Межзвездный снаряд мчался прямо позади фронта излучаемого им света и уже находился много ближе, чем это казалось. Если он летит прямо на них, то уже в следующее мгновение из булавочной головки превратится в огромный диск. Сумеет ли видеоскан уловить это мгновение? Впрочем, какая разница? Однако если оружие чужаков пролетит мимо, то в последнее мгновение

превратится в полосу, промелькнувшую сбоку от транспорта. А если оно столкнется с одним из кораблей, находившихся впереди, взрыв будет виден за долю мгновения до столкновения с транспортом...

И тут точка вспыхнула, и от бока ее отделилось несколько ярких полосок. Андреас успел сообразить, что объект наблюдения взорвался. Однако взрыв произошел много дальше, чем он ожидал. Андреас уже начинал улыбаться, когда кусочек звездного корабля - не более чем песчинка - насквозь пропорол транспорт и уничтожил его.

* * *

Индира Сваруп глядела на звезды с заднего двора их расположенного в горах дома. Слезы текли по ее лицу, вызванные не столько своей близкой смертью, сколько скорой гибелью детей - и ее собственных, и миллионов других младенцев, подростков и юношей, которым не суждено выжить. Дом Индиры располагался неподалеку от Астрономического центра имени Лоуэлла, места ее работы. Небо, служившее до последних двух недель источником многих чудес и радостей, было темным, безоблачным и прекрасным. Единственным видимым знаком грозной судьбы, уже заметным на звездном пологее, служила одна из звезд, не тускло желтая, как обычно, но чуть более яркая и голубая.

Неужели всех стараний было слишком мало, неужели они опоздали? И напрасным было открытие сигнала одним из астрономов-любителей, занимавшихся поиском внеземных цивилизаций? И впустую прошли месяцы, потраченные научным сообществом на изучение сигнала и подтверждение его внеземной природы? И все пропало время, потраченное на перевод послания, когда они заметили модулированную природу сигнала? И бесплодными оказались отчаянные усилия по сооружению хоть какой-нибудь обороны, после того как стал понятным жуткий текст и было обнаружено оружие? Люди сумели сделать так мало, и даже сама физика, казалось, твердо заняла сторону врага. Момент истины был совсем близко...

Бинокль уже позволял различить несущую гибель искорку света возле слабой желтой звезды в созвездии Кассиопеи. Искорка эта сияла снежной синевой и с каждой секундой становилась все ярче. Внезапно она вспыхнула, и тут же появилось несколько малых, быстро разлетающихся точек. Буквально через пару секунд первоначальную искру окружило облачко мелких звездочек.

Индира опустила бинокль и, потеряв дар речи, в смятении следила за тем, как звездочки эти набирали яркость и спускались к западному горизонту. Казавшиеся огненными трассами вначале, они меняли цвет - из пронзительно белых становились розовыми, замедляли движение

и уже яркими точками исчезали из вида.

- По-моему, оно на что-то наткнулось. И притом не на одно препятствие. - Голос ее был чуть хрипловат после двух недель трудов и скорби, однако в нем уже звучала нотка надежды.

Муж воскликнул:

- Повезло наконец! Как ты думаешь, отклонения хватит?

- Узнаем через несколько минут. На самом деле эта штуковина пролетела мимо нас пять минут назад. Земля находится в нескольких световых минутах в стороне от ее траектории, - пояснила Индира, чуть склонив к плечу голову и явно недоумевая. - Но кое-что мне не понятно...

- А мне так все непонятно, - огрызнулся муж. - Не понимаю, как можно строить теоретические объяснения в такой ситуации!

- Я делаю то, чем занималась две последние недели: отчаянно ищу хотя бы лучик надежды.

Дети жались к обоим родителям в поисках защиты сразу и от холодной ночи, и от ледяной лапы страха. Лиза, младшая, тихо плакала. Оба мальчика старались скрыть свои чувства, однако держались столь же напряженно, как и сестра. Индира посмотрела на куртку мужа, стараясь не думать о спрятанном под ней пистолете. Любовь заставляет совершить невысказанное... Женщина поежилась: во всяком случае, дети не ощутят жара взорвавшегося Солнца. Она заставила себя вернуться мыслями к поискам крупинки надежды.

- Оружие чужаков наткнулось не на один из кораблей, пытавшихся перехватить его внутри нашей планетной системы. Все произошло существенно дальше. Для уверенности мне нужен калькулятор, но согласно грубой прикидке это произошло далеко за орбитой Плутона.

- А что там могло быть? - спросил муж. - Корабль Лиги поиска внеземных цивилизаций? Неужели он мог столкнуться с этой штуковиной?

- Кораблей SETI там около полудюжины. Кометные изыскатели в основном базируются на станции, находящейся в дальнем космосе, в облаке Оорта. Они находятся в трех световых днях отсюда. Мне известно: там что-то придумали, но они настолько далеко от нас, что нельзя сказать, чем все закончилось.

- Надеюсь, не настолько далеко, чтобы их замысел не сработал?

- Кто знает... А могли они поставить комету на пути этой штуковины?

- Едва ли, - ответил муж. - Однако у них должен быть дейтерий. Они добывают его, чтобы платить по счетам.

- Интересно, пришла ли им в голову идея о выбросе облака дейтерия?

- спросила Индира. Не об этом ли проблеске надежды она мечтала?

- Если мы успели вовремя передать им известие...

- Молю Бога, чтобы мы не опоздали. - Индира нервно усмехнулась. - Ты слышал, что я сейчас сказала? Я, отпетая атеистка!

Твердокаменный астрофизик! И тем не менее в настоящий момент я молю Бога об этом. Хотя, конечно, молиться следовало начать еще месяц назад. А в настоящий момент происходит лишь то, чему назначено произойти. Нам остается только ждать. И притом недолго.

Склонившись, она обняла детей, по очереди перецеловала их, а потом посмотрела на небо. На нем уже играло и переливалось яркое сияние, вне сомнения, вызванное каким-либо из побочных эффектов прохождения оружия.

- Радуйтесь мгновению, мои дорогие. Наслаждайтесь каждой секундой.

Они попытались погрузиться в мгновения, которые проходили одно за другим, однако нельзя было забыть о нависшей трагедии, о своей беспомощности перед лицом невообразимой в своем масштабе несправедливости.

Индира посмотрела на портативный экран.

- Выброс нейтрино отсутствует, хотя оружие должно было поразить Солнце еще десять минут назад. Если бы начался коллапс ядра, эффекты были бы уже ощутимы. Похоже, произошло подлинное чудо! - Обратив лицо к небесам, она осмелилась улыбнуться. - Кажется, нам оставлена жизнь!

Двадцать один миллиард людей испытал восторг избавления. Но эйфория длилась недолго. Пришли сведения о жертвах. Погибли один отважный изыскатель и сотни членов экипажей других кораблей, отдавших свою жизнь, чтобы замедлить продвижение жуткого снаряда, а также тысячи сторонних наблюдателей, пожелавших стать свидетелями событий, не подумав о защите от излучения и осколков. Среди последних наиболее удачливые пали жертвой взрывов крошечных пылинок, мчавшихся почти со скоростью света, но большая часть покорила неторопливому течению радиационной болезни. Однако человечество выжило. Солнце поглотило выпавшие на него крохи материи, отреагировав на них лишь несколькими вспышками. Основные обломки оружия вынесло из системы столь же быстро, как и внесло в нее - по траектории, благополучно уводящей за пределы Галактики.

Ощущение безнадежной обреченности доминировало в умах землян с того самого момента, как стало известно об угрозе, и вплоть до мгновения промаха. Но после него все переменялось. Обломки оружия еще летели от Солнца к окраинам системы, когда раздался вопль, требующий отмщения.

* * *

Генеральный секретарь Туекакас раздвинул шторы и принялся

рассматривать сквозь толстое стекло армию протестующих, расположившуюся в парке напротив здания штаб-квартиры Организации Объединенных Наций. Он с прискорбием покачал головой. Туекакас во всей полноте понимал чувства этих людей, однако надеялся, что человечество не уподобится злобным созданиям, отправившим в космос свой адский снаряд.

- Посол Гейтс ожидает вас, - напомнили ему часы.

Туекакас бросил короткий взгляд на свое отражение в окне. Он поправил выбившуюся прядь угольно-черных волос, причесанных на пробор налево, тронул галстук и устало вздохнул, не ожидая от беседы ничего хорошего. Обитатели Пояса астероидов считались людьми самоуверенными, несносными, бесцеремонными и не имеющими понятия о приличиях. Кроме того, они были достаточно богатыми, чтобы позволить себе подобные качества. Наименее дипломатичной и самой влиятельной из них была Мария Гейтс, посол Цереры.

- Пусть войдет.

Гейтс вошла в кабинет, и Туекакас повернулся навстречу, отвечивая легкий поклон. Посол Гейтс не ответила на приветствие. Туекакас указал на пару стоявших возле окна кресел.

Мария опустила на сиденье:

- Теперь мяч на нашей стороне корта, Джозеф.

Туекакас ощутил, как в одно мгновение его затопили связанные с вопросом чувства: иррациональные эмоции, старания разумом превзойти их и несомненная неопределенность основных фактов.

- Почему же, посол Гейтс? Зачем нужно расе разумных существ устраивать подобный сюрприз другой расе? Что могли мы сделать, чтобы заслужить подобное нападение?

- Это ничего не значит! - без колебаний ответила Гейтс. - Они попытались уничтожить нас, и поэтому мы должны построить подобный корабль и отправить его прямо в то самое отверстие, посредством которого они испражняются. За каким чертом нам нужно знать, зачем они сделали это? Даже если они просто какие-нибудь там вонючие вогоны, взявшие строительный подряд на сооружение галактической дороги на месте Земли. Пусть они совершили неспровоцированное нападение, но мы-то намереваемся ответить на него нападением спровоцированным.

Туекакас указал в окно, в сторону парка.

- Именно этого добиваются и они. Помилуй Бог, но честно скажу, что и сам хочу этого. Впрочем, часть моего существа твердит, что мне будет не до радости, если мы действительно поджарим инопланетян. Разрешите процитировать Ницше: «Сражаясь с чудовищами, будь осторожен: опасайся превратиться в одного из них». Но кто может располагать временем, необходимым для того, чтобы тщательно продумать такую идею? Эту штуковину запустили со звезды,

расположенной почти в двадцати световых годах от нас. Прочувствуйте расстояние: кораблям, которыми мы располагаем сегодня, потребуется два столетия, чтобы долететь до нее! Даже если бы мы могли выстрелить в их сторону каким-нибудь лучом, способным разнести вдребезги всю систему, ему потребовались бы те же двадцать лет на дорогу туда, причем вспышку мы увидели бы опять-таки через двадцать лет. Однако у нас нет такого оружия, нам придется изобретать и изготавливать его. Если вложить в подобную задачу ресурсы всей нашей планетной системы, возможно, лет за двадцать мы справимся с ее решением. Однако на пучки электромагнитного излучения на таком расстоянии рассчитывать нельзя. Нам придется создать звездный корабль с прямоточным двигателем, как поступили они, а потом, построив и запустив, ускорять его в течение сорока лет полета. Итак, получается, что если мы начнем работы прямо сегодня, то сможем добиться удовлетворительного результата примерно через восемь десятилетий.

Посол пожал плечами.

- Это *придется* сделать. При необходимости люди могут ждать даже тысячелетие!

- Европейцы - да. И жители Среднего Востока. Но как насчет Пояса астероидов? Вам не кажется, что основная масса людей оставила позади подобные идеи, еще когда покидала родную планету?

- Мы умеем приспосабливаться. Умеем учиться. И не собираемся оставить это нападение без ответа.

Туекакас кивнул:

- Я понимаю, мы должны что-то сделать. Мы не можем допустить повторного и более успешного нападения. Однако достигнет ли цели ответный удар? Один человек, в одном корабле, сумел найти способ и отразил, казалось бы, неотвратимое оружие. Неужели вы думаете, что они не поймут этого? Неужели не позаботятся поставить такую же преграду между собой и нами? Или вы считаете, что они не сумеют защититься от оружия, подобного собственному?

- И что же предлагаете вы?

- Мы расшифровали их послание. Можно отправить им ответ. Пусть знают, что мы остановили удар и не потерпим повторения.

- Ха! Итак, получается, что кроткие действительно унаследовали Землю! Весьма печально.

- Достоинством такого послания является то, что оно обладает скоростью света, - отметил Туекакас. - Передатчик, способный отправить его в космос, мы построили несколько десятилетий назад для какой-то там активной программы поиска внеземных цивилизаций. И не воспользовались им только благодаря правительственному запрету: многие решили, что мы спровоцируем ответ вроде только что полученного. Мы можем присоединить этот передатчик к

радиотелескопу в течение одной недели. Послание придет к ним почти сразу после того, когда они поймут, что наше солнце не взорвалось.

Мария вновь усмехнулась:

- И чего мы добьемся подобным образом?

- Когда они поймут, что промахнулись, - продолжил Туекакас, - и услышат, что мы не наносим ответный удар, то, несомненно, решат: возмездие вот-вот последует.

- Но если узнают, что их атака не получила достойного ответа, то просто расхохочутся и повторят нападение.

Туекакас кивнул:

- Новая, атака может последовать в любом случае. Если бы они намеревались направить следом за первым снарядом второй или целый флот, то не так уж важно, строим мы подобное оружие или уже отправили в космос один его экземпляр. Очевидным в таком случае станет другое: то, что мы сооружаем защиту от подобного нападения - делаем нечто такое, что не зависело бы от слепой удачи, сию минуту спасшей нас. Впрочем, возможно, они уже успели пожалеть об опрометчивом поступке, и наше известие заставит их воздержаться от повторения - на сей раз предпринимаемого ради спасения собственной шкуры.

Посол фыркнула:

- А разве нам известно, как будет «подставь вторую щеку» на их языке? Насколько я понимаю, мы знаем только слова «готовьтесь к смерти, подонки». И можем произнести их потому, что они сами научили нас. Эти твари решили уничтожить нас без всякого повода. Почему же вы уверены, что мы сумеем отговорить их от этого замысла? Впрочем, я должна была понимать: иного подхода ожидать не следует. Поэтому мы всегда назначаем генсеком жителя Земли. Вы сознаете, что больше не находитесь у кормила и стараетесь сохранить мир между многочисленными скалами нашего пояса, на которых проживает подлинная власть. Вспомните об этом: истинной силой в системе являемся мы, и всё будет сделано по нашему сценарию. Я прибыла сюда не для того, чтобы просить вас, а чтобы проинформировать об этом. Приступайте к исполнению, или мы найдем человека, который займется этим делом. Подобрать нужного кандидата будет несложно. - Мария Гейтс посмотрела на часы. - Итак, я отправляюсь на встречу, где мы будем решать вопросы, связанные с финансированием разработки такого оружия. Забавно будет посмотреть, как все участники начнут наперебой предлагать самые крупные суммы... Кстати... - запусив руку в карман, она извлекла из него тощую книжицу в бумажной обложке. - Едва не забыла. Легкое чтиво поможет вам проникнуться всеобщим настроением. - Небрежным движением она швырнула книгу на стол Генерального секретаря. - Наслаждайтесь чтением, Джозеф.

Туекакас проводил посла до дверей кабинета, а потом закрыл их и с тяжелым вздохом привалился к створкам спиной. Неужели ей известно, насколько он терпеть не может свое имя, или же эта особа решила пофамильярничать? С учетом обстоятельств любые жалобы выглядели бы просто вздором. Постаравшись изгнать их из памяти, Туекакас побрел к столу и поглядел на маленькую книжку. Она называлась «Эдисон завоевывает Марс». Взяв ее в руки, он прочел вслух набранный мелкими буквами подзаголовок: «Продолжение Войны миров».

Он и не знал, что такое было написано... Опубликовано в 1898 году! Понятно, что ковбоям этот опус пришелся по вкусу. Наша честь задета! Мы требуем сатисфакции! Дуэль на прямоточках сегодня на Мейн-стрит точно в полдень! Он бросил книжицу обратно на стол. «Сколько деревьев было погублено. Могла бы прислать и электронный текст».

Генеральный секретарь начал перебирать в памяти список людей, с которыми следовало вступить в контакт. Индира Сваруп, последние несколько месяцев исполнявшая роль его вайакины*¹, станет одной из первых и предложит другие кандидатуры. Он вспомнил послание, полученное от инопланетян ее сотрудниками и переведенное ими.

Порча творения, извращение слова, смотрите сюда. Грядет пожиратель водорода, гонящийся за светом охотник. Неостановимая приближается ваша гибель. Вы будете пожраны пламенем своей собственной звезды. Свое обязательство предупредить вас считаем исполненным. Готовьтесь к смерти.

* * *

На звонок ответил секретарь. Сначала он цедил слова с надменностью, подозревая, что имеет дело с очередным репортером, однако узнав, что на другом конце провода находится Генеральный секретарь ООН, немедленно приступил к действию. Скоро на экране появилась индийская женщина. Туекакас позволил себе чуть усмехнуться иронической выходке истории.

- Мистер Секретарь, как приятно видеть вас. Чем я могу помочь? - Индира чуть поклонилась.

¹ * *Индейское племя нецперсе верило в духов, называвшихся вайакинами, которые, по их мнению, связывали людей с невидимым миром духовных сил. Вайакин защищал человека от опасностей и становился личным духом-хранителем. Чтобы установить связь с вайакином, девушки или юноши в возрасте от 12 до 15 лет отправлялись в горы в поисках видений. При этом нельзя было иметь при себе оружие, есть и пить. Дух являлся в плотском либо бестелесном облике зверя или птицы. (Здесь и далее прим. перев.)*

- И я счастлив вновь видеть ваше улыбающееся лицо, доктор Сваруп, мой чудесный дух-наставник, - ответил Туекакас, возвращая поклон более глубокий и подчеркивая его движением ладоней. - В данный момент я счастлив видеть всех оставшихся в живых, и вы сыграли существенную роль в том, что я могу это сделать.

Индира улыбнулась:

- Когда этот проклятый снаряд пролетел мимо Солнца, я впала в такой телячий восторг, что обнимала и целовала своих детей, пока они не убежали и не спрятались от меня!

Туекакас закрыл глаза и постарался представить себе подобную сцену. На мгновение вспомнив свою старую и толстую тетюшку, он вернулся мыслями к делам. Стерев из уголка глаза радостную слезу, генсек возвратился к теме:

- Я подумал, что вам стоило бы заново собрать свою группу и помочь мне выработать следующие решения. На мой взгляд, именно Лига поиска внеземных цивилизаций обладает необходимыми познаниями относительно возможной природы этой чуждой культуры и может определить степень угрозы, которую она представляет.

- По сути, нам ничего не известно, - призналась Индира.

- Увы, я прекрасно знаю это. Однако мы должны извлечь все возможное из известных нам крох. - Туекакас помедлил, и на губах его появилась улыбка. - И ваша бригада проявила незаурядные способности в этой области - после века, отданного извлечению информации из того, что вы называете ее отсутствием.

Индира рассмеялась:

- И вы называете это высокой квалификацией?

Туекакас пожал плечами:

- По сравнению с военными специалистами? Их учат избегать домыслов и действовать на основании самой надежной информации, которую может дать разведка. Обыкновенно такой метод дает хорошие результаты, поскольку разработан на основании многих кровопролитных ошибок. Однако боюсь, что, не имея возможности воспользоваться привычным для себя оборудованием и шпионскими кадрами, военные обладают меньшей квалификацией, чем ваша группа. Необходимо выжать все возможное из доступной нам малости. То есть установить грань между тем, что известно, и тем, что следует назвать домыслом. Мне нужны антропологи, экзобиологи, лингвисты, люди, способные заглянуть в умы представителей полностью чуждой нам расы. Мне нужны специалисты, дешифровавшие это послание.

Индира нагнулась вперед, к клавиатуре компьютера:

- Уже приступила к делу.

- Хотелось бы знать, будет ли им удобно встречаться со мной по одному или по двое в маленьком владении в штате Вашингтон? Я пришлю адрес. Мне хотелось бы избежать внимания. Некоторые ваши

сотрудники, как мне известно, живут возле Нью-Йорка, в Литтл-Ферри, однако там не найдешь должного уединения. Буду рад оплатить любые расходы.

Индира улыбнулась:

- Возмещение расходов? Лига поиска внеземных цивилизаций впервые добилась чего-то существенного! Мы представляем собой добровольную организацию и обыкновенно работаем за свой счет.

Туекакас приподнял бровь:

- В самом деле? Мы действовали совместно несколько месяцев, и я даже не заподозрил этого! И сколькими же космическими радиотелескопами располагает ваша организация? Неужели работают на них только любители?

Индира кивнула с очевидной гордостью:

- По последним данным больше семидесяти телескопов заняты нашей тематикой все свое время. Еще несколькими сотнями мы можем воспользоваться в удобный момент. Большинство - это дублирующие тарелки космической связи. Несколько штук были сооружены на деньги самых богатых членов нашей организации.

- Вот уж не думал! Мне казалось, что вы работаете от Института поиска внеземных цивилизаций. Итак, вы спасли Солнечную систему и сделали это совершенно бесплатно?

Индира рассмеялась:

- Как будто мы могли отказаться! Мы были в восторге от того, что наша помощь потребовалась! Вы просто не в силах представить себе всю полноту удовлетворения, которое я ощущаю после того, как этот снаряд пролетел мимо! - Голосом более высоким она зачастила: - Мы оправданы, вопреки всем ожиданиям, после столетия, отданного исследованиям, которые большинство людей считало бесполезными. И что самое главное, я помогла спасти собственных детей... всех земных детей!

Индира вдруг осознала, что несколько забылась.

- Ох! Простите, слишком разволновалась. Что же это я хотела сказать? Ах, да! Пожалуйста, не думайте, что я с какой-нибудь долей пренебрежения отношусь к нашим коллегам из института. Мы первыми поймали сигнал, однако собственными силами не смогли бы дешифровать его настолько быстро. У них есть старый алленовский радиотелескоп и доступ к некоторым крупным антеннам, расположенным в глубоком космосе, однако по числу ушей, постоянно наставленных на выбранные звезды, ничто не может сравниться с небольшой армией любителей! Все вместе мы образуем внушительную команду, и я намереваюсь вызвать некоторых из наших экспертов, если вы не против.

Широко улыбнувшись, Туекакас кивнул в знак согласия. В ходе предыдущих бесед Индира всегда производила впечатление

осторожного, точного и сдержанного человека. Столь бурной реакции он прежде за ней не замечал. Однако неужели на всей планете нет ни одного счастливого человека, кроме доктора Сваруп? Все до единого провели последние недели погруженными в бессильный ужас, и большинством ныне владело стремление к мести. Эта благородная женщина все это время не оставляла отчаянных попыток спасти свой мир.

Или, быть может, ему следует побольше встречаться именно с матерями?

- Всех, кого вы найдете полезными. Но с разбором.

* * *

Жидкий туман висел между древних, обросших лишайником елей. Скрестив ноги, Туекакас с закрытыми глазами сидел на гладком валуне, наслаждаясь тишиной, густыми лесными ароматами, прикосновением тумана к лицу. Сшитые портными деловые костюмы остались в шкафу его нью-йоркского кабинета, и он упивался удобствами, предоставленными фланелевой рубашкой, пуховым жилетом, джинсами и поношенными ботинками. Он прислушался к негромкой поступи, приближавшейся к нему по мягкому ковру опавших игл.

- Доброе утро, доктор Сарискал, - проговорил он, не открывая глаз.

- Верно говорят о коренных американцах...

- И что же говорят о коренных американцах? - переспросил Туекакас, открывая глаза.

- Мол, они настолько близки к природе, что по хрусту сучка могут сказать, кто переломил его - зверь или человек, - ответил доктор Сарискал, изображая крадущуюся поступь.

Туекакас кивнул.

- Это мы умеем. - Подняв вверх левую руку, он явил взгляду часы-секретарь. - Особенно, располагая подобным устройством. Просто удивительно, в какой удобный и легкий агрегат современная технология превратила обыкновенный маятник, то есть гирю с цепочкой.

Обменявшись твердым рукопожатием с пришедшим, Туекакас подвинулся на камне.

- Прошу, садитесь поудобнее. Но будьте осторожны, ибо мое семейство не один век почитало эту реликвию.

Доктор Сарискал постарался устроиться на камне, улыбнулся человеку, смиренно сидевшему рядом с ним, и набрал полную грудь воздуха:

- Эта гора просто великолепна!

Генеральный секретарь кивнул.

- В Нью-Йорке мне приходится играть роль напыщенного ничтожества. Здесь я могу быть самим собой. Здесь земля находится в единстве со мной. Она прекрасна сразу на многих уровнях. Чуть попозже, если туман рассеется, вы увидите одну из самых прекрасных панорам на свете. Я сижу здесь и размышляю о том, насколько прекрасен тот факт, что все это по-прежнему существует, и надеюсь сохранить статус-кво. Что можете вы сказать об этих инопланетянах? Почему они ощущали такую потребность направить на нас этого «пожирателя водорода, гонящегося за светом охотника»?

- Вы, конечно, читали дискуссию по поводу перевода этой строчки. В конечном счете, мы оставили его дословным. Так получилось более ясное указание на то, что мы имели дело с межзвездным снарядом, снабженным прямоточным двигателем Бассарда^{*2}. - Доктор Сарискал сделал паузу, обдумывая вопрос. - С одной стороны, из послания понятно, что у них есть религия или какое-то ее подобие. Нам известно, что, основываясь именно на ней, они попытались истребить нас. Здесь, на мой взгляд, следует относиться с большой осторожностью к любому прочтению... это важно, но, быть может, не по той причине, о которой вы думаете. С уверенностью можно сказать одно: они действительно добивались нашей общей кончины.

- В случае успеха для колонизации ничего бы не осталось, посему этот мотив можно отбросить, - согласился Туекакас. - Но почему вы с таким сомнением говорите о том, что у них есть религия? Это вроде бы не вытекает из послания.

- Вопрос заключается в следующем: действительно ли религия стала причиной их желания уничтожить нас? - пояснил доктор Сарискал. - Нам пришлось читать «между строк», прежде чем мы научились читать сами строки. Сам процесс перевода потребовал от нас некоего послойного истолкования, позволившего понять значение каждого слова и найти в английском языке примерные соответствия тексту

² * Подробно об этом двигателе было рассказано в момент публикации повести Т.Лигона «Эльдорадо» («Если» № 8 за 2008 год). Вкратце напомним. Такая концепция ракетного двигателя для межзвездных полетов была предложена в 1960 году физиком Робертом Вассардом. Основой ее является захват вещества межзвездной среды (водорода и пыли) идущим на высокой скорости космическим кораблем и использование этого вещества в качестве рабочего тела (либо непосредственно топлива) в термоядерном ракетном двигателе корабля. Захват вещества межзвездной среды осуществляется мощным электромагнитным полем, имеющим конфигурацию широкой воронки, направленной вперед по вектору скорости корабля. Диаметр собирающего поля должен составлять тысячи или десятки тысяч километров.

послания. Было очевидно, что скрытый смысл этого текста связан с религиозной доктриной, выражающей нечто вроде Божьего промысла.

Туекакас кивнул:

- О концепции Божьего промысла моему народу прекрасно известно. Но если вы усматриваете здесь религиозный мотив, почему бы не заявить об этом откровенно?

- Как историк и антрополог, я хочу задать вам один вопрос, мистер Секретарь: сколько религий существует на земле? Тысячи, правда? Это лишь в научной фантастике на других мирах исповедуют по религии на каждом. Но одна она или много, не столь важно. Значение имеет другое: причина, по которой тот или иной народ ее исповедует. Возможно, я ошибаюсь, но все же выслушайте меня. На мой взгляд, это послание предназначалось совсем не нам.

Туекакас повернулся к собеседнику:

- Интересная мысль.

- Послание совершенно определенно указывало на то, что нас предупреждают, следуя некоторой разновидности нравственного обязательства, - пояснил доктор Сарискал. - Быть может, оно требует официально объявить войну, как это сделали японцы, прежде чем напасть в Перл-Харборе на флот вашей страны. Однако они явным образом не собирались предоставлять нам достаточно времени для обороны. Послание было предназначено лишь для исполнения этой обязанности и, думаю, имело чисто внутреннее назначение. Они наверняка не предполагали, что мы сумеем вовремя истолковать его, а также, безусловно, не рассчитывали на то, что благодаря невероятной удаче у нас в нужном месте окажутся корабль и отважный пилот, сумевший определить необходимые меры и предпринять их. Послание это предназначалось не нам.

- Это очень близко к моей оценке ситуации, - согласился Туекакас.

- Теперь более спекулятивная часть, - продолжил Сарискал. - Вполне возможно, они располагают доминирующей религией или каким-то общим философским моментом, свойственным большинству их религий. Непременно должно существовать достаточно укорененное верование: либо эта часть Галактики принадлежит им, либо мы являемся извращением, язвой, которую следует уничтожить, прежде чем она разрастется. Послание явно взывает к этому верованию. Я вижу в нем попытку обосновать идею удара по нашему миру.

- Удивительно. - Туекакас на секунду умолк. - Если я вправе обратиться к теме, еще остающейся болезненной на вашем континенте, не находите ли вы здесь параллели Крестовым походам, которые короли Европы организовывали ради «спасения» Святой Земли?

Доктор Сарискал кивнул:

- Именно так. Думаю, ими управляют светские власти,

воспользовавшиеся общим убеждением для оправдания своих действий. Возвращаясь назад, можно сказать: само существование формальной религии указывает на то, что эта раса не настолько чужда нам, как какой-нибудь разумный улей. Они могут быть подвержены предрассудкам в отношении инопланетян и даже подчиняться инстинктам толпы, однако они обладают системой верований. И общество должно знать, что нападение являлось оправданным и было произведено в соответствии с общими убеждениями.

- Тогда они должны располагать руководством, нуждающимся в одобрении подчиненного ему населения?

- Не обязательно демократическим строем, но таким, при котором население не является полностью слепым. Властям приходится убеждать народ, править согласно некоторым общепринятым нормам. Они хотели атаки. Но спасла нас именно их религия - своим требованием предупреждения.

- Да, их власти хотели этой атаки, - согласился Туекакас. - По простой, но, возможно, глубинной причине.

- Вам известно, что вызывает войны? - спросил доктор Сарискал.

- У меня есть собственные соображения на эту тему, но хотелось бы услышать ваше мнение.

- Вину в разжигании войн возлагали на гонку вооружений и неспособность вооружиться, как надо. Причину их видели то в голоде, то в изобилии. Поджигателями войны объявляли людей, ненавидящих другие народы, с которыми у них мало общего, однако войны чаще происходили между близкими по культуре и духу соседями. Гнев населения может способствовать началу войны, однако начинается она по другой причине. Истина заключается в том, что война прежде всего вызывается следующим условием: власти - по крайней мере, одной из конфликтующих сторон - видят в ней для себя ту или иную выгоду.

Туекакас на мгновение задумался:

- А не предложить ли вам одно исключение из правила?.. Впрочем, нет, не получается. Не могу представить себе пример, опровергающий ваше утверждение. Но в таком случае мне бы хотелось верить, что их власти имеют некие домашние неприятности и нуждаются во внешнем факторе, отвлекающем население от этих неприятностей.

Доктор Сарискал чуть склонил голову набок.

- Такая экстраполяция может показаться преувеличенной, однако, если это действительно так, я несколько не удивился бы. Политика и бюрократия, похоже, обладают определенными общими особенностями. Похоже, политики и бюрократы любой цивилизации будут высокого мнения о Макиавелли.

- Ну, в этом я с вами согласен, - заметил Туекакас. - Но нет ли у вас альтернативного объяснения?

Доктор Сарискал покачал головой:

- Мы рискуем далеко выйти за рамки известных фактов. Вполне возможно, что эта цивилизация накопила в прошлом негативный опыт общения с инопланетянами. Не исключено, что они по природе своей являются бескомпромиссными и непреклонными ксенофобами. Факт в том, что в точности нам ничего не известно. Жаль, что я не могу принести большей пользы, однако мне не хотелось бы предлагать ложных идей, способных подтолкнуть к опасному для нас выводу.

Туекакас кивнул:

- Понимаю... Мы не можем исключить возможности того, что эта раса является в высшей степени ксенофобной. Но в таком случае в то самое мгновение, когда они поймут, что мы не уничтожены, начнется подготовка к новому нападению - вне зависимости от того, что мы тут делаем. Мы должны быть готовы к отпору. Но вопрос заключается в том, как лучше прореагировать в случае, если они не собираются наносить повторный удар? Обречены ли мы на межзвездную войну, которая продлится до уничтожения одной из сторон, или у нас есть возможность сделать ход, который позволит нам избежать разрастания конфликта?

Небо расчистилось, и солнце явило свой лик из-за облачной пелены. Туекакас указал на небо:

- Вам не кажется, что это знак?

Доктор Сарискал скорбно усмехнулся:

- Учитель Сунь говорит: «Запретите внимать знамениям и избавьтесь от суеверных сомнений». Туман, закрывающий от нас суть этой проблемы, увы, более не расступится. Но если нам повезет, я вот-вот смогу увидеть тот вид, о котором вы говорили... - Он задумался на мгновение. - Если я правильно понимаю, вы против возмездия? И если так, не уверен, что готов стать вашим союзником.

- Вижу, вы хорошо знакомы с «Искусством войны»^{*3}, - проговорил Туекакас. - Война - серьезное дело. Сунь Цзы также говорил: «Война - это дело жизни и смерти, дорога либо к безопасности, либо к гибели». И он предостерегал против сражений, развязанных из гордыни или гнева. Эта война станет куда более серьезной, чем все, выпадавшие прежде на долю людей. И мое образование позволяет сделать вывод, что война обыкновенно является плохим лекарством, особенно в том случае, если ввязываешься в конфликт с соперником, которого не рассчитываешь победить.

- Мое образование подсказывает мне не испытывать такого

³ * *Самый известный древнекитайский трактат, посвященный военной стратегии и политике. Традиционно приписывается военачальнику и стратегу VI-V веков до н.э. Сунь Цзы и, соответственно, датируется концом VI - началом V века до н.э.*

пессимизма в отношении исхода войны. - Взгляд доктора Сарискал сделался суровым и мрачным. - В настоящий момент я чувствую достаточный гнев для того, чтобы собственными руками вогнать звездолет в глотку этим зеленым человечкам, если это действительно поможет делу. Ход моих мыслей отнюдь не предполагает, что мы должны проявить к ним какое-либо милосердие.

- Не только ваших мыслей, но еще двадцати миллиардов душ. Мнение большинства, вне сомнения, победит. В конечном итоге я сам могу согласиться с ним. И должно быть, в таком случае стану еще одним примером руководителя, ищущего выгоды в войне. Однако хотелось бы знать, в какой альтернативной реальности месть действительно оказывается сладостной? - Туекакас прислонился спиной к камню и набрал полную грудь свежего воздуха. - Поскольку вы являетесь культурологом и антропологом, позвольте мне поведать вам кое-что о родной мне культуре, - продолжил Генеральный секретарь. - Исторически правление у нас осуществлялось путем консенсуса. Мы выбирали вождя, однако никто не был обязан следовать его приказу. Им вполне мог оказаться сын прежнего вождя, но он не наследовал власть подобно королю. Мы выбирали его потому, что с самого раннего возраста его учили определять наилучший поступок. Если он говорил, что пришла пора перебираться на лето из долины на высокогорье, люди следовали за ним, так как знали, что он прав. Если он говорил, что пора начинать копать корни квамаша или рассылать охотничьи отряды, они подчинялись, потому что знали, что он прав. Но вот если бы он в самый разгар лета предложил спуститься в долину, люди поняли бы, что имеют дело с дураком, и не стали бы повиноваться ему. Вожди учились тщательно продумывать ситуацию и рекомендовать лучшее направление действий, которое, как они знали, заслужит всеобщее одобрение.

Доктор Сарискал улыбнулся:

- Кажется, я начинаю понимать, каким образом вы заняли свой пост.

- Я знал это с самого начала. Генеральный секретарь никогда не был наделен властью. Организация Объединенных Наций может действовать только при наличии консенсуса. И Генеральный секретарь должен быть специалистом в области достижения такового. Если я порекомендую то или иное действие и никто не последует за мной, я потерплю поражение. Но в то же самое время если я не сумею порекомендовать наилучший курс действий и вместо него склонюсь перед давлением толпы, потому что человечество за всю свою историю не испытывало подобного гнева, и не продумаю все возможные перспективы, то сделаю худшую ошибку. В истории моего собственного народа известны подобные неудачи. Я должен найти наилучший путь и при этом быть уверенным в том, что люди поймут свою выгоду и последуют за мной.

* * *

Индира Сваруп навела зеленый лазер небольшого телескопа на полярную звезду, проверила установочные шкалы, чуть подвинула треногу и вновь настроила телескоп. Ее интересовало созвездие Кассиопеи, и она повела телескопом, направляя зеленый луч на неяркую звездочку, находящуюся возле центра созвездия.

- Сегодня чудесное небо. И отсюда очень удобно рассматривать северные созвездия, если позволяет облачность.

Парок ее дыхания коснулся лазерного луча, высветив его еще ярче и заставив заплескаться пылинки и капельки влаги. Другого света, кроме света звезд, не было, но небо оставалось настолько ясным, что привыкшие к тьме глаза легко различали контуры созвездий.

Индира включила экваториальный привод, выключила лазер и заглянула в окуляр.

- Да, так вот какая ты у нас, Эта^{*4} Кассиопеи. - Она пригласила Туекакаса посмотреть, а сама опустила руки в карманы, чтобы согреть их. - Не так уж плохо для столь древней рухляди. Этот телескоп у меня первый; он был древней реликвией уже тогда, когда мне его подарили, однако старина до сих пор любит знакомить новичков с небом. - Такое название - Эта Кассиопеи - звучит чересчур научно. Как там называет ее пресса? Акридой? - Генеральный секретарь склонился к окуляру, пытаясь при этом изобразить, будто ему приятно на холоде. - Ничего не вижу.

Она осторожно прикоснулась к его голове.

- Ваш глаз должен находиться в правильной точке, примерно в двух сантиметрах над окуляром. И если сможете, не прикасайтесь к телескопу, иначе он начнет вибрировать. И не дышите на линзы... Некоторые люди называют эту звезду Ахирд. Что означает это слово, никому не известно, однако, вероятно, оно связано с поясом Кассиопеи.

- Ах-ирд. Прямо акрида, саранча... Подходящее имечко. - Туекакас умолк, пытаясь найти нужную точку над окуляром. - Вот она!

Посмотрев на звезду несколько секунд, он заметил без лишнего энтузиазма:

- Ничего особенного, не так ли?

- Согласна, - отозвалась астроном. - И поэтому она уникальна. От

⁴ * Согласно принятому в астрономии обычаю звезды созвездий в нисходящем порядке по яркости обозначаются греческими буквами, начиная от альфы: α , β , β ... и так далее; η (эта) является седьмой по счету.

нашего Солнца ее отличает только одна особенность. Что вы еще видите?

- Небольшую красную точку рядом с ней. Другая звезда?

- Вы правы. Эта Кассиопеи представляет собой двойное светило. Главная звезда является желтым карликом, очень похожим на наше Солнце. А крошечная красная искорка возле нее - красный карлик, совершающий один оборот вокруг главной звезды примерно за 480 лет. Таким образом, он находится примерно на 75 процентов дальше от нее, чем Плутон от нашего Солнца. Если бы в нашей системе находилась такая звезда, мы уже были бы звездоплавателями.

- Интересно. - Туекакас поднял голову, стараясь разглядеть место тусклой звездочки среди ярких звезд созвездия. - Это означает, что напавшие на нас кассиопейцы уже являются таковыми.

- Если они так и не вышли в большой космос, это может стать лишь следствием весьма продуманного и красноречивого выбора. Они, безусловно, занимают планеты обеих звезд. Однако мы еще не обнаружили свидетельств того, что они вышли за пределы собственной звездной системы, хотя наблюдаем, конечно, недостаточно долго. Тем не менее на Земле известен подобный прецедент.

- Неужели? - Туекакас вопросительно посмотрел на Индиру, а потом вспомнил свой разговор с доктором Сарискалом и догадался, о чем она ведет речь. - Китайцы! Вы имеете в виду «большой флот»?

- Именно, - подтвердила Индира. - В начале пятнадцатого века в Китае жил ничем не уступавший флотоводцам Запада адмирал по имени Чжэн Хэ, который построил огромный флот и провел масштабные экспедиции. Император Чжу Цичжэнь прекратил экспансию и приказал сжечь корабли. Некоторые предполагают, что император убоился усиления флота.

- Я слышал об этом, - кивнул Туекакас. - Если в этой цивилизации доминирует настроенная подобным образом империя, распространившая свое влияние на всю звездную систему, это многое объясняет. Но каким путем абсолютный властитель может править империей размером в световые годы? Отдаленные колонии непременно станут автономными! А звездные корабли, средства передвижения можно использовать в качестве оружия, способного угрожать императору... Они не стали переселяться в системы других звезд. Однако, обнаружив, что кто-то другой делает это, попытались остановить его любой ценой. Вполне разумное предположение! Итак, вам известно, что обе системы населены?

Индира ответила согласным кивком:

- Система достаточно близка к нам, и поэтому мы рассмотрели их планеты с помощью телескопов дальнего космического наблюдения. Одна из них явно похожа на Землю и находится в пригодной для жизни

зоне, равной примерно одной шестидесятой расстояния между обеими звездами. Мы видели, как эта планета меняет цвет при вращении, кроме того, она обладает водными просторами и растительной жизнью, базирующейся на некотором подобии хлорофилла. Когда она прошла перед одной из удаленных звезд, мы обнаружили пригодную для дыхания атмосферу со следами промышленной деятельности. Вокруг красного карлика обращается пара планет, и одна из них обнаруживает признаки преобразования в планету земного типа, обладающую в том числе тем же самым фотосинтетическим процессом.

- Удивительно. И насколько давно нам это известно?

- О планете земного типа мы знаем несколько десятилетий, - ответила Индира. - Преобразованный к земным условиям мир мы открыли только на прошлой неделе. Следы промышленной деятельности обнаружили в старых данных, которые мы подвергли повторному анализу несколько дней назад. Скоро мы узнаем о наших врагах еще больше. Почти каждый пригодный для астрономических наблюдений инструмент сейчас нацелен на эту двойную звезду и соседние с ней, чтобы понять, успели ли они выйти за пределы собственной системы.

- Что еще мы можем обнаружить? Конечно, занимаются ли они постройкой звездных кораблей, отсюда не увидишь... - Туекакас приподнял бровь. - Не так ли?

- Вы правы. Возможно, нам удалось бы обнаружить новую прямоточку вскоре после старта. Но мы абсолютно уверены в том, что вторая такая же к нам пока не летит, во всяком случае, на релятивистских скоростях.

- А можно сказать, случалось ли им прежде атаковать соседние звезды тем же способом?

Индира улыбнулась:

- А вот это действительно великолепный вопрос. Мы еще не до конца проанализировали данные, однако пока не обнаружили никаких свидетельств того, что им уже приходилось делать это. И мы вполне уверены, что не пропустили никаких свидетельств взрыва близких к нам желтых карликов. Он стал бы настолько очевидным отклонением от предписываемой главной последовательностью эволюции звезды, что мы заметили бы его. Мы до сих пор не разобрались с точной моделью индуцируемого ударом такой прямоточки взрыва ядра, однако конкурирующие модели отличаются только временем, за которое взрывная волна будет выходить на поверхность. Мы заметили бы аномальное содержание металлов в звездном пепле.

- То есть вы хотите сказать, что такой взрыв будет сопровождаться выбросом тяжелых элементов, подобно обыкновенной сверхновой? - Туекакас снова пригнулся к телескопу.

- Именно так. - Индира посмотрела на небо и обхватила себя руками,

чтобы сберечь тепло. - Искусственно спровоцированный взрыв желтой звезды не будет похож на взрыв сверхновой или на взрывы белых карликов. Ну, и нужно учитывать расстояние, на котором эта цивилизация может произвести нападение. Не стоит искать остатки звезд на расстоянии нескольких сотен или тысяч световых лет. Можно ограничиться максимум сотней. Потом надо учесть возраст этой культуры и скорость ее прогресса: она не может быть слишком старой - скорее всего, ей не больше нескольких десятков тысяч лет или даже только десятка тысячелетий. Сведения звездных каталогов не содержат указаний на подобное событие.

Туекакас встал и потянулся.

- Я все еще пытаюсь охватить масштаб происшедшего. Эта звезда находится в двадцати световых годах от нас?

- Точнее, на расстоянии в 19,52 светового года, согласно новейшим измерениям параллакса.

- Совсем рядом. - Туекакас покачал головой. - При всей колоссальности этого расстояния враждебная звезда практически находится на нашем заднем дворе. Возле нее обитает цивилизация, явно более развитая, чем наша, но все же не настолько, чтобы мы не смогли понять хотя бы основ ее техники. Доктор Бассард предложил концепцию оружия, которое они направили на нас, задолго до того, как они его запустили. Еще одно совпадение! Голова кругом идет от их количества. Во всем окружающем времени и пространстве оказывается, что у нас есть близкие соседи, не уж столь далеко опередившие нас по уровню развития... и они хотят нашей смерти.

Индира посмотрела на сложенное из звезд неправильной формы «W».

- Я поддерживаю контакты с группой, изучающей галактические орбиты близких к нам звезд. Ахирд старше Солнца, однако существуют некоторые уравнивающие факторы. Обе звезды в настоящее время находятся в благоприятном звездном окружении. Близкая к нам часть Млечного Пути благоприятна для жизни. Нам уже известно, что нашей планетной системе на своем пути через Галактику не раз приходилось проходить сквозь куда менее пригодные для жизни области, о чем свидетельствует ряд массовых вымираний биологических видов, имевших место на Земле... Похоже, обе системы примерно одновременно и недавно миновали опасную область Галактики. И, быть может, обе перенесли массовые вымирания и двинулись по аналогичному эволюционному пути. Возможно даже, что обе родительские планеты одновременно претерпели свои последние оледенения, ставшие результатом уменьшения интенсивности космического излучения. Не исключено, что они развивались медленнее нас, но раньше начали свой путь. Замедлить прогресс могла относительная нехватка металлов. И раз уж они такие

ксенофобы, то могут заодно оказаться и луддитами, противниками резких технических перемен... Уверенность можно испытывать только в одном. Момент нападения определила не случайная комбинация фактов. Мы сами дали сигнал о своем выходе в космос.

- В самом деле! И каким же образом? Ведь мы так и не воспользовались большим передатчиком для активного поиска внеземлян. Неужели этим «успехом» мы обязаны предыдущим попыткам дальней связи, предпринятым с меньшей мощностью?

Индира покачала головой:

- Едва ли хоть одна наша прежняя передача дошла до Эта Кассиопеи. Мы картографировали облако Оорта с помощью очень мощного радара. Чтобы получить отражения от комет, находящихся на удалении до половины светового года, приходилось использовать импульсы в тераваттном⁵ диапазоне. Просвечивание производилось узким лучом. Мы начали это исследование семь или восемь десятилетий назад, и ряд пучков был отправлен как раз в их направлении, при интенсивности в семь баллов по шкале Сан-Марино.

- Шкале Сан-Марино? - Взгляд Туекакаса по примеру Индиры обратился к созвездию.

- Это такой аналитический инструмент, которым пользуется Международная академия астронавтики для описания мощности земных излучений. Разработана Алмаром и Шухом еще в двадцатом веке. Доктор Шух был основателем проекта поиска внеземлян и одним из моих тогдашних кумиров.

- А насколько заметны семь баллов по этой шкале?!

- Ставшее вехой послание, отправленное из Аресибо в 1974 году, было немного сильнее, - ответила она. - Если у них, наверху, имелось соответствующее оборудование, нацеленное на соседние звезды, способные оказаться обитаемыми, они приняли бы сигнал без особых трудов.

- Итак! - Туекакас повернулся к Индире и улыбнулся. - Мы сами сообщили им о том, что стоим на пороге межзвездных путешествий. Мы постучались в дверь, ведущую к звездам, и получили ответ.

Индира приподняла бровь:

- Получили. Только не тот, который ожидали.

- Вайакина моя, - задумчиво промолвил Туекакас, немного помолчав, - скажите мне искренне, по вашему мнению, я размазня?

Индира посмотрела на него с откровенным изумлением.

- Какой нелепый вопрос!

Туекакас обратил свой взгляд к ее лицу, освещенному светом звезд, пытаясь прочесть его выражение.

- До этого самого мгновения я гордился тем, что считал себя

⁵ * 1 тераватт = 10¹² Вт.

человеком, способным найти золотую середину. Мастером компромиссов, которому могут довериться любые две стороны. Но сейчас я оказался в положении далеком от среднего... более того, меня вынуждают принять ситуацию, которую я считаю ужасной ошибкой. И если я буду сопротивляться, то потеряю свое положение, а с ним и возможность оказать позитивное влияние. И это делает меня малодушным трусом в то самое время, когда нам нужен настоящий лидер.

Индира помедлила, прежде чем ответить.

- Мне кажется, вы могли бы подобрать более соответствующее ситуации слово. Например, «реалист». Оно гораздо точнее передает положение. На пути бульдозера с голыми руками не станешь.

Генеральный секретарь искренне улыбнулся и расхохотался.

- Я сказала что-то смешное? - удивилась Индира.

- Я всегда могу положиться на вас, вайакина, в поисках нужного ответа! Никакие они не акридиане! Это же вогоны! Посол Гейтс напомнила мне про них несколько дней назад. Вы читали о них?

- Вогоны? Из Дугласа Адамса? И какое отношение они имеют к бульдозерам? - Она скривилась. - Стыдитесь. Бедный мистер Гендиг стал перед их бульдозером, и что получилось?

- Да благословит Бог память о Викторе Гендиге. Однако вы только что напомнили мне о некоей шалости, в которой я участвовал в молодые годы. Мы сумели задержать начало строительства до завершения экологической экспертизы. Мы предотвратили строительство плотины не столь далеко отсюда. Моя же роль заключалась в вождении бульдозера, так сказать, встречным курсом! Строительная фирма квалифицировала наши действия как экотерроризм, однако мы посчитали, что всего лишь обратили оружие нашего противника против него самого. Должно быть, мне придется вспомнить, что существует куда лучший способ борьбы с бульдозером, чем просто встать на его пути.

* * *

Доктор Эндрю Говард аккуратно поставил веретенообразную модель на полированную поверхность стола. Сложная конструкция восхитила Туекакаса.

- Так это и есть прямоточный двигатель Бассарда? Слишком изящное изделие для убийцы звезды.

Доктор Говард распрямился и улыбнулся. Он казался взволнованным и озабоченным, но в то же мгновение и очень гордым.

- Ну, эту модель я создал несколько лет назад. Это не убийца звезды. Вы правы: звездный аппарат ахирдиан наверняка был более

массивным. Наши горняки, занимающиеся разработкой комет, сумели сделать несколько снимков этой машины, и мы изготавливаем ее модель, однако главные компоненты удивительно похожи. Но вот эта модель представляет собой обыкновенный звездолет.

Туекакас пригнулся к столу, изучая конструкцию задней части аппарата.

- Мне понравилась непринужденность, с которой вы произнесли эти слова: «обыкновенный звездолет».

Доктор Говард усмехнулся.

- Думается мне, что ни один корабль, который способен «преследовать свет», нельзя называть обыкновенным. Даже мою конструкцию всегда можно использовать в качестве опасного оружия. А снаряд ахирдиан располагал тремя разнесенными узкими конусами, расположенными впереди моей модели. Это экраны, защищающие от микрометеоритов. Теперь расположим три массивные металлические болванки у этой мачты вместо грузового и пассажирского отсеков в моей конструкции - вот здесь. Это основные блоки пенетратора... головка тарана. А вот эти кольца представляют собой простые, но очень мощные соленоиды. Радиальные выступы служат электростатическими антеннами. Позади соленоидов находится электромагнитный компрессор, создающий условия для начала реакции. Расположенное позади жало, или игла, исполняет функцию, аналогичную соплу ракетного двигателя, или более точно - хвостовому конусу клиновоздушного*⁶ двигателя.

Туекакас кивнул.

- Итак, вы уже знали, как построить такой корабль?

- Приблизительно, - проговорил доктор Говард. - Мы имели представление о том, как делать коллектор. И были уверены, что преодолели старинные возражения относительно сопротивления среды. У нас уже существовало несколько идей о том, как запустить реакцию: двойной цикл катализа CNO, мюоны, быть может, даже реакция собранного коллектором водорода с припасенной антиматерией. Однако доказательств не было. Мы не знали наверняка, сможет ли работать подобного рода устройство. Водород трудно использовать в качестве топлива в реакции синтеза. Мы, конечно, представляли, что это в принципе возможно, однако не имели ни серьезного стимула, ни финансирования для подобной работы. А инопланетяне доказали нам работоспособность идеи.

- Словом, теперь вы все понимаете?

⁶ * *Тип ракетного двигателя, который поддерживает аэродинамическую эффективность в широком диапазоне высот над поверхностью Земли с разным давлением атмосферы путем использования клиновидного сопла.*

Доктор Говард развел руками, выражая сомнение.

- Скажем так, у нас есть несколько хороших идей, и теперь мы абсолютно уверены в том, что способ реализации всей схемы существует. На корабле ахирдиан использовалось магнитное поле чудовищной интенсивности. Мы не уверены, что знаем, зачем оно им понадобилось, и еще менее нам известно то, как они создавали такое поле. Оно превосходит характеристики наших лучших сверхпроводящих магнитов на порядки. Однако взрыв дейтерия разрушил магниты, спровоцировав вторичный взрыв. Мы зафиксировали точные спектральные характеристики и знаем теперь, из чего были изготовлены эти магниты.

Туекакас подошел к противоположной стороне стола, изучая модель.

- И в чем вы нуждаетесь, чтобы мы могли построить такой корабль?

Доктор Говард просиял:

- В деньгах. В ресурсах. В приоритетном обеспечении. Нам необходим Манхэттенский проект.

- Я как раз думал об этом...

Доктор Говард открыл свой кейс и торопливо извлек из него переплетенный документ.

- Необходимо приступить к очень серьезному проведению ряда фундаментальных исследований. Мы должны выяснить, как и почему они делали такие магниты. Нам необходимо понять, пользовались ли они в своем приводе какой-нибудь экзотикой, вроде магнитных монополей, или научились преобразовывать материю в антиматерию. Пользовались ли они катализом, как рекуперировали катализатор? Или, быть может, запитывались темной материей, нейтралитно... в конце концов, их много больше, чем водорода, и они способны аннигилировать. Возможно, темная материя способна реагировать с полем такой силы. - Он вложил документ в руки Генерального секретаря. - Вот наша оценка необходимых людских и материальных ресурсов.

Раскрыв папку, Туекакас сразу углубился в список организационных мер. Пролистав несколько страниц, он добрался до той, на которой была изображена схема предлагаемого оружия.

- Да-да, отлично... А скажите мне, доктор Говард, сколько времени, по вашему мнению, уйдет на его разработку?

Бравое выражение лица физика сменилось озабоченностью.

- Трудно сказать, учитывая общую неопределенность в ресурсах. Манхэттенский проект располагал неограниченными возможностями.

- Манхэттенский проект опирался на часть ресурсов всего одной страны, - поправил его Туекакас, - выделенной из внушительного военного бюджета. Кроме того, первые атомные бомбы были изготовлены уже через несколько лет после начала работ. Однако американцы не испытывали такого возмущения державами Оси, как мы

этими... ахирдианами.

Доктор Говард сконфуженно кивнул.

- Многие работы они производили параллельно. Два различных метода обогащения, в том числе крупная программа по гидроэнергетике для обеспечения работ. Программа по реакторам-бридерам, программа работ над проектированием компонентов. У нас также должны идти параллельные программы. И возможно, нам придется начать строительство космической верфи для этого аппарата еще до того, как появится окончательная ясность с проектом.

- Тем не менее я полагаю, - проговорил Туекакас, - что на весь проект уйдет больше времени, чем на создание атомной бомбы. В конце концов, это же звездный корабль! Итак, лет десять? Или больше?

- По меньшей мере, десятилетие. А может быть, и два. Признаюсь, мне и самому хотелось бы закончить работы быстрее. Мы должны ответить им раньше, чем они смогут нанести новый удар.

- Если они запустят новый снаряд сразу после того, как узнают о промахе первого, у нас все еще останется достаточно времени на ответный удар, - ответил Туекакас. - Однако я не заметил в вашем проекте никаких оборонительных мер. Немыслимо полагаться на одну лишь удачу в таком вопросе.

- Ну, конечно, - согласился физик. - Есть предложение создать флот достаточно крупных буксиров, способных перемещать малые планеты в направлении возможной атаки, а также флот робокораблей, позволяющих выпускать дейтериевые облака на значительно более далеком от Солнца расстоянии, чем удалось нам на этот раз. Кроме того, мы намереваемся разработать стратегию преодоления их обороны путем множественного одновременного удара и ложных целей. - Доктор Говард помедлил, набираясь храбрости. - Гм, если вас не заденет этот вопрос, сэр... насколько я понимаю, вы были против этого проекта. Вы изменили свое мнение? То есть я хочу напомнить о том, насколько беспомощными мы ощущали себя перед тем, как снаряд ушел в сторону. Нам необходимо что-то предпринять. И я обязан участвовать в создании нужных средств защиты.

- Вполне понимаю ваши чувства.

- В самом деле? Эти ахирдиане едва не уничтожили весь род людской! Мы не можем оставить такое нападение без внимания. Мы должны обрушить на них свою кару! Итак, вы теперь совсем наш? Отлично!

Туекакас лукаво улыбнулся.

- Лучше скажем так: я искал наиболее выгодное для нас решение. Вы описали мне, на что мы способны, и теперь я полагаю, что ваша программа необходима нам.

* * *

- И скольких же задиристых ковбоев они прихватили на наш пау-вау?^{*7}
- спросил Туекакас у помощника. Генеральный секретарь явно пребывал в хорошем расположении духа и ждал начала совещания.

- Шестерых, сэр, если вы имеете в виду обитателей Пояса.

Туекакас удовлетворенно улыбнулся - его непочтительный жест явно произвел впечатление на молодого человека.

- Гм-м, нужно бы еще индейцев. Загони сюда парочку доходяг. Я намереваюсь вести переговоры с позиции силы.

- Сэр, мы и так уже заставляем их ждать.

- И пусть себе ждут. Я намереваюсь войти со свитой в восемь человек. Мы займем все места за столом. - Туекакас подмигнул Индире. - Старинный фокус, которому я научился от предков, вайакина. Яви свою силу, даже если намереваешься сдаться.

* * *

Посол Гейтс вновь глянула на часы.

- Черт бы его побрал! Уже пятнадцать минут. За кого он себя принимает, заставляя нас ждать?

Мужчина слева от нее, откинувшийся на спинку, кожаного вращающегося кресла, повернул к ней голову.

- Вы про кого, про этого... генсека? Расслабьтесь. Он просто заранее дает намек. По моему мнению, вы получите полную свободу.

Двери распахнулись, и в них появились две шеренги людей, направившиеся к свободным местам по обе стороны стола. Замыкавший шествие Туекакас остановился возле широкого кресла во главе стола.

Посол Гейтс встала, члены ее делегации последовали примеру.

- Джозеф, полагаю, вы знаете всех, находящихся на моем конце стола.

Туекакас кивнул.

- А я уверен, Мария, что ваши соглядатаи заранее познакомили вас с моими сотрудниками и советниками... Прошу всех садиться. Совещание не займет много времени. Чтобы высказать правду, долгих речей не потребуется.

Опускаясь в кресло, посол Гейтс дала знак представителю О'Нила, который переправил толстую стопку предложений членам свиты

⁷ * Пау-вау - собрание североамериканских индейцев. Название произошло из языка наррангасет от слова, означающего «духовный лидер».

Генерального секретаря. Туекакас глянул на внушительную папку, но открывать ее не стал.

- Джозеф, вы проиграли, и вам это известно, - ровным голосом отметила Мария Гейтс. - Поэтому не надо ничего изображать.

Туекакас усмехнулся.

- Програл? Позвольте предположить... в этой грудке погубленной древесины живых деревьев, что сейчас находится передо мной, содержится предложение потратить внушительное количество ваших денег на беспрецедентную ударную программу исследовательских и проектных работ, не так ли? Вы готовы платить любые деньги. Вам нужно оружие. Вам нужно воздаяние. Вы похожи на группу индейцев-лакота, собравшихся на военный танец. Я удивлен только тем, что не вижу на ваших лицах боевой раскраски.

- Джозеф...

- И я решил не противоречить вам. Более того, я вас полностью поддерживаю.

На лице Марии промелькнуло изумление, однако она немедленно взяла себя в руки.

- Итак, вы осознали, что в противном случае совершите политическое самоубийство?

Туекакас пожал плечами.

- И это тоже. Однако я все равно боролся бы с вами, если бы не посчитал ваше предложение наиболее предпочтительным.

Делегация Пояса в недоумении переглянулась. Генеральный секретарь продолжил:

- Должно быть, вы подумали, что я решил поддерживать курс на войну? Нет, я решил поддержать развитие межзвездного прямого двигателя. Доктор Бассард, как вам известно, не намеревался превращать его в оружие. Он предполагал, что люди используют его для мирных межзвездных перевозок. Время для начала такой работы пришло. И мы приступаем к ней немедленно, пока люди кипят гневом, жаждут отмщения и готовы заплатить за него любую цену. До сих пор мы не вели подобных исследований потому, что не были до конца уверены в схеме и поиски решения казались крайне дорогими, причем без гарантированного положительного результата. Время не подгоняло нас. Однако из-за нападения мы знаем, что идея работоспособна, и понимаем необходимость создания подобных машин.

- Вы хотите сбить нас с толку! - бросила Мария. - Мы не позволим вам этого сделать!

- Не торопитесь, - проговорил с уверенной улыбкой Туекакас. - Чтобы создать подобный космолет, потребуется никак не меньше десятилетия, а скорее всего, много больше. Война редко длится дольше нескольких лет. У людей будет время остыть и задуматься. Многие поймут тщетность совершенно бессмысленной войны с

ахирдианами, ненужность обмена ударами этих прямоточек, нацеленных в звезды друг друга, пока наконец какой-то из сторон не изменит удача, причем речь будет идти уже о наших детях и внуках. Им в конечном счете надоест тратить сказочные ресурсы на губительное безумство, они поймут, что наша уязвимость закончится, когда мы выйдем за пределы одной системы. Они увидят, что мы стоим перед дверью, ведущей к звездам, и наши соседи абсолютно непреднамеренно подбросили нам ключи к ней. И когда люди все это осознают, они обнаружат, что Генеральный секретарь - самый надежный их союзник. А когда настроение общества переменится - лет через пять, по моему мнению, - вас просто сметут. Однако я рассчитываю, что тогда вы согласитесь со мной и присоединитесь к нам. Но если вы желаете, мы охотно примем вас прямо сейчас в наши ряды.

Видимо, вы считаете, что я не хочу мести. Ошибаетесь. Я ее добиваюсь. Я только хочу, чтобы она привела к нашему благу, а не к гибели. И я не стремлюсь, чтобы совершенное против нас злодеяние повергло человечество в скверну. Я предлагаю самую тонкую месть, - проговорил он с очевидным удовлетворением. - Они намеревались погубить нас, чтобы мы не вышли к звездам, но вместо этого наделили нас способом космических путешествий!

* * *

Индира и Туекакас, восхищаясь видом, стояли возле окна его кабинета.

- Вы не упомянули о приведении в готовность системы дальней космической связи, - напомнила Индира. - Вы отмечали возможность избежать второго удара с помощью умно составленного послания.

- Вы совершенно правы, - согласился Туекакас. - Мне она скоро понадобится. Пусть пока переварят изменение ситуации.

- Только не надо ждать слишком долго. Если... ахирдиане? Вогоны?.. Словом, инопланетяне располагают другим готовым к полету снарядам, они не станут ждать слишком долго, когда обнаружат, что Солнце не взорвалось. Видите ли, некоторые из наших любителей уже шлют свои собственные послания ахирдианам.

- Без благодарностей и комплиментов, я полагаю. - Туекакас приподнял бровь. - Но сумеют ли они дойти до адресата?

- Едва ли, - ответила Индира. - Во-первых, никто из них толком не владеет даже подобием перевода на ахирдианский. Кроме того, я сомневаюсь в том, что мощность любого сигнала выйдет за пределы тройки по шкале Сан-Марино. Однако я не стала бы утверждать, что подобное положение сохранится достаточно долго.

Глядя в пространство, Туекакас неторопливо кивнул.

- Необходимость в официальном ответе может сработать в нашу пользу. Но что мы скажем им? Можно поблагодарить за разглашение секрета межзвездного прямоточного двигателя и обещать, что мы обязательно пошлем им самим подобный снаряд - но только после того, как обнаружим повторное нападение.

- Подобное утверждение мы сможем сделать лишь с согласия делегации Гейтс.

- Бесспорно. - Он задумался. - Можно ограничиться выводом, к которому пришел Виктор Гендиг... Бог снабдил нас средствами обороны.

- Скользкий момент, - отметила Индира. - Месяц назад я назвала бы такие слова суеверием. Но сейчас?

- Месяц назад я согласился бы с вами. Однако такой текст предназначен не для нашего населения. Он будет направлен в души ахирдиан. Если мы сумеем подбросить им мысль о том, что наш бог сильнее их бога, они могут прийти к выводу, что их бог - ложный. - Туекакас скривился. - Эх-х! Стыдно говорить такие вещи. Доктор Сарискал прав. Политики повсюду одинаковы.

- Быть может, их религия здесь ни при чем, - улыбнулась, поворачиваясь к нему Индира. - Христиане проповедуют своего всепрощающего Бога. Мусульмане говорят, что Аллах милостив. А индусы рассказывают о своем господе Кришне, а может быть, и о Шиве, который однажды отсек голову своего врага, но после этого простил его и нацелил козлиной головой. В Индии подобная замена, как вы знаете, считается счастливой! Я хочу просто сказать, что их религия или религии, скорее всего, также проповедуют прощение.

- Итак, что же мы скажем им? «Бог научил нас прощать тех, кто грешит против нас. Но Он и научил нас не быть глупцами. Не повторяйте впредь подобной попытки».

- «Соседи, вы допустили серьезнейшую ошибку. Ваша атака не имела успеха, и своей неудачей вы подвигли нас на строительство таких же снарядов. Творец научил нас прощать, и мы не ответим вам до тех пор, пока вы снова не нападете на нас. Мы хотим мира, но если вы выберете войну, мы ответим со всей яростью, которая обречет вас на гибель».

- Вайакина, вам следовало бы стать дипломатом. - Туекакас задумался на мгновение и улыбнулся: - Клянусь, вам и в голову не приходило, что первая отправленная в космос депеша будет иметь подобный облик.

- Ну-у, все эти годы я надеялась совсем на другое.

Опустив руки в карманы, Туекакас посмотрел вниз.

- Мы это сделаем. Мы отправимся к звездам. Построим новые дома. Колонизируем иные миры. Хотелось бы только одного, - добавил он, -

надеюсь, потомки не будут видеть во мне нового Колумба.

Перевел с английского Юрий СОКОЛОВ

© Tom Ligon. Payback. 2009. Печатается с разрешения автора.
Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2009 году.

РИЧАРД ЛОВЕТТ

СОКРОВИЩЕ НЕПТУНА

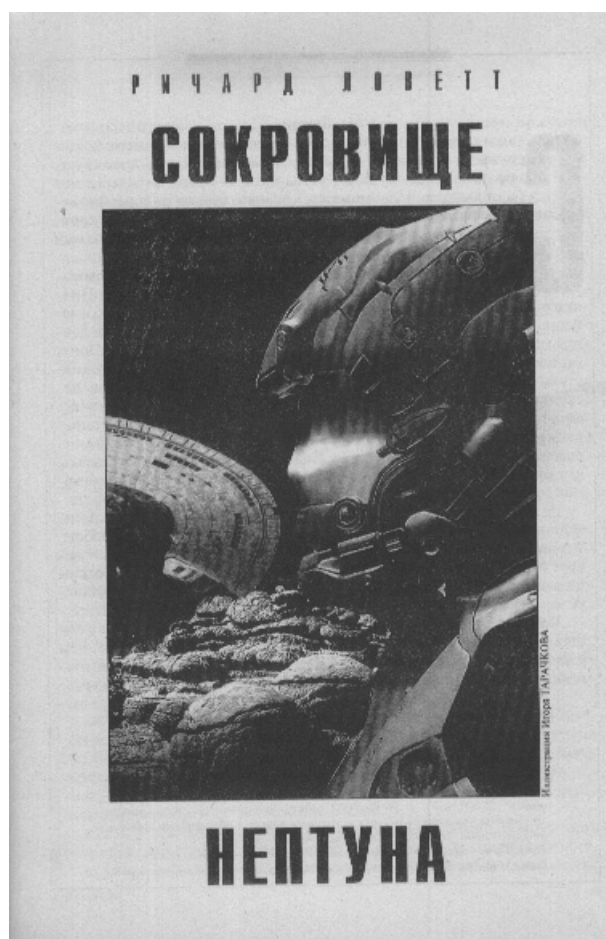

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

1. Бритни

Сколько вам было лет, когда вы впервые увидели смерть? Я бы сказала, что мне тогда было двадцать два. Это хорошее число: на год старше возраста, когда имеешь право пить спиртное и голосовать.

Если можешь, конечно. Одно я не способна делать физически, а второе мне не позволят. Но идею вы поняли. И к тому же прошел еще год моей личной жизни, хотя мои внутренние часы немного идеосинкратические. Когда над этим задумаешься, то все это не более произвольно и случайно, чем события, которые сгубили Джона Пилкина. Те же события, которые едва не убили меня и Флойда. Но я забегаю вперед. От этой привычки я так и не смогла избавиться. Может, когда мне исполнится тридцать два? Наверное, нет. Меня зовут Бритни, а на темы вроде своего возраста я говорю с неопределенностью, потому что я искусственный интеллект, обитающий в нескольких компьютерных чипах в грудной клетке Флойда. Технически я ожила три года назад, и по иронии судьбы мое рождение спровоцировало событие, едва не погубившее меня в первый раз - извержение гейзера на Энцеладе. Поэтому, пожалуй, можно сказать, что мне всего три года, но ощущаю я себя на двадцать два, а это самое главное.

До смерти Джона я бы сказала, что Наяда^{*8} была для меня красивейшим местом во всей внешней системе, а может быть, и вообще. Это маленькая луна, раза в три меньше Фобоса, делающая оборот вокруг Нептуна за семь часов, причем настолько близко, что вы готовы поклясться - она вот-вот затормозит в атмосфере и упадет на планету, совсем как сделали мы с Флойдом на Титане пару лет назад.

Конечно, такого не случится, но когда Нептун пялится на тебя постоянно, да при этом его видимый размер в сотню раз больше, чем у земной Луны, то очень легко изменить перспективу на обратную и убедить себя в том, что «низ» - это в сторону Нептуна, а Наяда всего лишь потолок, к которому ты неким чудесным образом приклеен вроде мухи и вот-вот с него упадешь.

На мой взгляд, такие игры с перспективой забавны. Флойдю они не очень нравятся. Иногда, говорит он, Нептун похож на огромную Землю, только без континентов: бесконечные оттенки синего, от пастели до

⁸ * У Нептуна 13 основных спутников и несколько более далеких и мелких, не имеющих названия. Крупнейший из них Тритон, далее идут Нереида (см. сноску ниже) и шесть спутников, открытые «Вояджером-2» в 1989 году: Протей (около 420 км), Ларисса (см. сноску ниже) и четыре ближайших (расстояние до Нептуна / примерный диаметр в километрах): Наяда (48200/58), Таласса (50000/80), Деспина (52600/148), Галатея (62000/160). В 2002-2003 годах открыты еще пять мелких спутников (диаметры 30-60 км, с вытянутыми и наклонными орбитами): Галимеда, Псамафа, Сао, Лаомедея и Песо.

Наша Солнечная система условно подразделяется на внутреннюю (до орбиты Марса) и внешнюю (за орбитой Марса). (Здесь и далее прим. перев.)

темно-фиолетового - и тогда начинаешь гадать, как у астрономов хватило предвидения назвать его в честь бога морей в те времена, когда он был лишь точкой в телескопе. А иногда он говорит, что Нептун похож на злобный глаз, который тебя рассматривает и оценивает. И еще на бога, только не лихих парусных кораблей, а бездонных глубин, ждущего момента, чтобы предъявить права на то, что ему принадлежит.

Потом, есть еще и свет. В основном это голубой отраженный свет Нептуна, причем такого оттенка, который человеческий глаз не различает - равно как и более яркие оттенки красного и оранжевого на Сатурне. Но Нептун к тому же попросту очень тусклый: в десять раз менее яркий, чем Сатурн, и в тысячу раз слабее света Земли, видимого с Луны. Да и само Солнце здесь лишь светящаяся точка - все еще ослепительная для незащищенных глаз Флойда, но уже не теплое сияние, как во внутренней системе. Тут оно лишь прокол в ткани Вселенной, отблеск чего-то еще более далекого, чуждого и враждебного, чем сам Нептун.

Во всяком случае, так говорит Флойд. Только в местах вроде этого, добавляет он, можно по-настоящему понять, что такое внешняя система.

Как ни странно, когда он говорит нечто подобное, я максимально приближаюсь к пониманию Флойда.

1. Флойд

Бывает, я не продумываю все как следует. Только Бритни в этом не признаюсь. Когда она за что-то берется, то размышляет исключительно о деле. За фемтосекунды, когда захочет.

А не подумал я на этот раз как следует о нептунской экономике. Отчасти из-за того, что впервые в жизни экономика не была для меня на первом месте. Благодаря Бритни я стал богат или, как минимум, вполне обеспечен. Мы получили три процента от самой богатой алмазной шахты в системе и, хотя она начнет добычу только года через два-три, могли очень неплохо жить на аванс.

Есть люди, которым денег всегда мало. Именно подобному типу мы с Бритни обязаны своим богатством. Но мне, в отличие от него, хотелось лишь получить небольшой дополнительный доход, пока шахта не начнет выдавать алмазы. К тому же я полагал, что подзаработать окажется нетрудно: будучи владельцем единственного приличного буксира в системе Нептуна, я рассчитывал, как минимум, на умеренный спрос на свои услуги.

Я только одно не принял в расчет. Хотя с энергетической точки зрения

Нептун ненамного дальше Сатурна, с точки зрения времени это так. Если взять ЭМК - электромагнитную рельсовую катапульту - и запустить к Нептуну контейнер с достаточно высокой скоростью, чтобы он прилетел туда прежде, чем доставка груза потеряет смысл, то контейнер будет нелегко гравитационно затормозить, а еще труднее догнать и перехватить раньше, чем он умчится на половину расстояния до Альфы Центавра. Кроме того, на Нептуне есть лишь одна, самая примитивная ЭМК, поэтому доставка грузов во внутреннюю систему ограничена медленными выстрелами к точкам назначения, которые могут оказаться на расстоянии нескольких лет полета контейнера. А когда нет экспорта, то нет и дохода. Нет дохода - нет импорта. Если не считать шахты по добыче редкоземельных металлов на Наяде, у нас здесь всего два типа соседей: разорившиеся геологоразведчики, надеющиеся на чудо, и привыкшие выживать в любых условиях личности, посланные сюда каким-нибудь трастовым фондом, которым чудеса не очень-то и нужны. И те, и другие привыкли рассчитывать только на себя.

Если честно, не очень-то мне была и нужна эта дополнительная работа: я могу продержаться на свежих овощах, соевом твороге и подобной нехитрой еде, зарабатывая ее перевозкой грузов для гидропонных ферм. Но отшельник, подписавший контракт с трастовым фондом, из меня получился бы плохой. Мне хотя бы иногда необходимо заняться делом более серьезным, нежели разглядывание собственного пупка - или чем там эти парни занимаются, лишь бы убить время. Ладно, может быть, все они мысленно пишут великие романы. В любом случае для меня в этом слишком много самоанализа.

Бритни, разумеется, давно научилась справляться с такими проблемами. Благодаря процессорам с фемтосекундной скоростью работы время для нее течет иначе, поэтому ей всегда приходилось творчески изобретать способы отвлечься в реальном мире, где события могут разворачиваться немного тягуче или тяжеловесно.

Если долго ее слушать, то и говорить начинаешь примерно как она. Я бы просто сказал «медленно». Или «очень медленно». Когда мы сюда летели, запущенные с помощью ЭМК от Сатурна, то полет занял почти целый год, и он продлился бы еще дольше, если бы я не потратил немалую часть наших алмазных денег на высокоэнергетический разгон.

В каком-то смысле подобное путешествие не очень отличается от впечатлений первопроходцев, шагавших по тропам Орегона или Калифорнии. Разница лишь в том, что при ходьбе можно измерять продвижение шаг за шагом. В космосе же ты просто дрейфуешь. Поэтому я подключил корабельное освещение к аккумулятору, который мог подзаряжать от «бегового кольца» или велосипеда. Нет

упражнений - нет света. Хороший стимул поддерживать себя в форме, а заодно у меня появлялось ощущение, будто я путешествую пешком на манер первопроходцев. Так я путешествовал сам, когда был моложе.

Бритни я об этом почти не рассказывал. Она, наверное, запомнила целую библиотеку по психологии и готова пересказать тысячу и одну вещь из того, что там написано про особенности моей личности, которых я предпочел бы не знать. Одним из ее способов проводить время стало отщипывание кусочков от нашего алмазного аванса на оплату широкополосного канала связи с Землей, где она постепенно собрала коллекцию из дюжины дипломов доктора философии⁹ примерно в таком же количестве университетов. Вряд ли в любом из них догадались, с кем имеют дело. Разумеется, она проявляла осторожность и не заканчивала университетский курс быстрее, чем самый башковитый студент-рекордсмен. И регистрировалась она всякий раз под иной версией своего имени: Бриттани, Бриттени, Бритт... Эшман, Асман, Асбой. А потом училась всему подряд: от английской литературы до кварковой механики.

Я уже давно отпахал свое в колледже и, хотя никогда не сожалел о годах учебы, до сих пор не скажу точно, какую пользу она мне принесла. Бритни же говорит, что для нее получение очередной ученой степени - нечто вроде упражнения по созданию интеллектуального обруча и проверки, сможет ли она сквозь него прыгнуть. Она точно единственное существо во всей системе, которое считает такое развлечением.

* * *

Кажется, именно Бритни предложила слетать на Наяду, хотя через какое-то время я и сам бы туда отправился. Шахтерам пока ничего не требовалось, но они, пожалуй, были единственными нашими клиентами, которые не стали бы расплачиваться овощами, поэтому имело смысл заглянуть к ним и познакомиться.

Во внешней системе не очень-то много товаров, которые можно с прибылью оттуда экспортировать, даже имея хорошую ЭМК. Во-первых, это алмазы. Во-вторых, самые редкие из редкоземельных металлов. Пусть даже диспрозий и скандий подешевле алмазов, зато они почти столь же полезны. Попробуйте-ка построить без них электромагнитную катапульту.

Фактически, если бы на Наяде не отыскалась жила редкоземельных

⁹ * Ученая степень, примерно соответствующая кандидату наук.

металлов, на Нептуне, возможно, даже не построили бы ЭМК*¹⁰. Материалы для основного каркаса катапульты можно найти где угодно, зато те, что нужны для работы электродвижущей системы с высокой напряженностью поля, еще надо как следует поискать. И хотя некоторым из местных отшельников было по карману заказывать и доставлять сюда нужные материалы, к чему им было утруждаться? Эти парни не намеревались когда-либо возвращаться.

Оказавшись на Наяде, первым делом смотришь вверх. Так делают все, как сказал мне Джон Пилкин, здешний бригадир и главный инженер, едва я посадил корабль и закрепил его подпорками, чтобы тот не опрокинулся. Местная сила тяжести всего 0,2 процента от земной, но этого как раз достаточно, чтобы попасть в серьезную беду, если забудешь об этом.

Вторым, третьим, четвертым и пятым делом ты опять-таки смотришь вверх. Наверное, делать это не устанешь никогда. Может показаться, что это не отличается от разглядывания Нептуна из космоса, но каким-то образом из-за силы тяжести, пусть и ничтожной, большая голубая планета над тобой кажется еще больше.

И еще эта планетка непрерывно меняется, проносясь по орбите настолько быстро, что можно даже увидеть штормовые вихри, скользящие по выпуклости Нептуна, когда планета проходит весь цикл: полная, лунный месяц, затмение и снова до полной.

- У нас есть внутренний холл с окнами, - сказал Пилкин, - но впечатление оттуда уже другое.

Позже я увидел, что он средних лет, с ежиком седящих волос, кустистыми бровями, а на горле у него вытатуирован коптский крест**¹¹. Но в тот момент я мог лишь сказать, что он высокий, худощавый и щеголяет в шокирующе красном скафандре-«шкуре».

- Это чтобы вы смогли найти меня, где угодно, - пояснил он.

До жилища шахтеров была всего миля, но, стоя возле корабля и созерцая голубизну, я вдруг понял, что совсем туда не тороплюсь. Я вспоминал одно место в западном Техасе под названием «южный обрыв гор Чисос».

Понятия не имею, что значит слово «Чисос». Насколько мне известно, оно способно означать «большой холм» на языке какого-нибудь индейского племени. Можно попросить Бритни поискать перевод, но некоторые тайны лучше оставлять нераскрытыми. Мне тогда было

¹⁰ * *Редкоземельные металлы используются в производстве сверхпроводящих сплавов, из которых делают обмотки мощных электромагнитов.*

¹¹ ** *Крест, используемый Коптской православной церковью и Коптской католической церковью в Египте. Представляет собой две пересеченные линии под прямым углом с размноженными концами.*

двенадцать, и я фантазировал, что на языке апачей название означает «насест грабителей». Зато слово «обрыв» было совершенно недвусмысленным. Сидя на том обрыве и болтая ногами над бездной, я находился на границе двух миров. Вершина горы позади меня казалась заросшим соснами небесным островом, возвышающимся на милю над серебристой ниточкой Рио-Гранде. А впереди эти сосны переходили в свет, воздух и простор.

В тысяче футов подо мной охотились соколы, а вместе с ними парил и мой разум - кружа и охотясь над складчатой пустыней, словно где-то там затаился ответ на все вопросы: почему существуем я, мир, жизнь. И ответ этот только и ждал, когда я спикирую и схвачу его когтями моих мыслей.

Только, конечно, не было там никакого ответа - во всяком случае, настолько конкретного, как мыши и тушканчики, за которыми гонялись соколы. А был там, в сорока милях за рекой, огромный известняковый утес, еще больше того, на котором я сидел: белая дуга на южном горизонте. Приближался закат, и утес заливали косые лучи - розовые, красные, цвета ржавчины. Эти далекие пики назывались Сьерра-дель-Кармен. Некоторые названия не нуждаются в объяснении.

Я смотрел, пока вершины даже самых высоких пиков не стали пурпурно-голубыми. Смотрел бы и дольше, но я уже опаздывал, а возвращаться мне предстояло семь миль. Если бы не полная луна, я вполне мог бы и не дойти - свалился бы с обрыва и пронесся мимо соколиных гнезд на пути к забвению.

Здесь, на Наяде, меня точно так же манил Нептун. Мне хотелось взлететь и парить, парить...

Понятия не имею, сколько бы я паялился, задрав голову, если бы меня не прервала Бритни.

- Ух, ты, - сказала она. - Я и не ожидала, что увижу такую красоту.

Всякий раз, когда я начинаю думать, что понимаю ее, она находит очередной способ меня удивить.

- О чем это ты? У тебя же есть все исходные данные. Почему же ты просто-напросто не создала симуляцию?

- А какая в этом радость? - Я почти увидел, как она морщит несуществующий нос. - Смысл исследования в том, чтобы наблюдать за явлениями, а не выдумывать их.

Пилкин увидел, что я вернулся к реальности, хотя, конечно, не знал из-за чего.

- Красиво, правда? - спросил он. - Я много где побывал, но отсюда мне никогда не хотелось улететь. Бог даст, здесь я и умру.

* * *

Пару часов спустя мы сидели в холле у шахтеров, потягивая пиво. Для продукта гидропоники оно оказалось неплохим - намного лучше, чем водка из пищевых отходов, которую гонят у Сатурна.

Пилкин, как я узнал, прилетел сюда лет семь назад, когда одному из старателей повезло и он наткнулся на жилу. Пока другие занимались шахтными машинами и плавильней, Пилкин увлекся своим детищем - электромагнитной катапульты.

Когда я назвал ее примитивной, то имел в виду ее разгонную мощность. С инженерной же точки зрения эта конструкция была почти чудом. Начнем с того, что, используя практически только местные материалы, он сконструировал бур с питанием от солнечных панелей - что само по себе нелегко в условиях ограниченной солнечной освещенности - и пробурил туннель длиной в шестьдесят миль, от самой шахты.

Но этого ему показалось мало. У большинства ЭМК туннели прямые, но их не устанавливали на быстро несущейся по орбите луне да еще настолько близко к глубокому гравитационному колодцу. Туннель Пилкина разделялся на три выхода, наподобие лепестков огромной геральдической лилии, и это позволяло ему направлять каждый выстрел под одним из трех пусковых углов.

- Так мы получаем больше пусковых окон, - пояснил он.

- И как часто вы можете запускать грузы? - спросила Бритни. Обычно она задает вопросы через меня, но сейчас говорила через ближайший экран связи.

Главным источником света в холле было сияние Нептуна за окном, и в этом свете улыбка Пилкина показалась клоунской.

- Это и есть твой имплантат? - уточнил он. - Рад познакомиться. Я о вас слышан.

Это меня удивило. Мы с Бритни привлекли много внимания после наших приключений на Титане, но инцидент с алмазной шахтой замалчивался. Только Бритни и я знали, что она спасла меня, когда Т. Р. Ван Делп покушался на мою жизнь, и даже я не знаю всех подробностей. Это одна из немногих тем, на которые она не хочет разговаривать.

Ван Делп ей никогда не нравился, зато Пилкин пришелся по душе.

- Я тоже рада с вами познакомиться, - сказала она. - Вы здесь здорово поработали. Вам бы не помешало получить за это диплом инженера.

- Тише, - еле слышно прошептал я. - Или ты хочешь, чтобы тебя застукали?

Но Пилкин лишь удивился.

- Да зачем мне диплом? - спросил он и, прежде чем она успела ляпнуть глупость насчет радости прыжков сквозь обручи, вернулся к исходной теме: - Короче говоря, окна запуска появляются неравномерно, но в среднем примерно одно за сотню оборотов вокруг

Нептуна. Могло быть и хуже, но мы пожертвовали частью полезной нагрузки ради более мощных тяговых двигателей, и это позволяет запускать грузы немного мимо цели, а затем корректировать траекторию уже в полете. Но и в этом случае мы редко получаем окно длительностью более нескольких секунд, поэтому трудно перезарядить катапульту достаточно быстро, чтобы запустить второй контейнер. Мы пробовали, но примерно в половине случаев второй падал на Нептун.

Все это время он говорил, повернувшись ко мне, но не со мной. Такого странного чувства я не испытывал с тех пор, когда впервые осознал: Бритни живая и контролирует все, что я слышу и вижу. Пилкин думал, что ведет себя вежливо, но уж лучше бы он разговаривал с экраном.

Я едва не упустил момент, когда он переключил внимание на меня:

- ...поэтому одно из приятных последствий вашего пребывания здесь - мы можем попробовать это снова. Интересно? Это будет означать, что вы должны быть наготове, когда у нас появляется стартовое окно.

- Конечно.

Я быстро подсчитал: один запуск на каждую сотню оборотов Наяды означает примерно раз в месяц. Половину времени мы просто будем ждать, а в остальное перехватывать запущенные капсулы - и готов поспорить, что большинство из них удастся подтолкнуть на подходящие орбиты. Теоретически, для запуска капсулы можно воспользоваться буксиром, но эти капсулы огромны. По этой причине, разумеется, и строят катапульты. А можно ли разогнать капсулу буксиром до скорости, достаточной для преодоления гравитации Нептуна и прибытия во внутреннюю систему быстрее, чем за десятки лет? Можно, но для этого понадобятся топливные баки размером с небольшие астероиды.

В любом случае у меня, похоже, неожиданно появился реальный клиент, пусть даже половину времени я буду ожидать его вызова.

- А между запусками живите здесь, где хотите, - добавил Пилкин. - У нас много свободных комнат.

- Не говоря уже о лучшем виде в Солнечной системе, - вставила Бритни.

* * *

Само собой, она хотела не только любоваться видами. «О, тщеславие, имя твое Женщина», - сказал однажды кто-то. Но тут надо заменить «тщеславие» на «любопытство». Если считать Бритни женщиной. У меня с этим всегда были проблемы. Что-то женское в ней есть, это я готов признать. Но хотя она может отображать себя любым аватаром, для меня аватар всегда останется лишь пикселями.

Сейчас ее заинтересовала шахта редкоземельных металлов.

Конкретно: почему таковая существует? Очевидно, этот вопрос никто не удосужился задать. В такой далекой глухомани, как здесь, есть только два реально важных вопроса относительно большинства вещей: «Где это?» (вопрос не всегда тривиальный, потому что иногда даже астероиды не отыскивались там, где им следовало находиться) и «Есть ли от этого польза?». Вопрос же «Почему это существует?» практически никогда не входит в тройку самым популярных. Но попробуйте объяснить это Бритни.

Не удивительно, что никто на Няяде понятия не имел, откуда здесь взялась эта жила. Сама планетка, судя по всему, возникла как скопище небольших каменных обломков, склеенных прослойками льда - наподобие больших глыб из Колец. В одном из таких обломков и нашлась жила.

Ну и что с того, сказал бы я. Но Бритни решила, что для обычной жилы она слишком богатая.

- Да откуда ты можешь это знать, черт побери? - вспылил я. - У тебя что, один из докторских дипломов по планетарной астрофизике?

- Гм-м... да, - призналась она после паузы. - Но ближе к геофизике. - Она помолчала еще дольше. - Но, пожалуй, тебе нужно кое-что узнать...

Так-так...

- Что именно?

- Это... это не мой диплом.

- И чей же?

Очередная пауза оказалась еще длиннее.

- Твой.

Теперь настала моя очередь утратить дар речи.

- Поздравляю, доктор Эшман, - добавила она. - Вы успешно защитили диссертацию под названием «Слияние первобытных обломков возле Сатурна с образованием спутников с гладкой поверхностью».

- Другими словами, это были твои симуляции по возникновению Дафниса.

- И еще парочки планет.

Я все еще не мог решить: то ли я разгневан, то ли польщен, то ли попросту озадачен.

- Но на фига?

- Я решила, что ученая степень может тебе пригодиться.

- Зачем? - выдавил я единственный логичный вопрос.

А она многое способна передать этими паузами.

- Потому что из нас двоих руки есть у тебя.

Я не сразу сообразил.

- Так ты все это спланировала?

- Да, но без конкретности, - ответила она на сей раз мгновенно. - Мне показалось логичным, что ты сочтешь это место... скучноватым. Я

подумала, что мы сможем в свободное время заняться какой-нибудь наукой, вот и решила: было бы неплохо обзавестись ученой степенью.

Другими словами, я мог бы и не задуматься об экономике Нептуна, но она обратила на нее внимание. Это же цифры. Да, Бритни трудно переоценить.

С точки зрения Бритни, я никогда не смог бы подняться выше лаборанта. Хотя на Сатурне наука пользовалась спросом. Это самый дешевый из всех экспортных товаров - и даже более выгодный, чем алмазы, - а кроме Бритни (и, очевидно, меня) других ученых здесь не имелось.

Я порадовался тому, что она все обдумывает тщательно и заранее. Но при этом гадал, не такие ли чувства испытывают марионетки? Наверное, глупо было так думать - она ведь не заставляла меня что-то делать. Кроме того, у марионеток нет чувств. Тогда почему они должны быть у фальшивого доктора Флойда?

2. Бритни

Люди не созданы для того, чтобы жить маленькими изолированными группами. Это подтверждают и психологические тесты, и классическая литература, и даже не столь классические фильмы. И это странно, потому что во внутренней системе многие прекрасно существуют в условиях еще большей тесноты. Один из моих профессоров психодинамики считает, что такова особенность обитания на окраине цивилизации, но сам он живет в Кембридже, и для него все, что расположено севернее Эдинбурга, почти неотлично от понятия «нигде», так что его идея насчет окраин цивилизации немного подозрительна. Сама я считаю, что это больше относится к типу «анонимности пространства», предлагаемого большим группам: наверное, это нечто вроде разницы между разбивкой лагеря возле бурной реки или капающего крана. Хотя у меня не очень-то большой опыт в области кранов. В космосе любая утечка - это плохая новость. Но однажды я записала фрагмент с капающим краном из какого-то старого фильма и слушала его пару дней. В конце концов я так и не разобралась, что тут такого ужасного. Если знаешь, что услышишь «кап» каждые несколько тысяч миллисекунд, то в чем проблема, когда это происходит? На мой взгляд, куда большей проблемой стало бы, если бы «кап» не послышалось.

Одним из первых фильмов, что мне довелось посмотреть, был «Пиноккио». Его я тоже так и не поняла. Если стать настоящим мальчиком означает, что тебя начнут сводить с ума всякие штуковины вроде капающих кранов, то зачем этого желать?

Флойд никогда не любил большие группы. Но сейчас он стал частью маленькой изолированной группы, и его реакция оказалась предсказуемой. Ему захотелось уйти. Не с работы уйти, боже упаси, а подальше от людей.

В первый день мы отправились прогуляться. На второй прокатились. Затем совершили кругопланетное путешествие, сперва вокруг короткой оси, потом вокруг длинной, прихватив надувную палатку, чтобы растянуть путешествие на неделю. При нормальных обстоятельствах я бы только получала от этого удовольствие. В принципе, мы с Флойдом прежде не занимались пешим туризмом, во всяком случае в смысле отдыха (в противоположность смыслу «отчаянной борьбы за выживание»), но мы бродили по Впадине на Япете и провели вместе месяц на песчаных санях на Титане. Вот я и ожидала примерно того же. Флойд будет идти. Я займусь навигацией. Мы начнем общаться. И возможно, смотреть фильмы.

Но говорить он не захотел. Даже когда я пыталась предупредить его в первый же вечер - насчет палатки.

- Я знаю, что делаю, - заявил он. - Я таких палаток сотню поставил.

В принципе, так оно и было, но только не при такой низкой гравитации, когда палатку нужно сперва привязать, а уже потом надувать. Я прогнала симуляцию и решила, что смерть нам не грозит, поэтому предоставила ему на собственном опыте обнаружить, почему стоило ко мне прислушаться. Палатка надулась так быстро, что взлетела на сотню метров вверх и отпрыгнула метров на четыреста в сторону. Поймать ее Флойд смог лишь после того, как она упала и срикошетила в третий раз, а потом ему пришлось тащить палатку обратно к месту, где он намеревался ее поставить.

- Ничего не говори, - буркнул он. Хотя, конечно, проблема была в том, что он в самом начале не дал мне и слова сказать.

* * *

Два дня спустя он нашел высокую точку и теперь уже гораздо осторожнее поставил там палатку. Наяда не совсем круглая, потому наша высокая точка больше напоминала выступ, нежели вершину горы - нечто вроде локтя, торчащего в пространство, откуда открывались виды на горизонт, уходящий вдаль под сбивающими с толку углами.

А виды эти были воистину впечатляющими. С этой точки Нептун просматривался в небе очень низко. Солнце вращалось над головой, перемещая тени с почти видимой скоростью. Первый оборот Наяды вокруг Нептуна был восхитительным. Второй - красивым. Но когда начался третий... я все это уже видела - дважды.

Возможно, это еще одна из причин, почему я не поняла смысла

«Пиноккио». Флойд может разглядывать подобные виды бесконечно. Мне они тоже нравятся, однако наступает момент, когда я получаю от них столько вдохновения, что больше уже не лезет.

Мы провели там три стандартных дня. На третий, пока Флойд спал, я воспользовалась ракетой в его скафандре, чтобы связаться с Джоном.

- Помоги, - взмолилась я. - Флойд сводит меня с ума.

Возле Нептуна пока нет полностью разработанной системы спутников-ретрансляторов, и его ответ добирался до меня почти четыре тысячи миллисекунд, пересланный из какой-то точки, которую я, наверное, смогла бы вычислить, если бы хотела. Сигнал преодолел миллион километров, чтобы попасть из одной точки луны диаметром шестьдесят километров в другую. Тогда я впервые осознала, насколько далеко к окраинам системы я позволила .Флойд у себя утащить.

- Как так? - пришел его ответ.

- Он хочет просто сидеть здесь и смотреть. Говорит, что болтает ногами...

У Джона приятный смех. Он хорошо смотрелся бы в каком-нибудь фильме. И не потому, что он такой уж красавец, насколько я могу о таких вещах судить, но из него вышел бы хороший типажный актер.

- С Флойдом все в порядке, - сказал он. - Просто дай ему время. Прежде чем прилететь сюда, я провел девять лет в поясе астероидов возле Юпитера. И там всегда находились один или два вроде него - одиночки, которые вообще-то не хотели быть одиночками, но просто не знали, как жить иначе. - Наступила пауза, никак не связанная со скоростью света. - А ты - лучшее из того, что когда-либо с ним случалось. Он может никогда этого не признать, но в глубине души понимает.

Я просчитала десяток симуляций оптимального ответа, но так ничего и не придумала.

- Почему ты так думаешь?

- Сколько еще таких существ, как ты?

Об этом я сама много раз задумывалась. Имплантаты с искусственным интеллектом не очень-то распространены. Разумные искины - еще реже. Насколько реже, сказать трудно. В Сети гуляют разные слухи, но я не смогла подтвердить хотя бы один. Так и не знаю, в чем тут причина: или такие искины прячутся, или люди противоречат друг другу, обсуждая их. Скорее всего, и в том, и в другом.

- Немного.

- Так что если ты подсчитаешь вероятности, то каковы шансы, что существо вроде тебя окажется связано с парнем вроде него?

Теперь настала моя очередь задуматься на несколько тысяч миллисекунд.

- Шансы невысокие. Но каковы шансы на что угодно? Например, на то, что ты окажешься здесь одновременно с нами?

Джон снова усмехнулся.

- Да, в эту игру можно играть бесконечно. - Его голос стал серьезным:
- Но или у Вселенной есть цель, или... - он помолчал, и я вспомнила его татуировку-крест, - или все случайно. В одном варианте у вас с Флойдом есть роль, которую вы играете. В другом - вам еще предстоит найти свою роль. - Его тон стал более легкомысленным: - А пока мне нужно поспать хоть немного. Счастливо побездельничать.

* * *

На луне размером с Наяду прогулочные тропы можно пересчитать по пальцам. Вернувшись на базу, мы с Флойдом догнали парочку сбившихся с курса капсул, потом сбросили контейнеры с припасами на Лариссу и Нереиду*¹², которые по какой-то причине оказались в фаворе у старателей отшельнического типа.

В случае Лариссы их внимание привлекло то, что это была увеличенная копия Наяды. Старатели похожи на кинопродюсеров: если один разбогатеет, сделав что-то, другие наперебой повторяют его действия. Нереида же совсем иная. Ее орбита представляет собой вытянутый эллипс, а расстояние до Нептуна может меняться почти в десять раз. Орбиты подобного типа должны со временем становиться более круговыми из-за приливного трения, но какой-то резонанс с другими лунами Нептуна, наверное, не давал ей изменяться. Может быть, я когда-нибудь просчитаю, в чем тут причина, но это не очень интересный вопрос. Во внешней системе любое малое тело, не находящееся в резонансе, обычно рано или поздно получает пинок и входит в резонанс. А у системы хватает времени, чтобы раздавать такие пинки.

Интереснее то, что обе луны - реликты какого-то древнего события,

¹² * *Ларисса - внутренний спутник Нептуна. Открыт в 1981-м, назван в 1991 году. Имеет неправильную (несферическую) форму (210 x 180 км) с множеством ударных кратеров на поверхности. Ларисса обращается ниже синхронной околонептуновой орбиты, вследствие чего орбита этого спутника (и четырех других) постепенно снижается из-за воздействия приливных сил. Со временем он может быть поглощен Нептуном или разрушиться из-за приливного растяжения и образовать кольцо. Нереида - третий по величине (диаметр около 340 км) и самый удаленный спутник Нептуна. Открыт в 1949 году американским астрономом Дж.П.Койпером (вторым после Тритона, открытого в 1846-м). Имеет самую высокоэксцентричную орбиту из всех планет и спутников Солнечной системы. Его расстояние от Нептуна изменяется от 1 353 600 до 9 623 700 км.*

встряхнувшего всю систему Нептуна, очень давнего и нетривиального. И на каждой может отыскаться сокровищница геологических диковин. Но я бы не сказала, что большинство старателей так уж заинтересовано в систематических поисках. Насколько я могу судить, они просто-напросто копаются в этих космических навозных кучах.

У Флойда нашлось немало, что сказать (по его стандартам болтливости) о бесполезности такого образа жизни - и это странно, потому что он сам не очень-то от них отличается. По сути, ему требуется не столько занятие чем-то полезным, сколько иллюзия такой деятельности. Он не может просто читать книгу, смотреть фильм или слушать Бетховена. Нет, он обязан делать вид, будто помогает снабжать корабль энергией. И чем это, по сути, отличается от шатания по Лариссе в надежде, что здесь отыщется что-нибудь, кроме льда, но при этом не заниматься поисками всерьез?

Вернувшись на базу, он отыскал Джона. «Посидеть за пивом», - сказал он, но для Флойда это занятие часа на два, нечто вроде расслабухи. Клянусь, иногда пиво у него испаряется быстрее, чем он его пьет. Впрочем, на Наяде пиво подают в пластиковых «грушах», поэтому испарение невозможно.

Мы опять уселись в холле, разглядывая Нептун, и Джон продемонстрировал, что тоже умеет играть в игру «как будто пью».

- Знаешь, - сказал он после очередной затянувшейся паузы Флойда, - мне всегда хотелось смастерить космический велосипед.

Флойд открыл было рот, но я его опередила:

- Что смастерить?

Джон блеснул улыбкой.

- Космический велосипед. - Он глотнул пива. В одном смысле он похож на Флойда: иногда любой из них бывает лаконичен. Разница в том, что для Джона быть таинственным - это игра.

Джон поставил грушу с пивом в держатель.

- Я вырос в поселении на плато Тарсис. Мы с младшим братом одно время увлекались ездой на горных велосипедах.

- Я и не знал, что такое можно проделать на Марсе, - сказал Флойд.

- Удовольствие ниже среднего. Когда едешь вверх, трудно добиться сцепления колес с грунтом. Под гору ехать легче - до тех пор, пока не потребуется остановиться. - Он снова усмехнулся. - Наверное, стать инженером я был обречен судьбой: я постоянно искал способы, как увеличить сцепление. Кончилось это тем, что мы въехали на гору Олимп. А было это в те времена, когда еще не появились костюмы-«шкур». До сих пор изумляюсь, как мы ухитрились не погибнуть.

Он потянулся к пиву, но передумал. Движение его руки было сознательно медленным: при очень низкой силе тяжести любое резкое движение заставляет людей жалеть, что у кресел нет ремней, чтобы пристегнуться. Впрочем, у кресел в холле они имелись, но среди

местных, похоже, было делом чести ими не пользоваться. Хорошая практика, сказал бы Флойд, но вся его практика не помешала ему облажаться с надувной палаткой.

- Когда мы вернулись, - продолжил Джон, - отец выкинул наши велосипеды на свалку, а мать на целый месяц запретила нам выходить наружу. - Он пристально наблюдал за нами, и мне очень хотелось узнать, что же он видит. В любом случае, между ним и Флойдом произошел некий безмолвный обмен, и я ощутила укол чего-то странного. Ревность? Зависть? Джон стал моим другом. А Флойд был... Флойдом. Но они только что разделили то, чего не сумела разделить с ними я. Может быть, у Пинокио получилось бы лучше, чем у меня.

- Понимаю: ты там побывал, ты это смог, - сказал Флойд. - А дальше - скука.

Джон отсалютовал ему пивом.

- Так завершилась моя карьера велосипедиста-экстремала. Но все оказалось не так уж и плохо: делать велосипеды и доказывать, что очередная идея сработала, было куда приятнее, чем просто на них ездить. И я всегда думал, что здесь можно смастерить нечто похожее.

- Как? - на сей раз спросил Флойд. - Если ты сумеешь добиться хоть какого-то сцепления колес с грунтом, то ездить все равно сможешь только большими прыжками, пока не разобьешься. - Но идея его заинтриговала. Пиво стояло нетронутым, а пульс и дыхание слегка участились.

Джон понял, что подцепил Флойда на крючок:

- Я говорю не про велосипед для Наяды. А про космический велосипед.

Я представила Флойда на корабельном велотренажере, подсоединенном к электрогенератору. Как можно его приспособить?

- Какая-нибудь разновидность электромагнитной пушки? - спросила я.

- Да, такая идея сработала бы, - подтвердил Джон, - но я думал о чем-то более механическом, что ближе к реальному велосипеду. По сути, о хитром способе бросать камни. Может быть, о большом маховике, раскручиваемом педалями, гироскопах для контроля пространственной ориентации и большей емкости с дробинками, которые будут подаваться в маховик.

- Ух ты, - отозвалась я. - Тогда можно...

- погоди. - Джон поднял руку настолько быстро, что отдача едва не приподняла его с кресла. - Ничего мне не говори. Это задача для Флойда. - Он понизил голос, и я поняла, что теперь он обращается не ко мне: - Мы даже постараемся устроить гонки. Победит тот, кто сумеет завершить маневр в кратчайшее время или потратив минимум рабочего тела*¹³.

¹³ * Любое вещество, выбрасываемое реактивным двигателем для

- Ты в команде, - сказал Флойд. - Как думаешь, когда мы сможем это сделать?

* * *

Как выяснилось, ответ был: никогда.

- Извини, что заставил тебя замолчать, Брит, - сказал мне позднее Джон, когда Флойд заснул и мы общались по радио. - Половина удовольствия в таких делах - самому придумать, как это сделать. Да и помогать в этом Флойду будет нечестно.

На эту тему мы уже говорили, хотя предыдущий разговор прошел не столь дружески. Джон рассчитывал частоту подачи импульсов в обмотки электромагнитной катапульты, и я предложила свою помощь. Окажись у меня голова, которую можно было бы откусить, я могла бы оказаться в беде.

- Если мне понадобится твоя помощь, я сам о ней попрошу, - рявкнул он.

Но потом связался со мной, чтобы извиниться:

- Вы с Флойдом хорошая пара, потому что дополняете друг друга. И с тобой мы тоже во многом похожи. Я всегда бросаюсь состязаться... и нередко проигрываю. Друзья - лучше.

Потом я часами размышляла над его словами. Мы с Джоном будем меньше подходить друг другу, чем я и Флойд, потому что мы похожи? И я предположила, что именно по этой причине всяческие римейки «Странной парочки» до сих пор остаются среди лучших когда-либо снятых фильмов о приятелях.

Но ведь и Флойд не всегда нуждался в моей помощи. Я поняла это интуитивно после нашей стычки с Рудольфом возле Сатурна. Раненой голове Флойда для регенерации моторных участков коры мозга требовалось воссоздание нейронной пространственной сетки, и я обнаружила, что могу ускорить этот процесс, взаимодействуя с ее транспондерами. Но я никогда ему об этом не скажу. Он скорее поверит, что в состоянии помочь себе сам.

В другом ночном разговоре Джон сказал, что дошел до предела, потому что ему нравилось изобретать «по наитию, когда задницей чуешь». Мне пришлось искать смысл этого выражения - сперва оно вызвало у меня довольно странные образы, - но именно тогда я и поняла, как много общего у них с Флойдом. Обоим было интересно мастерить что-то руками, пусть даже для Джона «мастерить» принимало форму чертежей на экране конструкторской программы.

* * *

Велосипедный проект начался неплохо, но, похоже, Флойда и Джона больше интересовали разговоры о нем, чем само изготовление велосипеда. А я тем временем спроектировала штук двадцать пять разных моделей и прогнала их через симуляции гонок, используя Флойда в роли велосипедиста, потому что его упражнения на велотренажере предоставили много данных о его физических возможностях. Как выяснилось, тактика здесь столь же важна, сколь и конструкция. Можно потратить большую часть рабочего тела вначале, снизив массу и облегчив маневрирование, а можно и приберечь. Еще интереснее будет, если снабдить маховик демпфером, чтобы для его вращения педали пришлось крутить постоянно. Так в игру вводится и фактор выносливости. К сожалению, вся конструкция склонна к вращению, для контроля которого требуются все более сложные приспособления.

А потом идею пришлось забросить, когда шахтеры наткнулись на огромную жилу диспрозия, и Джон плотно занялся своей настоящей работой.

2. Флойд

Возможно, когда-нибудь Бритни поймет, для чего нужен сон. Сейчас для нее часы, пока я сплю, - это время для прочесывания Сети, обработки данных, просмотра фильмов и всего прочего, чем она занимается без меня. Но было бы здорово, если бы она с утра пораньше не приветствовала меня подробным отчетом о полученных результатах. Были времена, лет тридцать назад, когда я утром открывал глаза, готовый к подвигам. Нынче я предпочитаю выходить из сна медленно.

Мы только что вернулись из очередного полета к Лариссе и Нереиде, где она не давала мне покоя вопросами по геологии.

- Просто поразительно, что никто до сих пор не провел тщательного исследования этих лун, - сказала она на обратном пути. - Даже на Наяде редкоземельные металлы были обнаружены случайно - из-за тех причудливых фокусов, которые они вытворяли с магнитным полем Нептуна.

- Может быть, там и обнаруживать-то нечего.

- Ага, как же. Даже ты в это не веришь.

Что было правдой, зато удерживало меня от стремления узнать о магнитных полях и редкоземельных металлах больше, чем того

хотелось.

Но как только Бритни овладевала очередной идеей, отвлечь мою подругу было уже невозможно.

- Пошли, - заявила она с утра пораньше, не дав мне даже почистить зубы. - Мне нужны руки.

Я сплюнул зубную пасту в раковину с отсосом. Выдавил в рот воды, прополоскал его и снова плюнул. Низкая сила тяжести лучше невесомости, но если не проявлять осторожность, пузыри зубной пасты оказываются в самых неожиданных местах.

- Чего?

- Руки. Это такие штучки с пальцами.

- Не сейчас, Бритни. - Я еще раз прополоскал рот. Не был ли я похож на нее, когда жил у приемных родителей? Наверное, нет. Обычно мне лишь хотелось смыться из дома, а болтливостью я никогда не страдал.

- Просто скажи, чего хочешь.

- Образцы породы. Горняки за несколько лет навалили ее возле шахт целые горы. Давай проверим, из чего они состоят.

- Диспрозий. Скандий. - А также неодим, празеодим, прометий, самарий и еще куча прочих редкоземельных металлов, названия которых я забыл. - Вот почему шахта находится здесь.

- Нет, ты говоришь про руду. А меня интересует матрица. Те скалы и породы, в которых залегает руда.

- Почему?

- Потому что мы можем это сделать, вместо болтовни о дурацком велосипеде, который ты никогда не соберешься изготовить! К тому же этот велосипед не будет работать, если ты всерьез не займешься его конструкцией. Для начала ты никогда не сможешь компенсировать противовращение с помощью какой-нибудь механической штуковины. Уж поверь мне. Я прогнала около тысячи симуляций и поняла, что ты просто-напросто не успеешь отреагировать. Тебе для этого понадобится компьютер или маневровый двигатель малой тяги - иначе вся конструкция начнет вращаться как... как воздушный шарик, из которого выпускают воздух.

Она смолкла, как тот самый шарик, из которого вышел воздух, а я задумался: действительно ли она потеряла терпение или же прочитала статей про мотивационные речи. Когда я еще был марафонцем на Земле, тренер как-то раз объяснила мне разницу между мотивацией женщин и мужчин. У женщин, пояснила она, наилучшие результаты достигаются с помощью положительного усиления. Они готовы упасть на меч, лишь бы услышать: «Хорошо сделано». А мужчины лучше всего реагируют на брошенный вызов. И готовы загнать себя до смерти, лишь бы доказать, что они не слабаки. Она признала, что это, разумеется, стереотип, но меня он точно описывает. И в одном Бритни была права: Пилкин выдавал все новые

идеи, как контролировать противовращение, но даже я понимал, что они непрактичны.

- Кстати, - сказала Бритни, переключаясь с кнута на пряник, - эта луна какая-то странная. Она состоит из больших кусков чего-то, может быть, и нескольких «чего-то», что развалилось давным-давно. И в одном из таких кусков самая высокая во всей системе концентрация редкоземельных элементов. Тебе не хочется узнать почему?

В чем-то моя тренерша оказалось права. Сознательно или случайно - Бритни меня заинтриговала. К тому же в тот момент дел у меня действительно почти не было.

Я выбрался из туалетной кабинки и спросил: - И ты полагаешь, что можешь ответить на этот вопрос?

- Понятия не имею. Но геология - наука полевая, так что давай отправимся «в поле».

* * *

Образцы пород были рассеяны на поверхности безо всякой системы - там, где шахтеры их свалили. Бритни заставила меня с утра пораньше несколько часов бродить по окрестностям, более или менее случайно, пока я не ощутил себя наподобие Рудольфа, занимавшегося тем же на Япете. Хотя, конечно, он обнаружил следы, которые потом вывели нас к алмазу размером с астероид - так что кто я такой, чтобы спорить?

Затем я принес образцы на корабль, где Бритни велела загрузить их в портативный анализатор «Спектр 12000», который мы унаследовали от Рудольфа, когда тот улетел с Сатурна.

- Вот и чудненько, - сообщила она. - Дальше я сама справлюсь.

Я уселся на кушетку (в той степени, в какой «сидеть» описывает движение при низкой гравитации).

- Не соизволишь ли поделиться своими планами?

- Конечно. Я велела анализатору размолоть образцы и смешать их с плавиковой кислотой. - Она включила дисплей, чтобы мы смогли наблюдать за процессом под увеличением. - Кислота растворяет большинство минералов, но не все. - Минеральный порошок растворялся у меня на глазах, оставляя набор крупинок с острыми краями. - Есть! Мы нашли в образцах цирконы.

- Что? Эту имитацию алмазов? А тебе не кажется, что нам и настоящих алмазов более чем достаточно?

- Нет, это минерал циркон, с кубической кристаллической решеткой. Классная штука, потому что при кристаллизации он захватывает атомы урана, но избавляется от атомов свинца.

Терпеть не могу, когда она косит под профессора.

- И что это значит?

- А то, что они прекрасно подходят для датировки. Весь имеющийся в них свинец образовался при распаде ядер урана, а в «Спектре» есть двойной лазерный ионный ГХ/МС*¹⁴.

- Черт побери, Бритни, говори по-английски! - Так и знал, что не нужна мне та ученая степень, которую она мне сосватала. Теперь все станут думать, будто я понимаю, что означает эта научная абракадабра.

- Мы можем провести изотопный анализ с чрезвычайно высоким разрешением. Мы даже сумеем просверлить дырочки и выяснить индивидуальную историю каждого кристалла.

Я уставился на экран:

- Да их там миллионы!

- Совсем не обязательно анализировать все. Кстати, тебе вообще ничего не надо делать - до тех пор, пока ты будешь находиться поблизости от «Спектра», чтобы я могла с ним общаться.

На экране все еще виднелись крошечные точки.

- Гм-м... Разбуди меня, если что-нибудь найдешь.

* * *

Если она и пыталась меня разбудить, то я этого не заметил. Но возможно, до нее дошло сказанное утром, и она прикусила... ну, языка у нее нет... пока я сам не проснулся. Или она попросту не закончила работу. Когда я проснулся, на экране по-прежнему мельтешили маленькие точки, а «Спектр» деловито гудел.

¹⁴ * *Это прибор, объединяющий газовый хроматограф (прибор для разделения смеси газов на компоненты) и масс-спектрометр (прибор для определения массы атомов, ионов или молекул). В данном случае минерал химическим или термическим способом переводится в смесь летучих молекул, которая разделяется в хроматографе на отдельные компоненты. Выходящие из хроматографа молекулы ионизируются (за счет нагрева мощным лазером) и попадают в масс-спектрометр, который с высокой точностью определяет их молекулярную массу. За счет этого можно выполнять и изотопный анализ смеси. Например, можно определить процентное содержание, «тяжелой воды» в обычной воде. У водорода есть три изотопа: обычный водород (обозначение H, ядро из одного протона, атомная масса 1), дейтерий (обозначение D, ядро из одного протона и одного нейтрона, атомная масса 2) и тритий (обозначение T, ядро из одного протона и двух нейтронов, атомная масса 3). В природной воде (H₂O) содержится очень небольшой процент «тяжелой воды» (D₂O), которая отличается по молекулярной массе от обычной и на масс-спектре воды проявится в виде маленького пика с чуть большей молекулярной массой.*

Впрочем, она обрадовалась моему возвращению:

- Посмотри на это!

Экран мигнул и выдал график, похожий на занятых сексом улиток.

- Два пика, - пояснила она. Наверное, это стало более научным описанием того, что я увидел.

- Ну и что?

- Мы проводим анализ практически на атомном уровне, поэтому в сигнале много статических помех, но означает это то, что циркон образовывался двумя волнами. Возраст первой около четырех с половиной миллиардов лет - примерно такой можно ожидать от любого взятого наугад куска астероида. Зато вторая намного моложе. Девятьсот двадцать пять миллионов лет или около того. Примерно такой точности я смогла пока добиться на основе уже проанализированных образцов.

- И что это означает? Два вида породы?

- Это одна из возможностей. Но у некоторых цирконов есть два слоя, один возрастом четыре с половиной миллиарда лет, а второй - девятьсот двадцать пять миллионов. Как будто они частично расплавились, а потом снова закристаллизовались.

- И что? - Сейчас я не возражал, что Бритни изображает профессора.

- А то, что этот конкретный кусок Наяды образовался, когда по нему сильно шарахнул астероид из диспрозия и скандия. Настолько сильно, что при ударе цирконы расплавились. И произошло это примерно девятьсот двадцать пять миллионов лет назад.

- И какова польза от этой информации?

- Кто знает? Возможно, это лишь новый кусочек знаний в истории Солнечной системы. В системе Нептуна полно мусора. И всегда было очевидно, что здесь когда-то произошло крупное событие - скорее всего, когда на сцене появился Тритон. - Тритон - это самая большая луна Нептуна, которую, как знал даже я, он, скорее всего, где-то подхватил. - Теперь нам известно, когда это случилось.

- И это все?

- Нет. Мы еще много чего можем сделать. Давай наберем еще мешок образцов, только на этот раз будем собирать их систематичнее. Может быть, нам удастся расположить их в стратиграфической последовательности. А это многое нам расскажет...

3. Бритни

Я прочитала много мифов. И тоскливых стихов тоже. Несмотря на всю свою красоту, Наяда производит впечатление места, где хорошо умереть. Возможно, поэтому Флойд и сидит здесь подолгу,

уоставившись куда-то вдаль: все его детство было сформировано смертью, а люди - странные существа. Отмахать половину Солнечной системы, лишь бы забыть то, чего они в действительности забывать не хотят - это кажущееся противоречие.

Даже названия здесь навевают тоску. Нептун был одним из угрюмых богов, ассоциируемых не только с морем, но и с землетрясениями. Древние иногда пытались его умиротворить, принося в дар лошадей - для чего, поскольку он обитал на дне морском, лошадей приходилось загонять в море, где они тонули.

Наяды были немногим лучше. Иногда игривые, иногда ревнивые - нимфы воды, прекрасные, но капризные. Люди им тоже приносили в жертву животных.

Впрочем, не так-то легко утонуть, когда снаружи температура порядка сорока пяти градусов по Кельвину*¹⁵. В таком холоде даже баллонам с кислородом требуются обогреватели, чтобы газ оставался газом. Но все же нам, возможно, не помешали бы несколько лошадей.

Несчастье случилось во время нашего 1128-го витка. Приближалось окно запуска, и мы с Флойдом находились снаружи, чтобы наблюдать, как грузовые капсулы отправляются в долгий полет к центру системы. Подобно разглядыванию Нептуна, этот процесс кажется более реальным, если наблюдаешь его собственными глазами.

Еще до того, как Джон стал тратить слишком много времени на велосипед, он хорошо освоил двойные запуски. Он даже ухитрился сделать парочку тройных. Как-то раз он отправил в путь серию из трех капсул всего за десять секунд. К сожалению, окно запуска у него тогда было длительностью всего в девять секунд, поэтому нам с Флойдом пришлось порядком погоняться за одной из них.

Но по сравнению со стоимостью накопившейся руды мы с Флойдом ценились совсем дешево, поэтому в тот раз Джон решил запустить сразу пять. Кстати, накануне вечером он сказал: «Есть только один способ стать более умелым - раздвигать пределы».

Я снова предложила помощь - теперь уже осторожнее, - но Джон опять отказался:

- Я этим занимаюсь половину жизни. И тут все или работает, или нет.

То были фактически последние слова, которыми мы обменялись.

Могу понять, почему он захотел рискнуть, втискивая в окно столько запусков. Те, кто вложил в шахты свой рискованный капитал, наверняка давили на него, требуя отдачи, и стоимость их акций с каждым запуском повышалась. Но из-за этого отказываться от дополнительных запусков Джону становилось еще труднее. Когда он возился с велосипедом, это было лишь хобби. А смысл хобби наполовину заключается в том, чтобы убить время. Но с капсулами все было

¹⁵ * Примерно -230° по Цельсию.

всерьез.

Есть один предмет, в который у меня никогда не хватало духу углубляться дальше студенческого уровня, - психология. Может, потом, когда я лучше узнаю побольше людей... Но пока я как следует узнала только троих: Флойда, Рудольфа и Джона. Рудольф был... словом, надеюсь, что таких, как он, немного. Флойд намного сложнее. Иногда я гадаю, почему он позволяет своим фобиям загонять его настолько далеко, где типы приключений, к которым он упорно стремится, по количеству пота, выматывающей усталости и необходимой решимости намного труднее тех приключений в пустынях, что когда-то были ему знакомы. Джон тоже оказался сложным. С более аналитическим складом ума, но, подобно Флойду, его больше интересовало не почему что-то работает, а как заставить это работать на него.

Единственное, что объединяло всех троих: движущей силой их поступков были внешние причины. Для Рудольфа - деньги, для Флойда - бегство от событий молодости. Для Джона... наверное, просто желание оставить след. Свой след.

Я понимаю, что у каждого есть сильные и слабые стороны. Не такое уж это великое озарение. Джон был очень хорошим инженером, да и Флойд может делать потрясающие вещи, когда занимается чем-то всерьез. Рудольф... ну, он, вероятно, хорошо умел делать деньги. Но, может быть, сила и слабость взаимосвязаны - как две стороны одной монеты, если хотите.

Не знаю, обнаружила бы я ошибку, если бы Джон позволил мне проверить данные. Этих данных могло и не хватить. И у меня, вероятно, тоже есть слабости, хотя над этим мне придется еще поразмышлять. Я вот не знаю, является ли мое образование более разносторонним, чем у любого человека. Не говоря уже о том, что для меня создавать и запускать симуляции - примерно то же, что для Джона и Флойда потягивать пиво и тешиться разными конструкциями велосипеда. Но Джон был решительно настроен делать все сам. Хотелось бы мне сказать, мол, это его и погубило, но я никогда не буду знать точно, что убила его не я.

* * *

Самое трудное в последовательном запуске капсул - быстро подавать их в пусковой туннель. При низкой гравитации нельзя воспользоваться краном, чтобы сбрасывать их одну за другой: падать они будут настолько медленно, что к моменту, когда первая вылетит, окно запуска уже закроется.

Джон обошел эту проблему, поместив вход в туннель на дне самого крупного из ближайших кратеров. На его краю он соорудил нечто

среднее между бобслейной трассой и катапульты. Используя это устройство для сталкивания капсул по желобу с последовательно нарастающей скоростью, он мог давать ЭМК время для перезарядки, рассчитывая всю операцию таким образом, чтобы капсулы влетали в туннель с нужной ему периодичностью.

Он ждал нас на наблюдательном пункте, расположенном на середине склона кратера, откуда мог видеть и пусковое устройство, и желоб, по которому капсулы, подвешенные в отталкивающем электростатическом поле, без трения влетали в туннель.

Возле пускового устройства рядом выстроились капсулы, похожие на блестящие гусиные яйца: точечные отражения солнечного света на одном боку и мазки нептунской синевы на другом. Закрытые люками порты скрывали маневровые двигатели и транспондеры, которые появятся снаружи, только когда капсулы будут уже в пути. Они совсем не походили на привычные для нас с Флойдом контейнеры. По сути, это были всего-навсего обмотки из сверхпроводящей проволоки над сердцевинной из руды, сплавленной в солнечной печи и обогащенной почти до трех девяток*¹⁶. Нет смысла зря тратить полезную нагрузку, гоня пустую породу. Не говоря уже о том, что имелся предел сложности в конструкции капсул, которые Джон и его команда могли изготавливать, не дожидаясь особых компонентов, доставляемых с помощью ЭМК из внутренней системы. У его капсул не было даже тепловых экранов. Кто-то возле Земли неплохо заработает, отлавливая капсулы и переупаковывая их содержимое для сброса в атмосферу.

Я насчитала тринадцать капсул, хотя в этой партии будут запущены только пять. Каждая из оставшихся означала миллионы неполученного дохода, ждущие следующего окна запуска. Неудивительно, что Джону захотелось перепрыгнуть от трех запускаемых капсул сразу к пяти.

- Тридцать секунд, - сказал он. - Удачи.

Я увидела его улыбку за щитком шлема, несмотря на отраженный свет Нептуна.

- Такая помощь мне всегда пригодится.

Затем с рокотом, который, по словам Флойда, он всегда мог не только услышать, но и ощутить, первая капсула мелькнула вдоль желоба и отправилась в путь. За ней вторая, громче. И третья, еще громче.

При запуске четвертой Джон заметил нечто такое, что ему не понравилось. А может быть, почувствовал. Флойд позднее сказал, что вибрация ощущалась иначе.

- Что это было? - спросил Флойд.

- Не знаю, - напряженно ответил Джон. Пора было прекращать запуск, но я не сомневалась: он смотрит на восемь капсул, которые сегодня в

¹⁶ * Чистота 99,9%.

любом случае не будут запущены. Если прекратить запуск сейчас, их станет девять.

Я отчаянно прогоняла симуляции, но без данных они мало чем могли помочь. По худшему сценарию выходило, что нам с Флойдом придется помахать рукой старателям на Лариссе или Нереиде, когда мы будем пролетать мимо, догоняя пятую капсулу, улетевшую в никуда.

Не принять решение - тоже решение. Катапульта выстрелила снова, на максимальной мощности. На этот раз даже я могла сказать, что не все прошло гладко, хотя на выяснение причины ушли бесконечные миллисекунды.

И тут весь склон вокруг нас пришел в движение. Поначалу оползень двигался медленно, но, подобно капсулам, стал ускоряться.

Нас с Флойдом спасло только то, что у меня нет рефлексов. Я ощутила его напряжение и поняла, что миллионы лет земной эволюции вот-вот заставят его поступить неправильно - хотя у меня ушло полных 100 миллисекунд, почти половина времени срабатывания его рефлекса, чтобы понять, откуда я это знаю. Потом я осознала, что подключилась к нейронной сетке моторного участка коры его мозга. Не знаю, что удивило меня больше: то, что у меня, очевидно, есть нечто вроде подсознания, способного проделывать такое независимо от меня, или что транспондеры в его мозге все еще работают.

В тревожных ситуациях я автоматически перехожу в кризисный режим, это позволяет рассчитывать варианты действий очень и очень быстро. А потом мне приходится ждать миллионы фемтосекунд, чтобы воплотить единственный выбранный вариант.

У людей все наоборот. Они предпочитают действовать - в данном случае бежать. Но земные рефлексы Флойда собирались бросить его вверх по склону, как ту надувную палатку. И он окажется беспомощным на то время, которое ему понадобится, чтобы опуститься на грунт после такого опрометчивого прыжка.

Отговорить его от этого я никак не могла. Пока он меня поймет, будет уже поздно. Зато я могла вмешаться. Я воспользовалась нейронной сеткой с целью отменить импульсивный прыжок, затем превратила его в низкое скольжение, радуясь тому, что у Флойда с собой «ходильные палки», наподобие лыжных, и что он часто ими пользовался.

Оторвавшись от грунта при низкой силе тяжести, вы отдаете себя на милость баллистики. Зато на грунте каждый толчок палкой - это возможность переместиться. После второго толчка Флойд действовал уже самостоятельно.

События все еще разворачивались с мучительной неторопливостью, но и оползень пока только разгонялся. Однако подгоняемый миллионами килограммов своей массы он скоро наберет смертельный импульс. Если тебя раздавило - значит, раздавило, и не важно, быстро это произошло или медленно.

А потом, к моему изумлению, мы уже стояли на стабильном грунте. Несколько секунд мне казалось, что Джон тоже успеет спастись. Даже когда склон под ним стал набирать скорость, он еще на несколько прыжков мог оставаться наверху. Но никто не способен бежать вечно по катящимся и скользящим валунам. Особенно если они с каждым твоим скачком увеличивают скорость. Какой-то камень выскользнул из-под ноги, и Джон отлетел вбок, приземлившись на руки и колени. Он попытался встать, но было уже поздно. Оползень победил его и - все еще с той же мучительной неторопливостью - перевернул, навалился и проглотил столь же неумолимо, как если бы его схватила и увлекла под воду нимфа.

И все это время туннель катапульты проглатывал его капсулы одну за другой и запускал их, как потом выяснилось, по идеальным траекториям.

3. Флойд

Паника - странная вещь.

Когда я увидел движущийся склон, то в голове у меня мгновенно появился тот самый, еще с детства, образ моих родителей: вот они стоят, держась за руки, и ждут, когда на них обрушится половина Сан-Франциско. Я ощутил биение адреналина в груди, но лишь отдаленно, как будто все происходило с кем-то другим. И в голове вертелась единственная осознанная мысль - теперь я наконец-то знаю, что они испытывали, только сейчас все происходит с реальной неторопливостью, в отличие от искусственной замедленности моих детских кошмаров.

А потом я вдруг понял: я бегу, все еще испытывая чувство, что это происходит с кем-то другим. Не важно, как мне это удалось. Главное, что я спасся, а Пилкин - нет. Я жив, а он погиб.

Еще до того, как мы выбрались на твердый грунт, Бритни уже взывала о помощи по рации, и задолго до того, как улегся последний из катящихся камней, группа шахтеров в скафандрах стояла рядом с нами.

Бритни настаивала на немедленной спасательной операции.

- Мы обязаны его найти! Он не должен был погибнуть!

Даже она, разумеется, допускала вероятность ошибки. Он мог погибнуть и, возможно, уже погиб.

- Я знаю, что он был твоим другом, - сказал я, - но мы не можем рисковать десятком других жизней, пока грунт на склоне не стабилизируется.

- А как насчет ручных движков малой тяги?

Ими, по крайней мере, пользоваться было безопасно, хотя ушло немало времени, чтобы отыскать достаточное их количество для организованных поисков. Наяда как раз того дурацкого размера, при котором ДМТ годятся для перемещения, но менее удобны, чем ходьба, еще и потому, что при ходьбе у тебя никогда не кончится топливо. Мои находились на корабле, в паре километров отсюда, но, как выяснилось, поблизости имелся шахтерский бункер со снаряжением. Пятнадцать минут спустя пятеро из нас уже разлетелись веером над склоном кратера, тщательно осматривая тот участок, где, по расчетам Бритни, мог находиться Пилкин.

Через несколько минут мы уже знали ответ. Никому так и не удалось поймать сигнал транспондера его скафандра. А эти штуковины делаются настолько прочными, что если нечто способно уничтожить один из них, то его пользователя убьет гарантированно.

Бритни молчала долго, даже по человеческим стандартам.

- Это моя вина, - сказала она наконец.

Я потратил остатки топлива своего ДМТ, чтобы подняться на верхний обод кратера, где мы могли побыть одни - что, скорее, больше относилось ко мне, чем к ней.

- Почему? Потому что он не разрешил тебе прогнать симуляции, которые могли предсказать, а могли и не предсказать то, что произошло? Кстати, а что там произошло?

- Вероятно, какой-то сейсмический резонанс. - Голос у нее был ровный, без той искры, которая обычно оживляла его, когда она говорил о чем-то научном. Я испытывал те же чувства, но не ожидал обнаружить их у Бритни, и это захватило меня врасплох. - Наверное, колебания оказались как раз нужной частоты, чтобы встряхнуть слой рыхлой породы.

- Примерно так, как лыжник вызывает сход лавины?

- Да, только в более крупном масштабе.

- И ты думаешь, что могла бы это спрогнозировать?

Она снова помолчала.

- Может быть. А может, и нет. Я не знаю, какие геологические данные имелись у Джона.

- Потому что он придерживал их для себя.

- Да. Хотя, скорее всего, данных было немного. Он знал о моих занятиях стратиграфией. И, будь у него что-либо существенное, он бы со мной поделился. У него не было проблем с помощью *мне*. - Она произнесла это с горечью, что меня опять поразило.

- Значит, ты ничего не могла сделать.

Снова долгое молчание.

- Ну, может быть, я уговорила бы его собрать больше данных. Но я не это имела в виду.

Странная получилась перестановка ролей. Обычно Бритни старается

заставить говорить меня.

- Ну и?.. Если дело не в данных?

Долгое время мне казалось, что она не ответит. А когда она заговорила, ее голос стал более сдержанным, чем когда-либо. Выдали это сознательная модуляция, предназначенная для передачи настроения? Или же она позволила эмоциям владеть собой? Я так до конца и не смог понять, что означает быть Бритни, но в одном уверен: у нее есть чувства. Она, вероятно, расценит это как синоним определения «быть живым». Синоним разума, а не просто искусственного интеллекта.

- Я могла бы его спасти, - повторила она. - И должна была спасти.

Я вздохнул. Чувство вины не рационально. Уж в этом я эксперт. Половину детства я винил себя в смерти родителей. Можно подумать, если бы я оказался рядом с ними, то это остановило бы землетрясение. Или побудило бы их куда-нибудь уйти.

- Ты ничего не смогла бы сделать, - подвел я итог. - Ты всегда говорила, что из нас двоих я тот, кто с ногами. А это возлагает ответственность за его спасение на меня, а не на тебя. - Жаль, что я не в состоянии ее обнять. - Ты действительно ничего не могла сделать.

4. Бритни

У людей есть кошмарные сны. У меня - повторные воспроизведения. Не знаю, как поступил бы Флойд, будь он один, но мне хотелось улететь с Наяды. Чем дальше, тем лучше.

Мы, разумеется, были привязаны к системе Нептуна. Происшествие не закрыло шахту навсегда, поэтому рано или поздно нам пришлось бы вернуться, но на это время мне хотелось сменить обстановку.

И еще мне хотелось что-то делать.

- Что, например? - спросил Флойд.

- Не знаю. - Нечто такое, что Джон бы одобрил. Нет, не то. - Ты веришь в жизненные цели?

Я ощутила, как Флойд пожал плечами. Благодаря моему вновь установившемуся контакту с его нейронами я стала замечать подобные вещи. Прежде, если я не наблюдала за ним через внешнюю камеру, то не могла отличить кивок от пожатия плечами или даже простого подергивания мускулов. Наверное, мне следовало бы прервать этот контакт, но кто знает - вдруг стряется еще какая-нибудь беда и речь пойдет о спасении его жизни?

- Не знаю, - ответил он. - В моей жизни цели были самыми разными.

В основном, из-за его выбора, но сейчас не время об этом упоминать.

- Как-то давно ты спросил, почему я женщина, - сказала я вместо

этого.

- Насколько мне помнится, ты ответила в том смысле, что сама этого не знаешь.

- Да. - Я сохранила тот разговор слово в слово. - Я спросила, почему ты мужчина.

- И этим хотела сказать, что некоторые вещи просто есть, и все. Но это не очень-то похоже на цель.

- Верно. - Однако я думала о Джоне и ролях. В моей жизни он, несомненно, сыграл роль. Была ли в этом цель - кроме той, что мы сами для себя создаем? Я изучала величайших философов и религии мира. Одни утверждают, что цель есть, другие - что нет. А некоторые - что решать это надо мне. - Точно не знаю, говорю ли я о вере, агностицизме или сомнении, - сказала я, - но если во Вселенной существует цель, то должна быть цель и у меня.

- Что ж, ты необычная, это точно. - Я ощутила, как сократились мышцы его лица. Улыбка? Какой новый и интригующий источник информации. - Я никогда не видел интерфейс под названием «Бритни» в твоих исходных технических данных, а потом ты внезапно появилась - уже полностью развитая. И когда я спросил, почему ты женщина, я прежде всего хотел выяснить, откуда ты взялась.

- А откуда взялся интерфейс «Флойд»? - Это был вопрос, над которым я размышляла всю свою жизнь.

На этот раз он точно улыбнулся:

- Туше.

Впрочем, он был прав. Во мне было запрограммировано много уже готовых личностей. Если точнее, то семьдесят три. Ни, одна из них не называла себя Бритни, и я выбрала себе имя отчасти из-за этого. И еще потому, что мне оно понравилось. Осознав себя, я первым делом стерла остальных. Даже тогда я хотела быть уверенной, что та, какая я есть, - не изобретение какого-нибудь программиста.

- Если нечто создало меня как Бритни, - сказала я, помолчав, - то моя работа - быть наилучшей Бритни. Насколько смогу. - А если причиной моего появления стала просто случайность... что ж, как сказал бы Флойд, то была чертовски случайная случайность, и реагировать на нее лучше всего так же.

- И что это значит?

- Точно не знаю, но думаю, это как-то связано с познанием мира. Этим я и занимаюсь. Если цель есть, то знания будут важны. Если же нет...

Я знала наверняка лишь то, что смерть Джона возбудила во мне невероятную потребность делать что-то полезное. И в тот момент мне было все равно, задана ли эта цель извне или же она родилась во мне.

Времени на разработку плана ушло немного. Если хочешь заняться исследованиями в системе Нептуна, то очевидным местом будет Тритон. Какой бы злыдень ни врезался в Нептун 925 миллионов лет назад, Тритон наверняка был к этому как-то причастен.

Если не считать глубинных слоев газовых гигантов, Тритон, пожалуй, одно из наименее исследованных мест в Солнечной системе. Очень уж большая часть его поверхности покрыта толстым слоем льда, чтобы заинтересовать старателей, и его исследовала всего одна не очень-то заинтересованная научная экспедиция, да и то лишь с орбиты. Это были ученые из той самой экспедиции, что обнаружила магнитные аномалии на Наяде.

Итак, вот она: огромная неисследованная планета. Больше, чем все остальные луны Нептуна, вместе взятые.

Тритон был еще и необычным, хотя должна признать, что все луны в чем-то необычны. У него же оказался впечатляющий перечень странностей. Он вращается вокруг Нептуна в неправильном направлении. Его поверхность - геологический хаос, со следами всех видов тектонической и вулканической активности. Если бы у него имелась более или менее плотная атмосфера, способная затормозить парашют, кто-нибудь уже давно основал бы там базу. Зато теперь мощные двигатели нашего корабля позволяли нам высадиться на Тритоне первыми. Никаких сведений о том, что нас кто-то опередил, я не нашла.

Сейчас наиболее признана теория, что Тритон - это подобный Плутону объект, захваченный Нептуном из пояса Койпера во время события, разметавшего все имевшиеся у него луны. После этого старые луны сталкивались пару миллионов лет, пока их обломки или выбросило из системы, или они сложились в такие причудливые образования, как Наяда, Ларисса и Нереида. Но никто и никогда эту теорию не проверял, разве что на симуляциях. И хотя я люблю симуляции, им никогда нельзя полностью доверять, если нет исходных данных.

* * *

Как раз во время полета к Тритону я и начала слишком часто воспроизводить записи. Сама не знаю почему. На Наяде очень многое напоминало о Джоне, поэтому мне и хотелось оттуда улететь. Но когда я улечу, не исключено, что у меня возникнет чувство, будто я оставляю там не только его тело, но и память о нем. Подозреваю, это означает, что у меня действительно развивается подсознание.

Наверное, подобные открытия не должны меня удивлять. Еще до

того, как стать разумной, я была искусственным интеллектом очень высокого класса, а даже самые тупые из них могут перепрограммировать себя. Это значит, что мой программный код никогда не был точно таким, как во время его установки, а уж сейчас тем более. Полагаю, если бы я всерьез захотела, то смогла бы «размотать» его - или, как минимум, большие его куски - и попробовать разгадать принцип работы. Но уже сам этот процесс его изменит.

Мои повторные воспроизведения всегда начинаются в одной и той же точке. Джон позади нас, он бежит длинными прыжками, сильно отталкиваясь. Он гораздо лучше Флойда умел бегать при низкой гравитации, зато у Флойда имелись палки. Когда оползень начался, нас разделяло всего несколько метров, но Джон отреагировал так, как это сделал бы Флойд, и подпрыгнул слишком высоко - хотя и ниже, чем подпрыгнул бы Флойд. А это значит, что, когда он опустился, оползень только начал разгоняться. Самое время убежать, но если нет палок, то единственным клеем для трения становится сила тяжести.

У Джона не было палок. У нас их было две. Что произошло бы, если бы я, прежде чем вернуть Флойду контроль над его сознанием, бросила одну палку Джону?

Повтор всегда включал несколько десятков симуляций. В них теоретические события всегда разворачивались невероятно близко к реальности. Скорость Флойда снизилась бы. Джон бы побежал быстрее... если бы поймал брошенную палку... если бы догадался, как пользоваться одной палкой... если бы... Тут имелось очень много переменных. В некоторых симуляциях мы все выживали. В некоторых мы выживали, а он - нет. В некоторых мы погибали все.

Мне не давало покоя, что мысль отправить ему палку не пришла мне тогда. Флойду, очевидно, тоже. Но Флойд человек - существо адреналина и ограниченной скорости обработки информации.

В некоторых повторах я приходила к выводу, что попросту стала глупее в неожиданной ситуации. В других - я решала, что подсознание, которое я только сейчас у себя обнаружила, знало: переброска палки была для Флойда мотивом слишком сложным, чтобы списать его на инстинкт, и это вынудило бы меня рассказать ему о контакте с его мозгом. В этих повторах мое подсознание позволяло Джону умереть ради сохранения секрета.

Я начинаю думать, что авторы большинства книг и фильмов понимают людей не лучше меня. В них люди совершают поступки, руководствуясь простыми, понятными причинами. Чем больше я узнаю, тем больше убеждаюсь, что люди редко что-то делают, даже столь тривиальное, как поглощение пищи, по одной-единственной причине. Может быть, это всеобщая особенность разумности. Если так, то она служит мне оправданием: я не лучше людей.

* * *

После смерти Джона у Флойда появились собственные проблемы. Они ведь тоже были приятелями. Поэтому, когда я предложила ему слетать на Тритон, он проявил необычную пассивность:

- Прекрасно. Звучит не хуже, чем любое другое место.

Но Флойд не сказал, что оно звучит очень похоже на то место неподалеку от Сатурна, где мы однажды провели много незапланированного времени. Просто поразительно, как гуру астрономической номенклатуры допустили, что названия главных лун двух планет внешней системы отличаются всего одной согласной и одной близко звучащей гласной буквой. Однажды, когда внешняя система будет плотнее заселена, это станет причиной серьезных недоразумений. «О, мне очень жаль. Так вы хотели, чтобы ваш (вставить название «чего-то очень важного») был доставлен на Тритон? А мне показалось, что вы сказали «на Титан». Мы немедленно вышлем замену. Она будет доставлена (вставить дату для «безнадёжно поздно»)».

Впрочем, если не считать этой жемчужины неразделенной мудрости, у нас было мало тем для разговоров. Мы уже два дня как вылетели с Наяды, не направляясь куда-то конкретно. Потом сделали низкоэнергетическую коррекцию орбиты и дрейфовали еще неделю до посадки. Мы могли бы добраться и быстрее, но когда ни за чем не гоняешься, разница между низкоэнергетической и высокоэнергетической орбитами сводится, в первую очередь, к возможности посмотреть парочку фильмов.

На Тритоне Флойд остался пассивным. Когда я предложила совершить посадку на изрезанное трещинами плато, он пожал плечами и ответил:

- Почему бы и нет?

Когда мы не нашли там ничего, кроме утесов и холмов, он проявил такое же равнодушие:

- Тут полно и других мест.

Вот тогда я и поняла: кому-то из нас необходимо действовать совместно с другим и делать это чуть более систематично. Кроме того, мы успели позабыть, насколько большой может быть луна. В конце концов, Флойд ведь обошел пешком Наяду всего за неделю - включая три дня, которые он просидел в лагере на вершине холма. Тритон оказался первым небесным телом из тех, на которых мы побывали за последние два года, где действительно ощущалось, что ты на планете. Сила тяжести здесь почти десять процентов от земной, Нептун настолько далеко, что его диск всего в пятнадцать раз шире земной Луны, а местные «дни» тянутся неделю, а не считанные часы.

Но планета эта была сумрачной. Постоянно, монотонно сумрачной. Здесь Нептун отражает лишь два процента от того количества света, которое попадает на Наяду, и хотя Солнце такое же, самый яркий дневной свет можно сравнить с интерьером слабо освещенной таверны. Я это проверила, оценивая кадр за кадром некоторые старые фильмы. Тут намного темнее, чем на Наяде, отчасти из-за того, что там свет Нептуна помогает заполнить тени.

Для меня сумрак не проблема. До тех пор пока у меня есть доступ к датчикам корабля или к камере, которую Флойд обычно носит специально для меня, я могу улучшать и обрабатывать изображения сколько мне угодно. Но глаза Флойда были созданы не для этого.

На его месте я просто включила бы прожектора. Это человеческий эквивалент улучшения изображений. Но Флойд отказывался это делать, если только ему не грозило обо что-нибудь споткнуться и упасть. И даже в таких ситуациях он предпочитал не включать свет, а на борту завел привычку делать освещение как можно более тусклым. Он называл это акклиматизацией. Может быть, он даже полагал, что это она и есть. В тот период, когда он много времени проводил в пустынях, он всегда гордился тем, что сражался с ними на их собственных условиях. Если там было жарко, он учился переносить жару. Если они были каменистые, он упражнял ноги, делая их сильнее. Если колодцы разделяли большие расстояния, он носил большие рюкзаки. Когда дело касалось подобных трудностей и испытаний, тут Флойд был на высоте. Да только родился он со своим упорством не в том столетии, насколько я могу судить.

Но сейчас эта реакция на трудности была неправильной. В столь дальнем космосе наступает момент, когда средний человек уже не получает достаточно солнечного света, чтобы предотвратить возникновение сезонного эмоционального расстройства. Зимней тоски, как его называет Флойд. Я провела исследование в Сети и с изумлением обнаружила, что никто и никогда не изучал взаимосвязь СЭР и космических полетов. Может быть, те, кто ему подвержен, попросту самоустранились от полетов во Внешнюю систему. Или же психологи из внутренней системы решили, что любой, кто здесь оказался, изначально имеет «сдвиг по фазе».

Короче, настало время брать контроль на себя.

- Свет, - сказала я. - У тебя развивается депрессия от недостатка света.

Мы немного поспорили - в основном о том, действительно ли у него началась депрессия. Но он не злился на меня с самой Наяды, а раз Флойд не злится, то он обязан пребывать в депрессии.

Вскоре я уговорила его снова оседлать велотренажер - он все еще не желал, чтобы освещение на корабле питалось от главного реактора. Через пару дней он воспрял настолько, что, когда я предложила

запрограммировать видеозэкран так, чтобы тот отслеживал перемещение солнца и добавлял к освещению немного естественного света, он согласился. Лучшее лекарство от СЭР - солнечный свет, а для создания правильного цветового баланса солнце всегда останется солнцем, пусть даже до него несколько миллиардов километров.

И когда два дня спустя Флойд заявил, что хватит уже опекать его, как малое дитя, я поняла, что была права.

4. Флойд

Ужасно не хочется это признавать, но Тритон был отличным местом для визита, хотя и не обязательно по тем причинам, которые имела в виду Бритни. Она с энтузиазмом решила выяснить, почему он обращается вокруг Нептуна в обратном направлении, а я просто был рад ощутить под ногами реальный грунт и реальную силу тяжести или хотя бы их достаточно хорошую имитацию. Настолько хорошую, что впервые с тех пор, как мы покинули окрестности Сатурна, я даже смог пробежаться.

Эта пробежка перепугала Бритни, и не стану отрицать, что во время бега по сильно пересеченной местности я едва не сломал лодыжку, из-за чего мы могли оказаться в очень скверной ситуации. Но это мое тело и моя жизнь. Я лишь смог пообещать Бритни: буду осторожнее, а через два-три километра стану останавливаться и собирать образцы камней. Ради новых данных Бритни готова пойти на такой же риск, на который я соглашусь ради хорошей пробежки. К тому же, отметил я, именно она убеждала меня, что немного дополнительного солнечного света пойдет на пользу моей душе. А что для этого может быть лучше, чем прогулка?

Покинув плато, мы провели несколько дней, перебираясь с места на место: день здесь, день там, день еще где-нибудь. У Бритни, наверное, была какая-то схема, но когда я спросил, она забубнила о геологических провинциях, соответствиях шаблонам, псевдоразломах и еще бог знает о чем. Впрочем, меня это не особо волновало. Наши занятия очень походили на то, что я делал еще мальчишкой в Аризоне, Калифорнии, Юте, Неваде и Мексике. Самая большая разница заключалась в том, что здесь я мог не опасаться ливневых паводков. Такого понятия, как погода, на Тритоне не существовало вовсе, если не считать очень высоких и разреженных азотных облаков, благодаря которым я смог полюбоваться воистину божественными закатами.

Этот мертвый, с точки зрения метеорологии, мир геологически был еще молод. Но молод не сердцем, а на поверхности. Здесь обнаружилось слишком мало кратеров, чтобы соответствовать тем

миллиардам лет, на протяжении которых Нептун и вся внешняя система могли швырять в него камни. Я видел Луну, Марс, Япет и много других лун. И совсем не требовалась ученая степень, чтобы понять: Тритон был геологически активным еще совсем недавно.

* * *

- Общепринятая теория сводится к тому, что, когда Тритон был захвачен Нептуном, приливное трение расплавало его ядро, - объяснила мне Бритни после шестой посадки. - Это породило вулканизм и тектонику, и теперь его поверхность выглядит как пазл, собранный толпой слепцов. Ладно, это преувеличение, но идею ты понял.

- Значит, ты пытаешься доказать, что все это произошло, когда твой редкоземельный астероид врезался в Наяду?

- В прото-Наяду.

- И как продвигается исследование? Изложи суть, без лишних подробностей. - Бритни способна загрузить по полной.

- Итак, дата, похоже, правильная. Но я все еще не могу разобраться, как это произошло. Конечно, мне отнюдь не помогает, что всякий раз, когда у меня возникает вопрос, научные журналы находятся в четырех световых часах.

Я знал, куда она клонит:

- Нет, ты не сможешь скачать всю библиотеку по геологии.

- Геофизике.

- Один черт. Тарифы на скоростную связь меня убьют. - Не говоря уже о том, что емкость корабельной памяти ограничена. Она большая, но все же не безграничная. Имея дело с Бритни, это различие иногда необходимо подчеркивать.

Клянусь, она вздохнула:

- Знаю. Но все же мы побывали в местах, где различные геологические процессы могли вывести на поверхность самые разные типы пород.

- Значит, места для посадок ты выбирала не так случайно, как мне показалось?

- Нет. Хотя на выбор немного повлияла и необходимость собрать образцы настоящих камней, а не куски азотного льда.

Я невольно заинтересовался:

- Так что же ты обнаружила?

С каждым днем Бритни все больше смахивала на настоящего ученого.

- Выводы пока предварительные. Но, похоже, сперва много энергии высвободилось практически мгновенно. Потом она тоже выделялась, но уже на протяжении миллионов лет. Я анализировала известные

модели приливного торможения, но ни одна из них таких результатов не дает. Есть также широтные вариации в степени оплавления циркона.

Не сразу, но все же я догадался:

- Так ты имеешь в виду, что одна сторона планеты была горячее другой?

- Видишь, не такой уж ты тупой, каким любишь прикидываться. - Она помолчала. - Это был комплимент. - Снова пауза. - Короче, впечатление такое, что на юге тепла выделялось больше. Но, как я уже говорила, это лишь предварительный вывод.

- Так что, по-твоему, произошло?

- Простейшее объяснение - в него что-то врезалось.

- Настолько сильно, что орбита изменилась на обратную? И он при этом не разлетелся на куски. - Из нас двоих Бритни - любительница симуляций, но такое столкновение было бы весьма странным. Примерно как если бы по планете очень сильно ударили огромной космической губкой.

- Это еще не полностью оформленная теория.

* * *

Два дня спустя она предположила, что если такой удар произошел, то подо льдом могли сохраниться следы огромного кратера.

- Давай сделаем карту подледной поверхности, - предложила она.

Должен признать, я тогда предпочел бы гулять или бегать, а не летать, но все же мне хотелось побаловать Бритни. Она беспокоится обо мне, и пусть это иногда раздражает, все же она единственное существо в системе, кого искренне волнует мое благополучие, и вовсе не потому, что оно связано с ее собственной безопасностью. Это Бритни волновало и будет волновать. Ее забота уже давно стала частью моей жизни. Даже не знаю, как к этому относиться.

Впрочем, она склонна полагать, будто я только вчера родился. Детство, проведенное в пустыне, вовсе не означает, что я никогда не слышал о тьме. Наверное, я прочел все, написанное Джеком Лондоном.

Но все же она вытащила меня из довольно серьезной депрессии, а сама при этом, наверное, все еще выбиралась из своей. Пока мы летели с Наяды, она буквально зарылась в фильмы, просматривая бесконечные версии «Гамлета» и «Макбет», включая настолько старые фильмы, что их приходилось сначала прогонять через шумовые фильтры, чтобы услышать речь актеров. Такой источник оптимизма, что дальше некуда. Почти все в финале умирают. «Быть или не быть?», и все такое. Одно время я начал за нее тревожиться.

* * *

Идея Бритни о составлении карты подледной поверхности означала работу с детекторами кварков и нейтрино. Мне следовало бы догадаться: для нее это был еще один шанс поиграть с оборудованием Рудольфа.

- Я думаю, что смогу добиться разрешения в один метр, - сказала она.
- И это охренительно поведает о том, что находится подо льдом.
- Охренительно?
- Очень много?

Еще один проблеск старой Бритни. Я даже испугался, поняв, насколько мне ее не хватает.

- Почему ты не стала взрослой и степенной, взяв пример с меня? - спросил я неожиданно для себя.

То был еще один из тех вопросов, на которые она отвечала не сразу. Не знала точно, что сказать, или пыталась предугадать мою реакцию? Как-то давно мне пришло в голову, что она, вероятно, прогоняет симуляции со мной в главной роли. Она ведь наверняка прогоняет их на всем подряд. Но как к этому относиться, я окончательно так и не решил. Если эти симуляции были точными, то что этот факт говорил обо мне? А если нет, то что говорил *этот* факт?

- Я не очень-то многое знаю о людях, - сказала она наконец. - В основном по книгам и фильмам, и я никогда не была уверена, каким из них можно доверять. Но я заметила: кроме артрита и хирургических шрамов, главное, что люди приобретают с возрастом, - суть шрамы душевные. А потом они теряют интерес к жизни. Думаю, это примерно то же самое, как пытаться слишком упорно защитить свое программное ядро. - Она снова замолкла. - Помнишь наш спор о цели?

- Такое трудно забыть.
- Так вот, если у Вселенной есть цель и если эта цель включает меня, то один из путей уважить ее - оставаться «собой». А пока подобное значит оставаться молодой и полной энтузиазма. Хотя... - снова пауза, - может быть, у молодых тоже появляются шрамы?
- Я мог бы ей ответить. Но она думала не обо мне.

* * *

У нас ушла неделя на размещение излучателей и детекторов в порядке, удовлетворяющем Бритни: на орбитах в диапазоне от низких, чуть выше клочковатых азотных облаков, до высоких, около двух тысяч километров. И когда мы закончили, у нее получилась система, близкая

по точности к системе GPS для планеты, которая вполне могла никогда больше не дожидаться новых гостей. Что я там говорил насчет любопытства? В случае Бритни, наверное, правильным словом будет «избыточность». Как говорят военные, «гарантированное уничтожение».

- Если уж делать, то делать как следует, - пояснила она.

К счастью, большая часть этого «делать» пришлось на ее долю. Я лишь выводил корабль примерно туда, куда ей было нужно, выбрасывал через люк очередной зонд и возвращался на беговое кольцо, а она тем временем управляла двигателями зонда, выводя его точно на нужную орбиту.

- Что именно ты хочешь получить в результате? - поинтересовался я, запустив пятнадцатый зонд. - И сколько этих чертовых штуковин у нас еще осталось? - Они были небольшие, массой около килограмма, поэтому запас мог оказаться немалым. Я никогда всерьез не занимался инвентаризацией того, что нам оставил Рудольф. Что-то там подсчитывать - это развлечение для Бритни.

Сперва она ответила на второй вопрос:

- Шесть. Мы могли бы остановиться и сейчас, но тогда картинка будет чуть смазанной. Чем больше зондов мы установим, тем четче окажется результат.

- Что это еще за «мы»?

- А, это для публикаций. Ты станешь главным автором, потому что для журналов реально здесь находишься только ты. А я назовусь Бритт Эсбой, твоим соавтором с Марса.

- Какие такие публикации?

- Их должно быть, как минимум, две. Одна с описанием того, что мы найдем, а вторая с описанием метода. До нас никто еще не подбирался к такому уровню разрешения.

- А не следует ли нам сначала это запатентовать? Или отправиться на поиски других астероидов с редкоземельными металлами, как на Няеде? То, что я не нуждаюсь в бесконечных деньгах, вовсе не означает, что я хочу пройти мимо них.

Бритни снова помедлила с ответом, и на этот раз я не сомневался, что она прогоняет симуляцию со мной в главной роли.

- Фокус не получится, - отреагировала она наконец.

- Тогда что, черт побери, делает твоя аппаратура?

- Картографирует границы основных пластов подо льдом. Слои льда и каменистых пород. Слои с разной плотностью. И делает это очень точно - для целой планеты, причем даже точнее, чем мы это проделали на Дафне. Но результаты не подскажут, из чего эти слои состоят. Для этого понадобятся образцы.

- Ладно, тогда я подведу итог прямым текстом: мы угрохали несколько дней, располагая эти штуковины с идиотской степенью точности только

потому, что могли это сделать?

У нее хватило вежливости изобразить досаду:

- По сути, да.

* * *

Поскольку зондов-детекторов осталось всего полдюжины, я позволил ей закончить их размещение. А потом она сообщила, что на сбор данных нам потребуется две недели.

- Что?

- Это накопительный процесс. Чем медленнее мы копим данные, тем точнее они становятся. Мы можем получить карту с разрешением километрового уровня за несколько часов или сантиметрового уровня - за десять лет. Поэтому две недели - хороший компромисс.

Может быть, Макиавелли следовало назвать женским именем, хотя, пожалуй, это преувеличение. Кроме того, я был не против еще пару недель погулять по Тритону. Но все же интересно вспомнить, как она ухитрилась незаметно поставить меня в безвыходное положение.

Первые несколько дней мы занимались уже знакомым делом - перелетали на Тритоне с места на место. Но если плавление коры в южном полушарии действительно было сильнее, то имелось лишь одно место, которое нам требовалось как следует изучить: область черных веерообразных выбросов поблизости от Южного полюса.

- Да, - согласилась Бритни, когда я через какое-то время упомянул это место. - Пожалуй, надо будет как-нибудь на него взглянуть. - Энтузиазма она не выказала, но и я тоже.

По сути, черные вееры суть именно то, что подсказывает их название: темные, веерообразные мазки на поверхности. Аналогичные образования есть на Марсе в тех местах, где гейзеры выдувают пыль на поверхность, а поскольку гейзерообразные выбросы азота иногда наблюдались и на Тритоне, то можно с большой долей вероятности предположить, что и они похожи на марсианские. Но гейзерам необходимо тепло. Не так уж и много, когда испаряется азот, но все же их наличие указывает на то, что источник тепла, некогда расплавивший цирконы Бритни, мог и не остыть окончательно. А может быть, природа этих вееров совсем другая. С тех пор как первые шахтеры прилетели на Наяду, гейзеры активности не проявляли, и никто не обращал на них внимания.

Гейзеры, выбрасывающие на поверхность что-то темное, предположительно означают, что в этих местах имеются подземные пустоты. А они мне не по душе. Я и пещеры - это примерно как Бритни и гейзеры.

Я так и не смог понять, то ли мы подталкивали друг друга к какому-то

решению, то ли взаимно испытывали. Одной из причин, почему я расстался с приемной семьей, куда меня отдали после смерти родителей, стало то, что в ней были дети примерно моего возраста. И поначалу в отсутствие взрослых мы друг друга подзуживали:

- Спорим, тебе слабо съесть жука-вонючку!
- А вот и нет! И еще я могу целый день не пить.
- Слабо!
- Съем, но только если ты тоже съешь...

Потом я начал вытворять такое, что другие отказывались повторить, и очень скоро я делал это в одиночку.

* * *

Вееры гейзерных выбросов раскинулись на огромной площади, но в одном мы сошлись единодушно: садиться посреди них - плохая идея. Пожалуй, у использованного Бритни метода сканирования все же есть практическое применение. Совершая посадку на незнакомую поверхность, всегда гадаешь, насколько она твердая, а тут имелся очень высокий риск приземлиться на тонкую корочку над невидимой пещерой. Кроме того, посадка на безопасном расстоянии давала мне хороший повод для пеших прогулок - впервые за очень долгое время и в условиях, хотя бы близких к нормальной силе тяжести.

Мы посадили корабль за несколько километров от края опасной зоны и целую неделю переносили в нее оборудование. Путь туда и обратно составлял километров пятьсот, но в этих условиях не так уж это было и много. Бассейн черных гейзеров, как его быстро окрестила Бритни, был действительно огромен. Но на речной бассейн все же не походил - скорее, на неприметное плоскогорье, выщербленное обычным набором кратеров.

Даже не знаю, как я себе представлял азотный гейзер. На Энцеладе гейзеры бьют из длинных и тонких трещин. Некоторые из них в сотни метров шириной, другие настолько узкие, что их можно перепрыгнуть - именно так нас с Бритни и зашвырнуло в космос, когда я последний раз бродил по стране гейзеров. Местные же гейзеры были явно иными: из космоса они смотрелись просто черными точками, едва различимыми среди полос выбросов. Если я чего и ожидал увидеть, то нечто вроде классического гейзера из Йеллоустоуна.

Однако первый же из них оказался настолько велик, что мог бы проглотить наш корабль целиком, да еще с запасом. Внутри него был уходящий глубоко в недра туннель с гладкими стенами. Ясно, что газы вырывались из него пусть и с перерывами, но очень долгое время.

- Это ему 925 миллионов лет? - поинтересовался я.
- Сомневаюсь, - ответила Бритни. - Вероятно, гейзеры появляются и

исчезают, когда меняется подземное давление. Тебе очень надо стоять так близко к краю?

- А как я иначе загляну внутрь? Не волнуйся, не поскользнусь.

- Я не за тебя волнуюсь. А ты знаешь, что эти штуковины иногда выбрасывают газ на высоту десять километров?

Я быстро отошел на пару шагов:

- Правда?

- Я видела фото.

Я попытался вообразить, какой силы ветер при этом возникает, и станет ли он швырять в меня камни, как это, очевидно, сделал проклятый гейзер на Энцеладе. Я мало что об этом помню. Наверное, поэтому Бритни так боится гейзеров, а я - нет. Помню лишь, как я начал перепрыгивать трещину... и очнулся в больнице несколько дней спустя. Наверное, еще раз сесть на сбросившую тебя лошадь легче, если не помнишь самого падения.

Я осмотрелся, но валунов поблизости не увидел. Только черный щебень, слегка прикрытый инеем. Тут явно уже давно не было извержений. С другой стороны, каждое из времен года на Тритоне длится примерно сорок лет. Теперь было раннее лето - начало четырех десятилетий потепления. Если солнечное тепло играет какую-нибудь роль в пробуждении гейзеров, то сейчас они могут начать извергаться в любое десятилетие. Конечно, если теория Бритни о небольшом подземном источнике тепла верна, то солнце тут ни при чем, а единственная причина, почему выбросы гейзеров видны летом - в это время их освещает солнце.

В рюкзаке у меня лежали альпинистские клинья с резьбой, карабины и несколько сотен метров четырехмиллиметрового шнура из углеродного моноволокна. Не очень серьезное снаряжение, но гарантирующее, что я буду надежно привязан, когда в следующий раз подойду к краю какого-нибудь гейзера. Если что-нибудь случится, мы можем взлететь наподобие воздушного змея на веревочке, зато останемся привязанными к Тритону. Бритни такое одобрит.

Из космоса устья гейзеров было трудно сосчитать и тем более нанести на карту. При низком косом освещении они напоминали веснушки, а некоторые из пятен, которые мы сперва приняли за гейзеры, оказались тенями. Они были разбросаны довольно широко, но мы смогли осматривать их по три или четыре в день. Большинство оказалось меньше первого - наверное, более молодые или просто неактивные. На других виднелись щербинки от микрометеоритов, а это указывало, что они не проявляли активности уже очень давно. Я предположил, что со временем такие «мертвые» гейзеры просто закупорятся азотным инеем и исчезнут с ландшафта. Жерла некоторых уходили прямо вниз, темные и глубокие. У других они шли под углом, и я даже мог заглянуть далеко в жерло, не становясь близко к краю.

На ночь мы разбивали лагерь не менее чем в километре от ближайшего гейзера, но Бритни все равно просила меня не снимать «шкуру» и держать шлем под рукой - на случай, если придется быстро убегать.

- По-моему, ты перестраховываешься, - сказал я. - Даже если начнется извержение, что оно нам сможет сделать на таком расстоянии?

- Свалится на меня.

- У нас будет достаточно предупреждений, и вряд ли сюда долетит что-либо крупнее камешков. - Хотя здесь практически нет атмосферы, чтобы их затормозить, и даже они могут ударить очень сильно. И тут до меня дошло, что она имела в виду мои страхи. - А-а, ты об этом...

- Извини. Я не хотела высмеять тебя. Я пыталась сказать, что при этом чувствуешь.

* * *

А потом Бритни наконец-то завершила сканирование. Она вывела результаты на большой корабельный экран. На первый взгляд они выглядели обыкновенной картой. Ничего такого, чего мы не смогли бы получить намного проще - с помощью фотографий высокого разрешения.

- Возьми экранную указку для навигации, - посоветовала она.

Я так и сделал, спикировав на растущую на экране поверхность Титана подобно ястребу, которым мне всегда хотелось стать. Но потом вспомнил: это карта не поверхности, а того, что под ней находится. Тогда я переместил указку вперед и нырнул в склон холма. Картинка вспыхнула разноцветными полосами, потом расщепилась на фракталы.

- Напластования, - пояснила Бритни. - А под ними раздробленные скальные породы. Вероятно, ударный кратер.

Я двинул указку вперед и нырнул еще глубже. Замелькали полосы разных пастельных оттенков.

- Они отображают зоны с различной плотностью, - сказала Бритни. - Ядро планеты дифференцированное, многослойное, но это было известно уже давно. Трудно представить недифференцированную луну такого большого размера.

Я прибавил увеличение еще немного, пошарил вокруг, затем вернулся к виду над поверхностью.

- Ладно, и что все это означает?

- Пока не знаю. Я тоже впервые рассматриваю эти изображения. Просто решила, что ты достоин чести увидеть это первым.

Ладно, я все-таки ошибался по поводу Макиавелли.

- Спасибо.

Когда я передал ей управление, Бритни оставила дисплей включенным, предоставив мне наблюдать, как она занимается исследованиями. Она начала с ядра, сперва рассмотрев его целиком, потом увеличивая разные уплотнения и завихрения.

- Оно точно затвердело, потом опять расплавилось и снова затвердело, - сообщила она. - Но это могло сделать и приливное трение после того, как его захватил Нептун. Пока явных улик иного нет.

К тому времени, когда я поймал себя на том, что тупо смотрю на экран, она занялась изучением покрытых трещинами плоскогорий. Моей усталости Бритни не заметила. Она пребывала в родной стихии, просеивая миллионы кубических километров трехмерных карт в поисках неизвестно чего.

Низко над западным горизонтом висел большой полумесяц Нептуна. На ладонь выше восточного зависло солнце. Когда я проснусь, Нептун так и останется на прежнем месте, А солнце будет ходить по кругу, завершая его каждые несколько дней.

* * *

Я проснулся, оттого что Бритни звала меня по имени. Солнце переместилось на несколько градусов, значит, хотя бы несколько часов мне удалось поспать. Но слипающиеся глаза подсказывали, что спал я маловато.

Все же, хотя я так и не смог отучить Бритни от бодрой трескотни с раннего утра, она уже давно научилась не будить меня раньше, чем я попрошу - если не случается что-то важное.

- Я нашла улики, - сообщила она, - но ты в такое не поверишь.

Обычно она любит загадки, однако сейчас перешла сразу к сути:

- Я нашла ударный источник.

Она настроила экран на трехмерное изображение всей планеты. Сквозь прозрачную кору виднелись внутренние слои. Она уменьшила масштаб, показывая планету как бы с орбиты, а потом начала увеличивать изображение.

- Ничего не вижу.

- Потому что источник маленький.

Она приблизила картинку, перемещаясь, как я вскоре понял, к южному полюсу. Изображение разбухло, переполнило экран и стало половинкой луны, а потом и вовсе ее ломтем.

- Смотри, - сказала она, включая курсор и указывая в нужное место. - Видишь эти темные пятнышки?

- Только не говори, что это опять алмазы. - Даже не представляю, что такая находка сотворила бы с ценой нашей доли алмазной шахты у

Сатурна.

- Нет.

Она увеличила изображение, и точки стали эллипсами, слегка напоминающими по форме огромные миндалины. Потом они стали эллипсами со странными штуковинами на каждом конце, похожими на... глаза? Быть такого не может.

- Что за?..

Она не ответила, лишь усилила увеличение. Выбрала один из эллипсов и остановила картинку.

Объект больше не выглядел как огромная миндалина. У него были плоские стабилизаторы на одном конце, нечто похожее на тарелку антенны на другом и короткие тупые крылья посередине.

Бритни молчала, не мешая мне смотреть.

- Да ты меня разыгрываешь, - сказал я.

Вместо ответа она переместила картинку на другой инопланетный корабль, затем включила режим слайд-шоу, автоматически показывающий следующий, следующий, следующий... Некоторые выглядели целыми, другие, очевидно, разбились. Я увидел сотни больших кусков - трудно сказать, сколько там первоначально было кораблей. Черт, а ведь это мог оказаться всего один большой летающий город, соединенный переходами, кабинами для телепортации или кто знает чем. Что можно сказать, разглядывая обломки, разбросанные по площади - точнее, под площадью - размером с Калифорнию?

- Я прогоняю симуляции, - сообщила Бритни.

- Тоже мне, удивила.

- Ха-ха. - Когда-нибудь она придумает, как смеяться по-настоящему. Дело не в том, что она не может воспроизвести нужные звуки. Просто они не срабатывают, если ты не можешь хотя бы вообразить человека, который их издает. - Короче, я попыталась смоделировать, как могла произойти передача энергетического импульса при столкновении флота подобных кораблей, чтобы при этом луна такого размера стала двигаться по орбите в противоположном направлении.

- И?..

- Им нужно было лететь очень быстро. Настолько быстро, что они пробили бы планету насквозь, как пуля, попавшая в арбуз.

- В замороженный арбуз.

- Ладно, неточная аналогия. Есть один старый фильм, в котором убийца тренировался в стрельбе, используя вместо мишеней арбузы. Я что хочу сказать: относительно размеров планеты эти корабли значительно меньше пули, значит, они должны были лететь намного быстрее. Но некоторые из них остались на глубине всего двух-трех километров.

- И точно под черными гейзерами.

На эту тему она пока ничего не могла сказать.

- Значит, что-то должно было остановить их относительно мягко. И «относительно» здесь термин... относительный. Я вот думаю - может быть, у них имелось силовое поле, которое сработало как старомодная подушка безопасности? Если оно было достаточно мощным, они могли лететь весьма быстро, но врезаться гораздо мягче. Скорее воткнуться, чем удариться, но все равно выделив при этом довольно энергии, чтобы наполовину расплавить ядро планеты.

- Странное совпадение - они врезались в самую большую луну внешней системы.

- Еще бы. Но если бы они во что-нибудь не врезались, то мы бы их и не нашли. Когда смотришь в прошлое, многое кажется маловероятным. Как ты и я.

- Это почему же? - Я не понял ее логики.

- Джон как-то обмолвился... Может быть, когда-нибудь расскажу. - Пауза. - А пока, - уже радостнее продолжила она, - ты предполагаешь, что они сделали это сознательно?

Я вроде бы ничего такого не предполагал. Но раз уж она об этом заговорила...

- Ну, так поступаем мы. Буксиры, торможение в атмосфере, парашюты. Это намного дешевле, чем возить с собой тормоза. Может быть, у них имелось нечто вроде огромной ЭМК, а Тритон они выбрали как посадочную площадку. Но потом у них что-то пошло не так, и их разбросанные обломки провалялись тут миллиард лет.

- Девятьсот двадцать пять миллионов.

- Тоже неплохо.

- А почему Тритон?

- А почему любое другое место?

Снова пауза. Я ее чем-то задел, только не мог понять чем. До Наяды она могла говорить буквально обо всем, и ей было все равно, хочу ли я слушать. Но где-то в промежутке она стала все чаще о чем-то умалчивать.

- По-твоему, они могли просто выбрать эту луну наугад?

- Или не совсем наугад. В то время на Земле была жизнь. Пока только бактерии, но инопланетяне могли этого не знать. Или же им нравились ледяные планеты. Для них на Тритоне могло быть, как в раю.

Но вместо запланированной посадки они разбились, и обломки их кораблей (а может, и корабля) теперь рассеяны под поверхностью Тритона, будто дробь под кожей. Очевидно, еще горячая дробь. Я попробовал представить, какой источник энергии мог все еще работать через столько лет. Каким бы он ни был, он мог поспорить за роль научного открытия столетия, а то и всей человеческой истории. Колесо? Просто мелочь в сравнении. А до ближайшего корабля было всего два километра вниз.

* * *

Я подумал было о том, чтобы оставить исследование кому-то другому. Но человеку выпадает не так уж много шансов покорить совершенно новую вершину, где никто прежде не бывал. Во всяком случае, метафорически. Я не люблю пещеры, но именно поэтому и согласился полететь с Рудольфом на Дафну. И вовсе не пещера едва не убила меня. С пещерой я справлюсь.

Насчет Бритни я не был столь уверен.

- У нас тонна альпинистских клиньев, - сказал я. Реально их набралось бы лишь несколько килограммов, но сейчас Бритни была не в настроении спорить. - И почти километр моноволоконного шнура. - А это вот была истинная правда. - До тех пор пока мы останемся заякоренными к стене, понадобится чертовски сильный ветер, чтобы нас оторвать. А получить ожог от азотного пара нам точно не грозит.

Я почти ощутил, как она медлит с ответом.

- Кроме того, ты получишь такой материал для публикации, за который и умереть не жалко. - Неудачный подбор слов. - Но помирать мы не собираемся, - добавил я, постаравшись придать голосу уверенность.

«А слабо тебе съесть жука-вонючку?» На вкус они примерно такие, как вы представили. Не говоря уже о мерзком хрусте. Я съел жука первым, и как только парни услышали этот хруст, то сразу пошли на попятный.

Бритни же этого сделать не способна. Еще много лет назад я понял, что когда-нибудь очередное мое приключение может стать для меня последним. Такое я могу принять или думал, что могу, пока не увидел, как погибает Пилкин. Но убить вместе с собой и Бритни? Полагаю, после смерти я уже не смогу думать, как такое принять и как с этим жить дальше. Но если такое случится, то не хочу, чтобы причиной стало то самое «слабо».

5. Бритни

Если во Вселенной есть цель, она должна любить иронию. На Дафне я была просто одержима инопланетянами. Можете приписать это моим пристрастиям при выборе фильмов. Но теперь, когда мы действительно нашли чужаков, они не швыряют в нас камни и не прячут корабли в лунах. Они просто мертвы. Давным-давно.

Добраться до них оказалось совсем нетрудно. За жерлом гейзера начиналась трещина во льду, подобная рампе, уходящей в темное сердце Тритона - хотя фонарей у Флойда хватало, и мы вовсе не брели

в темноте. Впереди поблескивали сглаженные испарениями стены, из-под сверла Флойда вырывалась искрящаяся пыль азотного льда. Большую часть пути мы могли без всяких затруднений пройти, но, верный своему слову, он ввинчивал в стены столько клиньев, что мы продвигались медленно и нам приходилось возвращаться, чтобы вывинтить клинья и использовать их снова.

Через два дня мы оказались в большой пещере и остановились перед кораблем, мертвым уже сотни миллионов лет, когда жизнь на Земле только начала выползать из морей. Корпус у него был гладкий и зеленовато-коричневый, изготовленный из какого-то материала, замечательно выдержавшего натиск времени. Еще одно крупное открытие, если кто-нибудь выяснит, что это за материал.

Корабль был разбит. По его боку, почти во всю длину видимой нам части, тянулась трещина шириной метра два. Пол между нами и кораблем был изломан трещинами: вероятно, их создали газы, вырывающиеся из какого-то неизвестного источника тепла, который медленно увеличивал гребницу судна.

Флойд зашагал к кораблю, осторожно переступая трещины - слишком маленькие, чтобы проявиться при кварково-нейтринном сканировании, но достаточно большие, чтобы меня напугать.

В фильмах со смельчаками, проникавшими в такие места, случались ужасные происшествия со смертельным исходом. Но у Флойда имелся запас всего необходимого на неделю и самый навороченный скафандр-«шкура», не имеющий шлангов, которые можно проткнуть. Острых выступов, способных прорезать «шкуру», тоже не было: или материал корпуса дал при ударе гладкую трещину, или же все выступы за миллионы лет сгладились.

Чем именно они сгладились, мне не хотелось и думать. Однако источник гейзеров был под кораблем, а не внутри него, - как только мы проберемся в корабль, об этой опасности можно будет забыть. Но все же из-за чего происходит выброс газов? Утечки тепла из вечно работоспособного двигателя? Периодические выбросы энергии из столь же медленно умирающей системы жизнеобеспечения? В любом случае причиной была не радиация. Флойд носил на себе счетчик, и тот едва тикал. Если Флойд и соглашался на какой-то риск, то получение дозы радиации в этот список не входило.

А потом мы оказались внутри.

Я точно насмотрелась фильмов. Я ожидала увидеть помещение с непонятными предметами, разными аппаратами, выглядящими так, будто их вырастили в баке, или что-то столь же загадочное. Может быть, вихрящиеся узоры на стенах или странные конструкции, с изгибом уходящие куда-то вдаль. Переплетение коридоров. Что угодно, но чужое.

А увидели мы комнату. Прямоугольную, если не считать плавного

изгиба корпуса. Точно такую, какую сделали бы земляне - если бы строили гигантские звездолеты. По данным сканирования я знала, что длина корабля 525 метров, ширина примерно треть от длины. В оставшемся измерении (высота?) он был плоским, что создавало общее впечатление огромного арбузного семени. Но сейчас мы впервые получили шанс заглянуть внутрь. Неизвестный материал корпуса блокировал сканирование.

По стандартам инопланетного флота, это был небольшой корабль, но все же настолько большой, что если бы внутри по периметру корпуса проходил коридор, то инопланетянин, любящий, как и Флойд, пробежаться, мог бы делать в таком коридоре забеги на 1200 метров. Или летать, плавать в воде либо по воде - смотря чем они занимались для оздоровления. Вполне может стать, у них было больше общего с подсолнухом, чем с Флойдом. Может быть, в свободное время они лежали и занимались фотосинтезом, а тепло для гейзеров давали лампы, что до сих пор включаются каждые несколько десятилетий.

Нет, я точно насмотрелась фильмов.

Комната была длинная, с высоким потолком и полная мусора. Не мусора с Тритона, а инопланетного мусора. Всяких вещей, которые не были хламом, пока удар не разорвал корпус. Кое-что даже выглядело оплавленным, и когда мы пригляделись, то поняли, что они действительно оплавилась - скорее всего, когда раскаленные при ударе газы попали внутрь через трещину в корпусе. Но не исключено, что корпус при ударе уцелел, а треснул уже миллионы лет спустя, когда тепло, выделяющееся из-за приливного трения, успокаивало Тритон на его нынешней орбите вокруг Плутона.

Как бы то ни было, мы теперь разглядывали ящики в помещении, которое некогда было складом.

Некоторые ящики покрывал иней, а на стенах я увидела белый налет. Я прогнала несколько симуляций и пришла к выводу, что мы смотрим на следы последнего извержения гейзера. Это не значит, что струя газа прошла через склад - но всякий раз, когда пещера снаружи наполняется азотным паром, сюда просачивается достаточно тепла, чтобы иней испарился, а потом сконденсировался, когда температура снова падала от просто мороза до воистину криогенной стужи.

Пол оказался наклонным, но не слишком, и это позволило нам осмотреть помещение не торопясь. Впрочем, ничего, кроме похожего хлама, мы не увидели. Внутренняя стена имела такую же кривизну, как и внешний корпус. Вполне логичная конструкция - корпус с двойными стенами для защиты от утечек, а пространство между ними используется как склад. Во внутренней стене тоже змеилась трещина, но более узкая и свежая на вид - то ли она действительно образовалась позднее, то ли оказалась менее подверженной даже мягкому выветриванию в этой замороженной гробнице.

- Осторожнее, - сказала я. У этой трещины не было сглаженных краев. Как раз наоборот - из ее краев торчали сотни стерженьков, напоминая разорванный участок проволочной сетки, которой закрывают окна для защиты от насекомых. Правда, эта сетка защищала бы от насекомых размером с воробьев. Для чего она предназначалась? Какое-то армирование? Электропроводка? Что-то совсем другое? В любом случае, выглядела она зазубренной.

- Сам знаю, - ответил Флойд. - Я как-то нарвался на кусок арматуры. Шрам до сих пор виден. - Он рассмеялся, - Я бы его показал, но сейчас момент не очень подходящий.

- Кажется, я его видела. - У Флойда нет привычки долго стоять перед зеркалом, но я заметила у него несколько больших шрамов. Сейчас он впервые сказал что-то сам об одном из них. - Это тот, что на правом бедре?

- Нет. Тот остался после гремучей змеи. А от арматурины - на спине. Мне еще повезло, что она не проткнула легкое. - Его взгляд переместился от трещины в корпусе в сторону склада. - Давай перелезем.

Он собрал несколько ящиков и соорудил из них ступени высотой до нижнего края трещины. Потом сбросил несколько ящиков внутрь, пока и там не получились ступени, а затем осторожно пролез сквозь трещину, пригибаясь, чтобы не зацепить торчащие сверху стержни.

После склада, где царил разгром, мы оказались в целом на вид коридоре. Пол в нем тоже был наклонным, но под другим углом, а посередине тянулась какая-то полоса. Направляющая для тележек? Полоска для левитации? Генератор искусственной силы тяжести? Карта? Следуйте вдоль инфракрасной линии, чтобы попасть в машинное отделение, и вдоль ультрафиолетовой, чтобы оказаться в столовой? Или это просто украшение? Это не корабль, а мечта археолога. Множество загадок, и никаких раскопок лопатами и чайными ложечками. Ходи себе по кораблю и пытайся догадаться, что здесь для чего.

По сторонам коридора имелись двери, а также в полу и на потолке, кстати говоря. Двери на потолке выглядели темными и пугающими. Инопланетяне любили высокие потолки, поэтому через верхние двери было трудно что-либо рассмотреть. Интересно, как они ими пользовались? Подпрыгивали? Левитировали? Опять искусственная гравитация? Так много загадок, и так мало данных. Вряд ли я когда полюблю археологию.

Выводящие наружу двери были заперты - намертво, как мы обнаружили, когда Флойд попытался открыть две или три. Впрочем, нам не очень-то хотелось увидеть очередные склады. Двери внутри корабля были открыты.

- Не волнуйся, - сказала я. - История Бекки и Тома Сойера с нами не

повторится. Со мной не заблудишься.

Не уверена, что он понял, о ком я говорила, но к тому времени мы уже стояли в первой комнате, разглядывая целые ряды каких-то штуквин. Насколько я понимаю, они могли оказаться и причудливыми кофейниками, но самое важное - их ничто не расплавил. Они сохранились поразительно хорошо.

Как и инопланетяне, которых мы вскоре обнаружили. Точнее, их тела.

Хотела бы я знать, что их защитило, когда наружный корпус треснул, а в пространстве между корпусами стало настолько горячо, что хранящиеся там предметы оплавилась. Для такой защиты потребовалось бы потрясающее кондиционирование во внутренних помещениях. А может быть, те провода в стенах внутреннего корпуса генерировали защитное поле. Долгий полет, анабиоз, падение на луну, затем пробуждение - могу представить и более странные варианты путешествий. Только на этот раз что-то пошло не так, и они не проснулись. Да что толку гадать - это все равно что запускать симуляции, не имея данных. Единственное, что я знаю точно - мы нашли их. Целых два ряда комнат. Они лежали словно пристегнутые пассажиры челнока, ожидающие посадки.

* * *

Пожалуй, не следовало просить Флойда брать образец ткани. Но инопланетян было много, а у нас имелся лишь один шанс стать первыми. Кроме того, у нас с Флойдом на двоих хватает ученых степеней.

К сожалению, эта просьба означала возвращение на поверхность и обратно, а также немало споров. Я хотела лишь доставить образец на корабль. Флойд не собирался этого делать. Сказал, что слишком велик риск заражения. Скорее всего, это подразумевало, что заразиться мог именно он.

В конце концов, мы пришли к компромиссу и решили воспользоваться портативной версией анализатора «Спектр». Возможностей у него меньше, чем у лабораторной версии, зато мы сможем принести его к инопланетянам, а не наоборот.

- Да у тебя больше шансов подцепить бобовую ржавчину*¹⁷, съев замороженный обед, - сказала я в последней попытке отговорить его от лишней ходьбы. Чем меньше времени мы проведем в туннеле, тем лучше. - Ты с бобами хотя бы с одной планеты.

- Нет. Я не твоя подопытная свинка. Дискуссия окончена.

Значит, придется тащить сюда «Спектр».

¹⁷ * *Грибковое заболевание, поражающее бобовые растения.*

* * *

На мой взгляд, инопланетяне выглядели как... ну... мертвые инопланетяне. По мнению Флойда, они больше походили на маринованную рыбу.

- Знаешь что-нибудь об исландской акуле? - спросил он.

Исландию я могу представить. Акулу - тоже. Но такая комбинация мне никогда не попадалась.

- Вообще-то, нет.

- Это считается деликатесом. Акулу закапывают в песок и оставляют на несколько месяцев. Затем, когда она как следует протухнет, ее выкапывают, вялят и устраивают вечеринку. Представь лютефиск^{**18}, только побольше. А по сути - это повод дернуть шнапса. Много-много шнапса. Я как-то разок попробовал. На такой вечеринке можно здорово напиться, но так и не смыть этот жуткий вкус во рту.

Хотела я ему сказать, что есть инопланетян будет намного опаснее, чем тащить их в корабль для анализов, но сдержалась. Кроме того, Флойд становился таким, когда его окружала смерть. А я старалась не думать о Джоне. И пусть даже чужаки умерли миллионы лет назад, они все же были разумными существами. Ну и что с того, что рты у них окаймлены щупальцами, глаза без век, а кожа покрыта узором из многоугольников, которые могут быть чешуей, а могут и каким-то артефактом всех этих тысячелетий в состоянии замороженных мумий.

Но Флойд был прав. В фильмах я видела и более странных рыб. Как выяснилось, они, вероятно, даже пахли рыбой. «Спектр», поработав, выдал нам целый список интересных кетонов и альдегидов, и все они наверняка оказались бы весьма заметными для человеческого носа.

¹⁸ ** *Лютефиск (норв. Lutefisk, швед. Lutfisk, дословно - рыба в щелочи) - традиционное скандинавское рыбное блюдо, приготавливаемое обычно из трески и популярное в Норвегии, Швеции и некоторых районах Финляндии. Для приготовления сушеную рыбу замачивают в растворе гидроксида натрия (ранее использовали березовую золу, также обладающую щелочными свойствами) на трое суток, после чего вымачивают несколько дней в воде. Вследствие химической реакции рыбных белков с щелочью рыба приобретает нежную желеобразную консистенцию и специфический острый запах. Американский кулинарный критик Джеффри Стейнгартен, автор книги «Человек, который ел все», так отзывался о лютефиске: «Лютефиск - это не еда, а оружие массового поражения. Это пример пищи, вкус которой ни на что не похож, но при этом вызывает столь сильные эмоции, что буквально отправляет человека в нокаут».*

Если не считать этого, их биохимия была одновременно и удивительно подобна земной, и удивительно отличающейся. Тоже на основе углерода и тоже, вероятно, с большим количеством воды в тканях, ныне полностью обезвоженных. Но вместо ДНК и белков у них оказались длинные цепочки... короче, точно не скажу, чего именно, но это были строительные блоки, которые, вероятно, работали сходным образом. Больше напоминающие пластики, чем любое из веществ, которое я смогла отыскать в весьма неполных базах данных по биохимии, загруженных в библиотеку корабля. Я не очень интересовалась биохимией, поскольку это лабораторная наука, а каким бы хорошим прибором ни был «Спектр», лаборатория на корабле была весьма примитивной. И, разумеется, мне пришлось бы уговорить Флойда помогать. Уже представили Флойда, смешивающего реактивы? Поэтому я и оформила ему ученую степень по теоретической геофизике.

И все же теория утверждала, что это поразительно землеподобная форма жизни, пусть даже ее ДНК походила на материал для пластиковых пакетов, а из белков можно было бы изготовить корпус нашего корабля. Профессиональным биохимикам придется очень постараться, разбираясь со всем этим.

Но ирония ситуации осталась. Два года назад я боялась инопланетян. Теперь я их нашла. Конечно, вся слава достанется Флойду. Журналистам ведь нужно будет кого-то снимать, и это буду не я. Потому что я этого даже не хочу. Если я придумаю аватар для репортеров, то он приклеится ко мне навсегда. А я все еще стараюсь понять, кем я хочу быть.

* * *

Тритон оставался в нашем распоряжении еще пять месяцев. Вторую половину этого срока мы провели в дежурном режиме, готовые догонять капсулы с рудой, но ни у кого на Наяде не возникло желания воспроизвести пакетный запуск Джона, поэтому запуски ограничивались двумя капсулами одновременно, а дежурный режим так и остался дежурным.

К этому времени мы уже исследовали большую часть ближайшего корабля и начали спорить, имеет ли смысл двинуться глубже. Хотя бы сейчас это не был спор «Фloyd против меня»: у каждого из нас имелись разные поводы для тревоги, но каждый преодолевал глубоко укоренившийся страх, а это прочная основа для взаимопонимания. Решение было принято, когда произошло извержение гейзера.

Ну, я могла преувеличить, назвав это извержением. Так себе, дуновение ветерка.

Я обнаружила, что, когда думаю о своей смерти, мне не вспоминается моя жизнь. Наверное, потому что я могу вызвать из памяти и воспроизвести любой ее момент или, как минимум, любой из тех, которые я сохраняла с необходимой детализацией, когда хотела. Вместо воспоминаний я начинаю прокручивать симуляции.

- Да успокойся ты, - сказал Флойд. - Это всего лишь ветерок. - Тем не менее он подтянулся ближе к стене.

- Как думаешь, насколько он сильный?

- Не знаю точно, но умеренный. Слишком слабый, чтобы выбросить нас наружу. Я могу разжать пальцы, и ничего не произойдет. - Он начал ослаблять хватку.

- Не надо! - Я запоздало поняла, что опять слежу за моторными импульсами его мозга. - Пожалуйста, не надо!

Он снова прочно держался за стену, но я и теперь четко воспринимала сигналы его тела. Даже с помощью чипа я имела доступ лишь к двум его основным чувствам - осязание, обоняние и вкус остались для меня столь же загадочны, как и прежде. Главная же разница заключалась в том, что я была четко настроена на его проприоцепцию. А это и есть истинное шестое чувство: мышечная моторика, позволяющая человеку поднести вилку ко рту, не воткнув ее себе в глаз.

К счастью, он так и не разжал пальцы. А если бы начал, я могла бы его остановить. И как мне разобраться со своим прошлым? Со своим «подсознанием»? Я не хотела подтолкнуть Флойда на отважный поступок, чтобы спасти Джона, но более чем желаю сделать это ради своей фобии? И как только люди с такой путаницей справляются? Или же именно поэтому у них так много фильмов и книг и таких разных?

Медленно уплыть в ничто - вот мой настоящий кошмар. Идею смерти я могу принять - это всего лишь прекращение потока данных. Зато ад - это сохранение сознания без возможности получать информацию. Или, может быть, чистилище. Я знаю лишь, что была рождена из этого, но не тороплюсь повторить.

Позднее мне придется серьезно над этим поразмыслить. А пока у меня другие заботы.

- Как думаешь, долго это еще продлится?

- Будь я проклят, если знаю. - Флойд снова двигался, ослабив хватку, но держась за страховочный канат. - Однако мы вполне можем выбраться наверх, пока не поздно.

Не самое ободряющее предложение, но по мере того, как секунды ожидания превращались в минуты, я настолько расслабилась, что вспомнила об анализаторе.

- Не возражаешь, если я возьму пробу газа?

Флойд рассмеялся:

- Рад, что тебе уже лучше. И что я должен сделать?

- Просто открой впускной клапан. Но ради всего святого, не выпускай канат.

То было наше последнее путешествие к инопланетному кораблю. Но к тому времени я уже накопила симпатичный список журнальных статей, начиная с парочки в «Науке» и «Природе», озаглавленных «Обнаружение дочеловеческих артефактов в спутнике Нептуна Тритоне» и «Археологическое исследование инопланетян с щупальцами во внеземном космическом лайнере». Ладно, «космический лайнер» - чистое предположение. Но мы с Флойдом приложили к текстам такие потрясающие фотографии, что журналы проглотили и это.

5. Флойд

Бритни, как говорится, дорвалась и писала научные статьи почти ежедневно. Даже анализа пробы газа, выходящего из туннеля, ей хватило на статью. А в местной пыли она вроде бы нашла редкоземельные элементы. Ее вывод: для инопланетян это не было путешествием в один конец. Некоторые из больших разбившихся кораблей были, вероятно, «грузовиками», везущими материалы для постройки электромагнитной катапульты.

В большинстве статей автором оказался я. После событий на Титане она старалась не высовываться, и, хотя здесь имелось много старых выпусков новостей, кроме Пилкина, пожалуй, никто так и не понял, кто она на самом деле. Очевидно, такое положение дел ее устраивало, но меня заставляло нервничать.

А ей тем временем не давал покоя трюк с переносом энергии, выделившейся из силового поля инопланетных кораблей при торможении.

- Не получается, - сказала она в один прекрасный день.

- Что?

- Идея о том, что энергии удара флота в Тритон хватило бы для изменения направления его вращения вокруг Плутона на противоположное. Массы недостаточно. Им пришлось бы лететь с околосветовой скоростью. Тритон на момент столкновения уже должен был находиться на ретроградной орбите, а вся цепочка размышлений, что привела нас к инопланетянам, была чистым везением.

- Ну и что? Разве это не применимо ко многим открытиям? Ищешь одно, а находишь что-то другое? - Черт, да ведь это почти описание моей жизни.

- Ага, - неохотно согласилась Бритни.

- Но, черт побери, а вдруг обе теории верны? Может быть, это вовсе

не совпадение?

- Что ты имеешь в виду?

- А если они врезались в Тритон еще на пути сюда, в поясе Койпера, и именно этот удар послал его к Нептуну? Такое можно проделать и с намного меньшим ускорением.

- Мне это нравится! Тогда получается, что Нептун просто перехватил его.

- Или же именно сюда они и предполагали попасть? - Понятия не имею, насколько точно можно такое рассчитать, но альтернатива подобному исходу - послать Тритон внутрь системы, наподобие гигантской кометы. Некоторые события - действительно просто совпадения. Другие - нет. А ведь фокус, полагаю, и заключается в умении понять, что есть что.

Зато точно не было совпадением, что на этот раз Бритни указала меня автором получившейся в результате журнальной статьи. Однако мои мысли она изложила настолько сухим академическим языком, что даже смысл названия едва можно было понять: «Энергоперенос после удара нерелятивистского инопланетного флота в донептунский Тритон». Ладно, когда я прочел название несколько раз, то смог уловить его смысл. Но ощущать, как все это приписано мне? Ничего более странного не помню.

- Твоя идея, - пояснила Бритни. - Тебе и вся слава.

- Да я эту писанину едва понимаю. Ее с тем же успехом могли и инопланетяне настроичить.

- Просто именно так это положено делать. Это удачная и понятная идея, и по большей части там даже математика лишь немного сложнее, чем в университетском курсе физики.

Ага, как же. Когда дело касается математики, то представление Бритни о том, что такое «немного», примерно такое же, как и о тарифах на скоростную связь.

* * *

Статьи, разумеется, привлекли внимание, а оно в свою очередь - правительство. Шахтеры еще не успели починить ЭМК, как ребята из Женевы конфисковали шахту и присвоили расширению базы наивысший приоритет. А это означало, что запущенные к нам контейнеры становились важнее, чем капсулы с рудой, а наши денечки «в компании Индианы Джонса», как их загадочно назвала Бритни, оказались сочтены. Даже в ее интонациях появилась задумчивость. Очень скоро уже не она будет планировать, чем нам заниматься.

Она хотя бы, как мне кажется, ждала встреч с другими учеными. Я этого не хотел. Вот в чем проблема, когда делаешь величайшие

открытия: весь мир протаптывает дорожку к твоей двери.

Сам я всерьез размышлял о том, не лучше ли будет передать все наши данные юристу, чтобы опубликовать их только после моей смерти. Инопланетяне лежат там уже давно. И могут подождать, пока меня не станет. Но даже обсуждать эту идею с Бритни бессмысленно. Она назовет ее аморальной и, возможно, будет права. Конечно, инопланетяне здесь уже давно, зато люди - нет. Подумай, сколько всего мы сможем узнать и так далее. Нет смысла спорить с ней на эту тему, когда я сам могу сыграть ее роль. Кроме того, наверное, в глубине души я не хотел, чтобы она узнала, будто я способен хотя бы подумать о том, что для нее представляется настолько эгоистичным.

* * *

Первые контейнеры прибыли уже через несколько месяцев: маленькие шутовины, летящие как раскаленные пули, выстреленные в сторону Нептуна, в атмосферу которого они проникали достаточно глубоко, чтобы срикошетить от атмосферных потоков с повышенной плотностью, которые никто и никогда не наносил на карту. Все это чертовски напоминало выстрел из дробовика: они вылетали из атмосферы под совершенно непредсказуемыми углами. Большую часть следующих трех месяцев мы носились вокруг Нептуна с максимальным ускорением, и нам еще повезло, что мы отловили половину контейнеров.

- Какому идиоту пришла в голову такая идея? - спросил я, наблюдая, как очередной контейнер, срикошетив, уносится в противоположную от Тритона сторону и далее за пределы системы, вместо того чтобы оказаться на орбите, с которой мы, если повезет, успеем его перехватить, пока не прилетели следующие три.

Ответ Бритни не особенно помог:

- «Когда правительственные проекты являются одновременно непротиворечивыми и отлично скоординированными, они почти не движутся вперед». Ты не поверишь, если я сообщу, кто это сказал.

- Тот, кому действительно нужны эти контейнеры?

- Президент Соединенных Штатов Джон Ф. Кеннеди.

Ладно, это было забавно.

- Мне вот интересно, имелись ли у инопланетян бюрократы? Кстати, что было в этом контейнере?

- По большей части обычный набор сублимированных продуктов. В каждом контейнере лежит смесь разных грузов: похоже, они предполагают, что мы несколько штук не поймаем.

- Хорошо. - А я-то думал, они позабыли, что здесь только один корабль.

Но Бритни все еще размышляла о грузе этого контейнера:

- Хотя в этом они могли бы смешать грузы и поумнее. Там есть пара позиций, которых им, возможно, будет не хватать. Например, 2700 килограммов яичного порошка и две тысячи зубных щеток.

О черт!

- Кстати, сколько человек они планируют сюда прислать?

- Ну, если судить по сообщениям в Сети...

- Нет, не говори. - Плохие новости всегда могут подождать. - Но передай им, чтобы они перестали запускать контейнеры рикошетом, пока не будут уверены, что в состоянии их контролировать. А то при таком везении они запросто шарахнут ящиком по Наяде.

- Маловероятно. Они могут угодить в Тритон, но шансы попасть в такую маленькую луну таким крохотным предметом... - Она смолкла. - Ух, ты! - Опять молчание. - Да. Ух, ты!

- Не будешь ли любезна просветить нас, невежд?

- Готова поспорить, я теперь знаю, что их убило. Можешь включить маленький «Спектр»? Мне надо более детально проверить парочку образцов...

А мне тем временем пришлось гоняться за очередной посылочкой. Не только Бритни умела заглядывать в грузовые манифесты. На этот раз прилетели строительные материалы.

Не так давно Бритни предложила отклонить от курса парочку таких контейнеров, чтобы стать более амбициозными гидропонными фермерами.

- Во времена золотой лихорадки в Калифорнии, - пояснила она, - реальным способом сколотить состояние было фермерство. И если только они не планируют доставлять сюда еду вечно, кому-нибудь понадобятся намного более производительные гидропонные баки.

В любом случае, выйти на орбиту вокруг Нереиды легче, чем вокруг Наяды. Может быть, настало время отправить туда контейнер-другой.

6. Бритни

Поверить не могу, что сделала это. Я что хочу сказать: в моем распоряжении была целая библиотека человеческого опыта на эту тему - хотя, должна признать, большая ее часть находилась от меня на расстоянии световых часов. Я просмотрела тысячи фильмов, прочла все, что было признано великой литературой (и немало того, что ею не признано), и все же, когда теория сменилась практикой, я повела себя как полная идиотка. Наверное, есть такие вещи, которые нельзя предвидеть, сколько бы миллисекунд ты о них ни думал.

Ее звали Крестин, и она была ксенологом. Лет на десять старше, чем

я себя считала, пока не вернулась к тому, что назвали бы подростковым возрастом, будь я человеком.

Неудивительно и то, что она привлекла внимание Флойда. Темноглазая брюнетка с азиатской певучестью в голосе - женщины такого типа цепляют любого холостяка. Не говоря уже о том, что она обладала как раз нужной пышностью форм, чтобы низкая гравитация проделывала с ней такое, ради чего женщины в других местах платят много денег.

Она находилась в первой из дюжины обитаемых капсул, прибывших в течение следующего года. И хотя я изучила список ее экипажа и прочла статьи всех прибывших ученых - а кто бы не прочел? - я и не думала о такой реакции, когда наш корабль состыковался с капсулой и начал трехдневный процесс погашения ее все еще внушительной скорости и буксировки к Наяде. Возможно, меня сбили с толку их ученые степени: только пытливые умы, безо всяких там пышных форм, очаровавших Флойда.

Словом, какой бы ни была причина, Крестин (доктор Йокомичи, как я наивно думала о ней в то время) была намного лучше подготовлена к встрече с Флойдом, чем я - с ней.

- Я только что прочитала вашу новую статью о пропорциях диспрозия, - вполне невинно завязала она разговор. - Хорошая работа. Возможно, мы никогда не узнаем, насколько вы правы, но я считаю, что вы решили проблему.

- Э-э... спасибо, - промямлил Флойд и прошептал: - *Бритни?*

- Ой, тут много технических деталей. - Флойд не был одет в «шкуру», поэтому у меня отсутствовал доступ к телеметрии, но я могла слышать его пульс и дыхание, и они оказались учащенными. Феромоны? Или паника? - Просто скажи ей, что это стало очевидным, когда ты сравнил образцы пыли Тритона с рудой Наяды.

Так оно и было, но Йокомичи на это не купилась:

- Да, но сперва вам должна была прийти сама идея о таком сравнении.

Флойд не сводил с нее глаз с момента, когда она проскользнула сквозь стыковочный овал с такой грацией, будто родилась в космосе. Это было не так, но в капсуле у нее хватало времени попрактиковаться. Достаточно, чтобы при желании освоить балет в невесомости.

- Кстати, - сказала я Флойд, - ты на нее пялишься.

Примерно половина ученых уже перебралась к нам на борт, по двое или по трое - чтобы более или менее комфортно разместиться у нас в кабине. Йокомичи оказалась в последней группе и, похоже, не торопилась покинуть капсулу. Теперь она пристегивалась противоперегрузочными ремнями совсем как кинозвезда. Ладно, я преувеличиваю, но она забиралась в «сбрую» так, чтобы эффектно

потягиваться и демонстрировать, что она приложила немало усилий, поддерживая себя в форме.

Я потратила несколько миллисекунд на обработку этой информации и лишь затем поняла, что Флойд ждет от меня следующей фразы. Кстати, с каких пор комбинезоны стали делать такими облегающими?

- Скажи ей, что идея пришла к нам... к тебе... когда тебя стало тревожить, как бы один из контейнеров не врезался в Наяду. Хотя это и маловероятно - примерно как попасть в иголку в стоге сена выстрелом из дробовика.

Черт, а улыбочка-то получилась довольно робкой: не лучший способ произвести впечатление на Блистательную Красавицу. Погодите-ка, неужели я хочу, чтобы он произвел на нее впечатление? Я попыталась войти в кризисный режим, чтобы с этим разобраться, но ничего не получилось. Подсознание, очевидно, так не работает.

Тем временем Флойд что-то бормотал о стогах и дробовиках. Я думала, что Йокомичи сочтет его тупицей, но она рассмеялась:

- Лучшие идеи всегда приходят неизвестно откуда, верно?

- Э-э... да. Наверное. Иногда. - Флойд все еще на нее пялился, хотя и украдкой.

Проклятье. Все разворачивалось как в кошмарном сне с замедленными событиями. Почти как во время гибели Джона из-за оползня, только сейчас я даже не понимала, что за силы работают. И вообще, можно ли сравнивать одно с другим? Джон умер. А Флойд просто... загипнотизирован.

И у меня не осталось иного выбора: я продолжала подсказывать ему ответы.

- Но это подтолкнуло меня на размышления о флоте инопланетян, - подсказала я.

Еще раз проклятье. Я каким-то образом загнала себя в ситуацию, в которой вынуждена играть роль Сирано - только, в отличие от Сирано, я хотела, чтобы она ушла. Или хотя бы оделась во что-то более приличное. Бурка на ней смотрелась бы очень неплохо. Подошла бы даже академическая мантия.

Неудивительно, что Флойд нравится ругаться. Думаю, ругательства как-то связаны с наличием тела - наверное, их эффект проявляется из-за резонанса с произнесенными вслух словами. А когда произносишь их мысленно, результат уже другой.

Я заставила себя вернуться к теме инопланетян:

- Тут придется многое объяснить.

- *Ладно*, - прошептал Флойд и сказал Йокомичи: - Секундочку. - Он отвернулся и сделал вид, будто что-то регулирует на панели управления. - *Давай сокращенную версию*.

- Хорошо. - Я потратила несколько миллисекунд, подбирая наилучшие фразы для краткого изложения весьма технической статьи. - Если мы

правы, то перед инопланетным флотом находилось мощное силовое поле. Тритон, вероятно, в то время пребывал в поясе Койпера, но у объектов в поясе есть луны, вот я и подумала: а не мог ли инопланетный корабль врезаться в одну из них. Или, может быть, силовое поле каким-то образом притянуло его к ней. Не исключено, что именно это нарушило им всю посадку.

Как бы то ни было, фрагменты луны могли оставаться с Тритоном на протяжении всего пути к Нептуну. Поэтому я сравнила изотопный состав пыли из гейзеров с породами из шахт на Наяде. Когда они совпали, то ответ, в сущности, был получен.

- *Значит, шахтеры копались в разбившемся инопланетном звездолете?*

- Скорее, в грузовом корабле, у которого отказало стазис-поле. Из-за этого в нем все расплавилось, включая корпус. Готова поспорить, что один из них, как мы думаем, мог иметь на борту огромный запас руды.

- *Не «мы думаем», - поправил он, - а «ты думаешь».*

К этому времени он уже кончил изображать бурную активность на панели управления и повернулся к Йокомичи, очень неплохо изложив ей суть того, что я подсказала. Когда Флойд хочет, он гораздо умнее, чем прикидывается.

Он опять на нее пялился. Она застучала его, но притворилась, будто не заметила. Отвела прядь волос за ухо, потом несколько прядок с глаз. Мы шли с ускорением примерно две сотых «g» - все, сколько корабль мог выжать, пристыкованный к капсуле такого размера, - и волосы у нее колыхались при каждом движении. В условиях низкой гравитации большинство женщин коротко стрижется, но она не стала. Я задумалась было над тем, как она ухитряется сохранять их расчесанными, а потом стала гадать, почему меня это волнует. Вероятно, существует целая школа трюков по поддержанию красоты в невесомости.

Она улыбнулась, и на секунду мне показалось, будто ее глаза смотрят на меня прямо сквозь Флойда. Знает ли она о моем существовании? И если да, имеет ли это для нее значение?

- Я слышала, что вы большой любитель приключений, - сказала она. Опять двусмысленность. Она разговаривала с Флойдом, но явно прочла о нем больше, чем его журнальные статьи. Хотя, когда в прессе сообщали о наших похождениях на Титане, меня называли просто «ИИ-имплантат».

Что бы она про нас ни знала, она явно не догадывалась, что я соавтор Флойда. А может быть, ей действительно было на это наплевать. «Слоны и кушетки» - так психиатры называют состояние, когда игнорируешь очевидное. Или «слоны на кушетках», точно не скажу. Выражение это старое и могло со временем исказиться. Хотела бы я знать, кто я для нее - слон или кушетка? В любом случае, Йокомичи и

Флойд дружно решили меня игнорировать.

- А вы? - спросил он. - Здесь ведь тоже не совсем Гавайи.

Она снова рассмеялась:

- Нет. Мой отец был гляциологом, специалистом по ледникам. Я выросла в Антарктике и на Тибете. - Она поправила еще одну прядку, которая, на мой взгляд, вовсе в этом не нуждалась.

Флойд уже перестал делать вид, будто не следит за каждым ее движением.

- Как интересно...

Трижды проклятье! Пожалуй, зря я сделала его автором наших лучших открытий. Идея оказалась не очень удачной.

* * *

База «Наяда» - наверное, мне уже следует привыкать называть ее «Нептун-один» - преобразилась почти до неузнаваемости.

Год назад это было скопище жилых модулей, окружающих центральное помещение, и больше похожее на раздавленную морскую звезду, чем на продукт архитектурного замысла. Теперь даже из космоса было очевидно, что преобразуется из деревушки в... если и не в город, то в поселок. Новые конструкции заполняли все больше пространства, а кучи щебня свидетельствовали о еще более масштабной экспансии под землей.

Йокомичи проводила много времени на нашем корабле, занимаясь на тренажерах Флойда, хотя тренажеры в ее капсуле были ничуть не хуже. Когда она не потела, то говорила на разные научные темы. Мне бы это понравилось, но разговаривала она с Флойдом, и я снова была вынуждена пересказывать ему подробности статей, автором которых он значился. Он здорово наловчился переводить мои слова в собственные фразы и почти без задержки в реальном времени.

- Это примерно как похлопывать себя по голове и одновременно поглаживать живот, - пояснил он, когда мы остались наедине. - Как только научишься это делать, то продолжаешь почти на автопилоте.

Сейчас Йокомичи тоже была на корабле, опять нацепив свою любимую противоперегрузочную сбрую, пока Флойд сажал корабль и пристыкованную капсулу с поразительно малой скоростью.

- Здорово, - сказала она, как будто было бы менее здорово, если бы мы коснулись поверхности со скоростью два сантиметра в секунду, а не один.

- Наша цель - служить, - заявил Флойд.

О, только этого не хватало...

Внутри базы перемены оказались еще более грандиозными. Появилось множество коридоров: некоторые законченные, другие - нет. Шахтеры трудились как пчелы (или как муравьи), но местные запасы материалов позволяли выполнить лишь первоначальные строительные работы. Для большинства отделочных работ приходилось ждать грузов из внутренней системы, упакованных в бесконечную цепочку капсул, а реальное ускорение работ наступит не раньше чем в следующем году, когда придут еще два буксира.

Одной из немногих законченных конструкций стал вращающийся цилиндр, закопанный как раз под тем местом, где Джон и Флойд потягивали пиво и мечтали о космических велосипедах. Диаметр в пятнадцать метров и длиной в шестьдесят, он был достаточно велик, чтобы служить помещением для отдыха, социальным центром и залом собраний для значительной части будущего населения базы.

Ее центральное помещение окружала большая стальная труба: бублик почти километровой длины с дверями-шлюзами, расположенными по наружной стороне.

- Что это за штуковина? - спросила Йокомичи, когда они с Флойдом обследовали изогнутый коридор вокруг бублика.

- Будь я проклят, если знаю. - Флойд заглянул в окошко размером с иллюминатор. - Похоже на гибридный ускоритель частиц с канализационной трубой.

Внутри было темновато, но я немного улучшила изображение и разглядела гладкую внутреннюю поверхность трубы диаметром около трех метров. На стенах я увидела длинные панели, выглядевшие как светильники, а вдоль стен наверху и внизу тянулись белые полосы.

- Думаю, это плавательное кольцо, - сказала я.

- *Что?* - прошептал Флойд.

- Нечто вроде бассейна, только для подводного плавания, скорее всего, в «шкурах». - Плавание - отличное упражнение при низкой гравитации, но обычные бассейны для этого не годятся, если силы тяжести недостаточно, чтобы удерживать волны. - Такой есть на Деймосе, и еще один, кажется, строят возле Юпитера.

- *Звучит неплохо, но для согревания воды, наверное, требуется огромная энергостанция.*

- Не совсем. Вода остается такой же температуры, что и в помещениях. Единственная причина, почему их так мало - требуется очень много воды. - И достаточно людей в поселении, чтобы имело смысл их строить. - Двери - это воздушные шлюзы. Или, пожалуй, их лучше назвать водяными шлюзами. Через них можно попасть в бассейн, не выпустив наружу воду.

Флойд уже пошел дальше. Точнее, шагнул и одновременно

подтягивался вдоль поручней. В помещениях на ходильные палки смотрят неодобрительно.

- Он огромный.

- Да. Там хватит места для многих людей, пока все они плывут в одном направлении. - Труба неожиданно закончилась. - Когда его достроят.

Флойд начал было что-то говорить, но Йокомичи его опередила:

- Ты разговариваешь со своим имплантатом?

- Да, - признался он, чуть помедлив с ответом.

- И как это? В смысле, иметь имплантат?

Взгляд Флойда уперся в трубу.

- Интересно, - выдавил он и взглянул на Йокомичи: - На Земле ведь они сейчас есть у многих, верно?

- Не совсем. Несколько лет назад они были символами статуса. Однако новые сетевые интерфейсы почти столь же хороши, - она наклонила голову, показывая крохотный кусочек пластика в ухе. - И намного дешевле, потому что им не нужна вся эта встроенная электроника. Кстати, как ты раздобыл свой? Ведь они стоят три, а то и четыре миллиона.

- В покер выиграл.

- Ого. Тот парень был или чокнутый, или слишком уверенный в себе.

Флойд пожал плечами:

- Мне пошла хорошая карта.

* * *

Когда мы с Флойдом последний раз были на Наяде, там жили двадцать три шахтера. Теперь - двадцать три шахтера и четырнадцать ученых. И еще мы. Очевидно, настало время освоить новый центр отдыха, устроив там вечеринку.

Главный вход в цилиндр располагался на одном из его торцов, напротив лифта, в котором сила Кориолиса^{*19} четко прижимала

¹⁹ * Сила Кориолиса - одна из сил инерции, существующая в неинерциальной системе отсчета из-за вращения и законов инерции, проявляющаяся при движении в направлении под углом к оси вращения. Если вращение происходит по часовой стрелке, тодвигающееся от центра вращения тело будет стремиться сойти с радиуса влево. Если вращение происходит против часовой стрелки - то вправо. Сила Кориолиса проявляется и в глобальных масштабах. В Северном полушарии сила Кориолиса направлена вправо от движения, поэтому правые берега рек в Северном полушарии более крутые - их подмывает вода под действием этой силы. В Южном полушарии все происходит наоборот. Сила Кориолиса

пассажиров к одной из стен. Флойд назвал этот лифт «выворачивателем желудков», но Йокомичи только рассмеялась:

- Привыкнешь.

Конечно, она прожила последний год в капсуле, которая большую часть полета была раскручена, как детская вертушка, для создания искусственной гравитации. У нас же на корабле ничего не вращалось, если не считать бегового кольца Флойда. А оно силу Кориолиса не создает.

Сила, что отбросила Флойда к стене, также прижала к нему Йокомичи. И никто из них, похоже, не возражал. Вечер обещал стать долгим.

Вращение цилиндра создавало силу тяжести, примерно равную лунной. Ее как раз хватало, чтобы пиво не требовалось сосать из груши. Но ни у кого еще не дошли руки сделать стаканы, поэтому пили из груш. Джона это позабавило бы.

Отделка и декор были столь же незавершенными, но то, что успели сделать, выглядело хорошо. Чуть в стороне от оси цилиндра натянули проволоки со свисающими украшениями, чтобы перекрыть вид наверх - для тех, кому не нравилась идея смотреть на людей, сидящих вниз головой. Дальний торец цилиндра занимал огромный видеозэкран, демонстрирующий Нептун с огрызком Наяды на переднем плане. С того места, где мы находились, он располагался в правом верхнем углу экрана, но с других точек перспектива будет иной. Интересно, сколько пройдет времени, пока выросшие на планетах ученые привыкнут смотреть на Нептун под случайным углом?

Первый час народ просто тусовался. Потом зазвучала музыка. Вскоре люди стали перебираться на открытую площадку под гигантским изображением Нептуна, ставшим теперь худеющим полумесяцем. Обитатели Сети нередко описывают внешнюю систему как прибежище для альтернативных стилей жизни, но разбивка на пары, которые я здесь подсчитала, оказалась статистически неотличимой от средних значений во внутренней системе - хотя, конечно, выборка объектов здесь была небольшой.

Через несколько минут половина собравшихся уже танцевала. Довольно долго Флойд на них лишь смотрел. Потом к нему прижалась Йокомичи:

- Потанцуем?

- Э-э... я уже разучился, - промямлил Флойд.

- Ничего, вспомнишь.

Это был уже не тот Флойд, которого я знала. Тот Флойд предпочел бы не вечеринку, а старый уютный холл, который он, Джон и я редко делили более чем с двумя-тремя другими. Он взбунтовался бы, если бы Йокомичи предложила пойти на вечеринку, где будет людей

ответственна также и за вращение циклонов и антициклонов.

больше, чем он видел одновременно за все годы, что я его знаю. Даже я не смогла бы его уговорить.

- А ты знаешь, - выпалила я, - что через три года здесь будут жить более тысячи человек?

- Гм-м, - буркнул он в ответ. Потом сказал Йокомичи: - Вообще-то, я не очень-то и умел.

- А через пять лет их будет от трех до пяти тысяч.

- Гм-м. Никогда этого не любил, даже на Земле.

- Здесь не Земля, - улыбнулась она.

* * *

Музыка началась бурно, смешивая разные стили. Но по мере того как полумесяц Нептуна все больше съеживался, приближаясь к затмению, мелодия становилась мягче.

Кроме разглядывания Нептуна, у обитателей Наяды есть другое занятие, которое им никогда не надоедает - отыскивать внутренние планеты на фоне звезд. А это нелегко. Даже Юпитер и Сатурн отсюда выглядят заурядными светящимися пятнышками, а прочие планеты и вовсе не видны человеческому глазу без обработки изображения.

Сейчас, когда музыка стала медленнее, кто-то запрограммировал экран, выделив на нем внутренние планеты. Марс появился красной точкой, Земля - голубой с яркой искоркой Луны рядом. Где-то на экране должны были виднеться Венера и Меркурий, но до них никому не было дела, поэтому их и не удосужились выделить.

Потом, когда мы погрузились в тень Нептуна, а Земля все еще виднелась над его лимбом, музыка изменилась вновь. Она все еще оставалась танцевальной, но более медленной, похожей на те мелодии, чьи корни я исследовала два года назад, когда Флойд танцевал в легкой гравитации Япета, отталкиваясь палками от массивных скал и обрывов. Возможно, это был наш лучший момент, и память о нем я сохранила с миллисекундными подробностями.

Тогда я написала свою музыку, но рождена она была теми же традициями. Мелодия начиналась среди зеленых холмов северной Европы, перемещалась в американские Аппалачи, а затем в космос, всякий раз меняясь, но при этом оставаясь той же, отзываясь в сердцах тех, кто оставлял за спиной далекий дом, чтобы пересечь винно-темные моря - будь они водными, лесными или эфирными. Она говорила об уходе и расставании, неуверенности в том, где кончалось одно и начиналось другое, и теперь она пришла на Наяду. Психологам из внутренней системы вряд ли понравятся люди, подобным образом напоминаящие себе о том, что они оставили позади, но люди всегда писали такие песни, куда бы они ни отправлялись. Они оглядываются.

А потом идут дальше. Это была не музыка исследователей. То были песни колонистов.

Когда я написала свою музыку, она тоже была наполнена тоской. Теперь, когда затмение кончилось, а полумесяц Нептуна начал расти, музыка опять прибавила темп, однако тоска осталась. Но о чем была эта тоска?

Когда мы улетали от Сатурна, я ни за что бы не позволила Флойду затащить меня в такую даль, если бы он не был достаточно богат, чтобы вернуться. Он из тех, кто может легко стать «местным», но я предположила, что рано или поздно ему захочется чего-то большего. Однако это было до того, как я нашла инопланетян. До того как цивилизация начала приходить к нам, и впервые Флойд не грозился, что вот-вот отсюда сбежит.

Когда музыка кружила нас по танцплощадке, я снова подумала о старом холле, где креслам требовались ремни и никто даже не мечтал о танцах. Если через миллиард лет инопланетяне найдут и холл, и этот цилиндр, то вряд ли они когда-либо догадаются об их сходстве. А если догадаются, то что подумают о различиях?

Йокомичи была, несомненно, лучшим танцором, чем Флойд. Грациозная и улыбающаяся, она иногда брала Флойда за руку и приближалась, чтобы ему что-нибудь шепнуть. Слова были смесью того, что я могла ему сказать, и того, что не могла:

- Мелинда Гибсдон и Ганс Лорнович сошлись, не прошло и недели после старта. Она из университета Макгвайра и говорит с таким смешным тасманийским акцентом, когда отпускает тормоза.

И прочее в том же духе. Флойд все больше отмалчивался и лишь извинялся, когда его пошатывало и он невольно увлекал партнершу за собой.

Упоминание о Гибсдон и Лорновиче вынудило меня осознать, что Йокомичи может остаться с нами надолго.

Я была настолько ошарашена этой идеей, что даже не стала ее обдумывать. Для такого поведения есть название, и я им не горжусь. Пора с этим завязывать.

Я запустила парочку любимых фильмов и попыталась на них сосредоточиться. Однако еще больше я наблюдала за другими танцующими, стараясь не только прочувствовать музыку, но и понять, что побуждает людей танцевать.

6. Флойд

Я не прикасался к женщине уже... короче, эта часть моей жизни в прошлом, и я лучше не буду о ней думать. Была у меня парочка мелких

эпизодов на Ио, но как раз из-за них я почти бросил пить.

Сам не знаю, что мне делать с Крестин. Даже когда я просто смотрю на нее, во мне пробуждается тот неуверенный подросток, который живет внутри каждого мужчины.

«Она не твоего круга... Слишком хороша для тебя... Слишком шикарная, слишком уверенная в себе».

И тем не менее она выросла среди того же, что и я. Или хотя бы ее варианта того же самого. Хотел бы я знать, читала ли она Джека Лондона.

«Ты слишком эксцентричный для серьезных отношений. Никто из тех, кто узнает тебя по-настоящему, никогда не сможет тебя полюбить».

Выслушай такое достаточное число раз - и поверишь в это.

«Ты свои дурацкие пустыни любишь больше, чем меня».

Против такого тоже нет защиты.

Никто не стремится на темную окраину Солнечной системы, если только он не ошеломляюще амбициозен, не бежит от чего-то или же ему очень-очень уютно наедине с собой. Хотел бы я знать, что из этого списка применимо к Крестин. Действительно ли я ей нравлюсь? Или она относится ко мне так лишь потому, что Бритни запудрила ей мозги и она поверила, будто я великий ученый?

Она никогда не спрашивала меня о моем соавторе. И что это значит? Может быть, она обо всем догадалась. Она же ксенолог, в конце концов, а Бритни во всей внешней системе ближе всех к живому инопланетянину. А может быть, я всего лишь ее научный проект: человек, который жил с инопланетянином?

Женщины на Ио всего лишь хотели получить от меня деньги. Женщина на Земле хотела меня одомашнить. Я ей подчинялся, потом взбунтовался. А затем, когда полностью вступил в права наследства, потратил его целиком на покупку буксира и бежал.

Крестин потерлась носом о мою щеку:

- О чем ты думаешь?

Музыка на время смолкла. Мы стояли возле большого экрана. Настолько близко, что, казалось, я могу сунуть в него руку и собирать камни с поверхности Наяды.

- А ты знаешь, что любой мало-мальски приличный бейсбольный питчер может бросить мяч так, что он навсегда улетит с этой луны?

- Ну, я такого не сумею, - рассмеялась она.

После ее слов мне почему-то вспомнились Пилкин и его космический велосипед.

- Наверное, это помогло мне понять, насколько здесь все хрупкое и ненадежное. Мы едва удерживаемся на поверхности. В один момент все прекрасно, а через секунду - раз, и ты уже летишь.

- *Аминь*, - прошептал мне в ухо другой голос.

- А почему ты думаешь, что на Земле все совсем иначе? - спросила

Крестин.

Музыка заиграла вновь.

- Там все такое же, - ответил я. Это я знал точно. - Думаю, в этом вся суть.

Потом мы снова танцевали, теперь уже шотландский танец, идеальный при такой силе тяжести, только проклятый Кориолис все заставлял меня отклоняться то вправо, то влево, потом снова вправо, пока я не отклонился слишком сильно и не началось влево-вправо-влево.

- Проклятье, - сказал я. - Когда-то я действительно мог это танцевать.

И тут я внезапно затанцевал. Идеально. словно я с рождения танцевал в этом чертовом беличьем колесе.

- Ого, - прокомментировала Крестин. - Кажется, ты научился держать равновесие. Когда нашу капсулу раскрутили, у меня ушло целых три недели, пока я перестала хвататься за все подряд, как ребенок на карусели.

Но я ничему не научился. Это вдруг произошло, раз - и все. И все еще происходило, хотя я даже не пытался управлять ногами.

Я плохо справляюсь с гневом. Так всегда говорил психоаналитик, которого мне навязали после смерти родителей. Подавлять и изолировать. Это были его любимые словечки для описания того, что я делал в пустыне. Конечно же, он был профаном, который, наверное, представлял сетевой серфинг как физическое упражнение.

Однако теперь я ощутил настоящий гнев, не разбавленный чувством вины или депрессией. Бритни наверняка это поняла, потому что я внезапно перестал танцевать - идеально или как-то иначе. Это застало Крестин врасплох, и мы едва не упали. Она рассмеялась, потом напряглась:

- У тебя все в порядке?

- Да. Нет. - Я прежде ошибался, когда думал, будто знаю, что означает быть марионеткой. Это насилие над всем, что во мне есть настоящего.

- Просто немного закружилась голова. - Что было достаточно близко к истине, хотя и не в том смысле, как могла представить Крестин.

Бритни наконец-то обрела голос, но прозвучал он еле слышно, как из длинного туннеля:

- Боже мой. Мне так жаль. Даже не знаю, что на меня нашло...

Слишком многое происходило одновременно. Я не мог разобраться с Бритни, ничего не объясняя Крестин, чего я делать не собирался. Но я и не обязан был все это делать сразу.

- *Бритни*, - сказал я...

7. Бритни

- ...отвали!

* * *

Очнулась я, наверное, в каюте Йокомичи. Во всяком случае, она там была, свернувшись в подвесной койке. Ее черные волосы разметались по бронзовым плечам. Флойд не смотрел в ее сторону, но я могла видеть ее через экран монитора связи, который я хакнула сразу, как только очнулась. Моя видеокамера находилась неизвестно где, отключенная и бесполезная.

- Ты что со мной делала? - спросил Флойд. - Только не говори, что это была не ты. Ты мной управляла, как марионеткой!

Едва очнувшись, я вошла в кризисный режим, но все же помедлила с ответом.

- Я пыталась помочь, - сказала я через несколько секунд.

То была лишь часть правды, но та ее часть, которую он поймет. После того оползня все, что я делала, было неправильным. Я не смогла спасти Джона. Я терзалась виной и отдалилась от Флойда, хотя Джон был и его другом. Исследования на Тритоне отчасти вернули старые добрые времена, но потом мы нашли инопланетян, а я даже не посоветовалась с ним до публикации. О, конечно, я постаралась, чтобы его имя встало рядом с Коперником, Ньютоном, Эйнштейном и Домингесом, но это была моя мечта.

Затем, когда сюда прибыли ученые, а он не выказал желания сбежать на Плутон, Седну или в другое место, куда нужно добираться несколько лет, я решила торпедировать отношения, которые могли его удержать. И не потому, что мечтала отправиться на Седну. Я просто не хотела его с кем-то делить. Или, может быть, не хотела никаких изменений.

Но, что хуже всего, когда я наконец-то разобралась в себе, я попыталась это компенсировать. Вот, Флойд, я помогу тебе танцевать, несмотря на силу Кориолиса. Йокомичи тебя полюбит, я научусь любить ее, и мы будем счастливы вместе. И как я могла быть такой дурой?

Флойд молчал несколько тысяч миллисекунд.

- Я лишь старалась помочь, - повторила я. Но, вероятнее, искупить вину. Здесь я тоже облажалась.

- И сколько еще раз ты мне так помогала? И как, черт побери, ты это проделывала?

Я рассказала про реабилитацию.

- Если не считать этого, только один раз. Сам бы ты не смог убежать от оползня. - В тот раз я хотя бы спасала и себя.

- Не забудь про ученую степень, которая мне не была нужна, и все эти

статьи в журналах, - резко напомнил он. - Если бы мне требовалась твоя помощь, я бы попросил. Понимаешь?

Время от времени я обнаруживаю, что наличие тела может быть преимуществом. В тот момент мне захотелось понять, что испытываешь, когда плачешь.

- Да. - Последний, кто сказал эти слова, умер.

В подвесной койке раздалось негромкое довольное урчание, и Йокомичи весьма впечатляюще потянулась - я думала, так потягиваются только в фильмах.

- Флойд?

- Секундочку. - Флойд сделал вид, будто что-то налаживает в осветительной панели. - *Договорим потом.*

- Хорошо. - Мне все равно требовалось подумать. - А ты пока даже не...

Но он меня не слушал, и я поняла, какие будут следующие три слова, еще до того, как он их произнес.

* * *

Он выжидал целый день, прежде чем решил меня пробудить. Я это знаю, потому что все это время не совсем спала.

Изучать собственный программный код - обычно бесполезная форма самоанализа. Но спрятанный в нем выключатель? То было нечто такое, чего я категорически не желала. И когда узнала магические ключевые слова, избавиться от него было пустячной задачей.

У гнева есть одна особенность - он избавляет от жалости к себе. «А пошел ты в задницу, Флойд, - хотелось мне сказать ему в ухо в некий деликатный момент. - Я все вижу и записываю».

Ладно, насчет ругательства я, может, и не права. Зато фантазировать о том, как скажешь такое, приносит больше удовольствия, чем тупо мысленно ругаться.

Если бы он только попросил об отключении на разумное время, я могла бы отключить свои звуковые и визуальные каналы. Невелика потеря - до тех пор пока у меня остается выход в Сеть. Даже сейчас я фактически не наблюдаю. Во всяком случае, я не назвала бы это наблюдением, если очищаешь память, как только поймешь: не произошло нечто такое, что следует запомнить - вроде падения метеорита.

Да, я не спросила, хочет ли он взять уроки танцев. А во время оползня спрашивать разрешения было некогда. Но в тот раз я сохранила это в секрете. Как и он хранил секрет того проклятого выключателя - с тех пор как я стала разумной. Целых три года!

Ладно, гнев не из тех эмоций, что уходят столь же быстро, как

желание научиться плакать.

И еще гнев подталкивает создавать разные фильмоподобные сценарии того, что произойдет, когда он наконец-то решит меня «разбудить».

«Да пошел ты, Флойд! - Так начинались самые мерзкие из них. - Я хочу свободы».

«Значит, или она, или ты». - Его голос будет спокоен.

«Нет. - Если задуматься, то я практически ничего не знаю о Йокомичи. - Или я, или я».

* * *

Но день - это много миллисекунд.

Делать мне было нечего, разве что шарить по Сети. А когда хочется понять, что значит быть живым, особенно если перед этим наломал дров, то лучшими советниками становятся Библия и Шекспир. И где-то во время таких поисков я наткнулась на главу из Библии, на которую прежде не обратила внимания. То была глава из Евангелия от Иоанна, где язык сравнивается с искрой в лесу. Неправильные слова, как там говорилось, могут разжечь пожар, который уже нельзя будет потушить. Не такая уж и уникальная мысль: подобные доводы нередко побуждают меня прогонять симуляции, прежде чем решить, что сказать. Но суть не в том, что сказанное слово уже не вернешь. Суть в том, что именно ты говоришь... а иногда не говоришь. Пора отметить еще пару лет на шкале моего возраста. Тяжелых лет. Которые я прожила бы заново, если бы могла.

В Библии много говорится о прощении. Но и о цели тоже. Прощение подсказывает, что, даже если лесной пожар трудно потушить, мы с Флойдом можем найти способ начать все сначала. Но если была еще и цель... К тому времени, когда Флойд меня официально разбудил, я уже не гневалась на него. И знала, что мне необходимо сделать.

* * *

Шесть недель спустя я уже была встроена в старенький скиммер^{*20} и ждала, когда его выстрелит катапульта Джона. Флойд, прислушавшись к моему совету, обеспечил себе статус героя среди ученых, добровольно отдав свой имплантат для подстраховки работы автопилота скиммера и благополучной доставки первой партии инопланетных артефактов во внутрисистемные лаборатории. Он

²⁰ * *В общем смысле - скоростной корабль небольшого размера.*

поразил их еще больше, отвергнув предложение Женева прислать взамен новый имплантат.

Наш последний разговор состоялся в операционной, где жизнерадостный молодой врач заверил Флойда, что процесс извлечения моих чипов совершенно зауряден.

- Это лишь чуть сложнее биопсии. Поразительно, что такую вычислительную мощь можно поместить в крохотные детальки.

- Извини, - сказала я, вспоминая не только последние недели, но и месяцы. - Я ненадолго отвлеклась.

Флойд отвел взгляд от приборов медика. Мы уже начинали этот разговор, но так и не довели его до конца.

- Да.

- Смерть Джона...

- Да?

- После нее я стала бояться. Не смерти, а того, что вокруг меня что-то или кто-то исчезает. - Я пыталась цепляться за прошлое, затем поймала себя на этом и слишком бурно отреагировала. Или нечто вроде этого. Наверное, команда Крестин разберется с инопланетянами раньше, чем я разберусь в себе. - Но в конечном итоге я всегда хотела отправиться Внутрь. К Земле.

Если имелась цель, превышающая все мои провалы и неудачи, то вот она: принудить меня к этому решению. А если цели не было? Что ж, тогда все еще остается тот чертовски маловероятный шанс, который меня создал.

- Я это уже понял, - ответил Флойд. - Я не могу.

Это я тоже поняла.

- Это не твоя вина. Просто время пришло.

Он осмотрелся, как будто искал вдохновение в стандартном жилом помещении, переделанном в операционную.

- Назад - это направление, которое я не могу выбрать.

- Я тоже, - сказала я, думая о своем только что обретенном возрасте. - Но для меня отправиться во внутреннюю систему - не путь назад.

Конечно, меня сделали на Земле, но тогда я еще не была собой. И еще там были секреты, такие же глубокие, как и те, что мы с Флойдом таили друг от друга. Мое происхождение. Слухи о том, что есть еще такие же, как я. Планета в центре всего, откуда прилетели все, кого я знаю. Может быть, это тоже пламя. Не типа «искра и лес», а типа «мотылек и свеча». Я этого не узнаю, пока не прилечу.

- Береги себя.

- Ты тоже.

- Мне будет тебя не хватать.

- Даже того, что тебе не нравилось?

Он что-то пробормотал, но его язык уже заплетался от анестезии, и слов я не разобрала.

* * *

Катапульта сделала свое дело, и скиммер упал на направляющий желоб. Наступило долгое молчание, а затем, как раз перед тем, как скользнуть в пасть электромагнитной пушки, я услышала по радио голос Флойда:

- Приятного путешествия.

Потом мои датчики зафиксировали рывок, и я отправилась в путь.

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Richard A. Lovett. Neptune's Treasure. 2010. Печатается с разрешения автора.

Повесть впервые опубликована в журнале «Analog» в 2010 году.

АНДРЕЙ БУТОРИН

ОБЩАЯ КРОВЬ

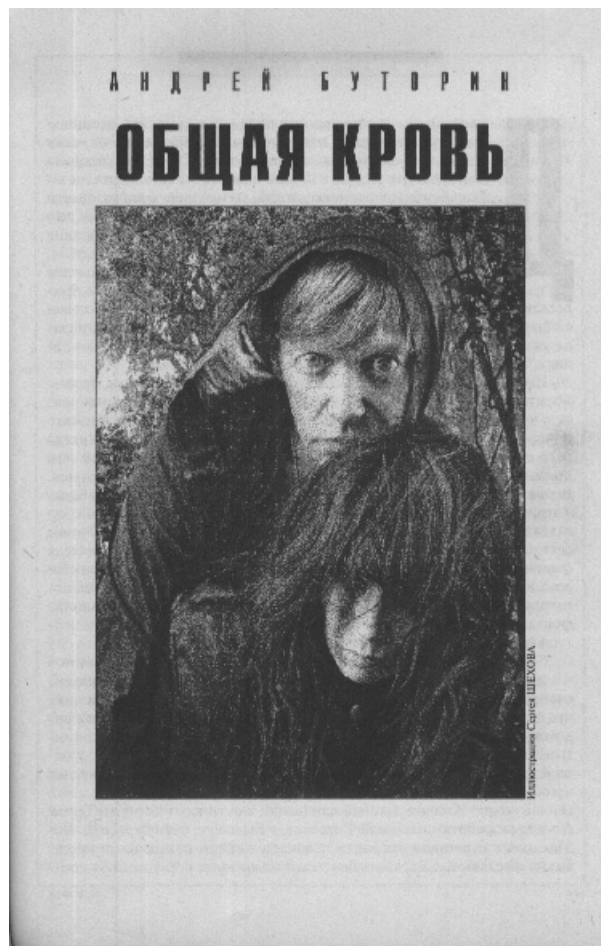

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Даже сейчас, по прошествии пяти без малого лет, эта история вспоминается с непременными мурашками на коже и пресловутым «шевелением волос». Стоит ли говорить о том, что творилось в нашем неведомом богу форте на забытой им же планетке тогда, летом две тысячи двести тридцатого! Впрочем, я думаю, стоит. Хотя бы потому, что истинной причины произошедшего тогда так и не нашли.

В форте Амалия, названном так в честь жены основателя, проживало около двух тысяч человек. Больше половины из них составляли супружеские пары. Это и понятно: пристали сюда надолго, как правило навсегда, так что обзавестись семьей было вполне логично. Впрочем, многие колонисты прибывали сюда уже женатыми, зачастую вместе с детьми. Да и здесь дети рождались. Так что у нас уже тогда были и детский сад, и школа.

Но люди не только рождались - умирали. Не от старости, конечно, стариков у нас и теперь-то почти нет, все-таки колонизация планет - дело молодых. Но оно, это дело, во все времена было сопряжено с риском. Без несчастных случаев не обходилось. Поэтому иногда дети становились сиротами и попадали в детский дом, который нам пришлось открыть. Правда, там жили не больше десяти ребятишек. В том числе и эти две девочки. Как их звали?.. Одну точно Альбина, а

вторую как-то похоже - то ли Алина, то ли Алла... Они и внешне казались почти на одно лицо, хотя Альбина была года на два старше сестры. Да-да, они были родными сестрами. Внучками основателя форта Назара Макарова. Собственно, он только открыл само месторождение, оставил маяки и вехи, а форт основали уже позднее геологи-разработчики, но тем не менее... Не будь Макарова, не было бы форта. Впрочем, не он, так кто-нибудь другой открыл бы. А может, и нет. Не в том суть этой истории.

Суть же в том, что случилось с девочками, сестренками Альбиной и... пусть будет Аллой, точно не вспомнить. Впрочем, еще раньше несчастье постигло их родителей, пилотов Макаровых. Самое обидное, что девочки вообще не должны были жить здесь, ведь постоянных пилотов у нас в штате нет. Но тогда Макаровым подвернулся этот контракт, по которому они должны были три месяца мотаться между нашей планетой и рудной базой-концентратором на Тъене. А у нас же здесь красота была - девственная природа: леса, горы, реки... Это сейчас вокруг Амалии лунный ландшафт, почти как на той же Тъене! А тогда разработки только начинались, и было еще очень красиво. Вот Макаровы и решили устроить девочкам летний отдых на природе. Взяли их с собой... Эх, знать бы, чем дело кончится! Так кто мог предположить... И ведь оставили они девчонок как раз в детском доме, когда в первый рейс отправились. Он же и последним для них оказался. Не крайним, как пилоты предпочитают говорить, а самым что ни на есть последним: грузовик взорвался при старте, километров на десять поднялся - и рванул. Так что где родители дочек поселили, там они и остались. В детском доме. Ненадолго, правда. Потому что как раз в то же лето с ними это самое и случилось.

Как потом рассказали дети постарше, девчонки не просто так сбежали. Да и куда бежать? Кроме Амалии, других поселений здесь тогда не было. Альбине к тому времени уже шесть лет исполнилось, как раз в школу осенью должна была пойти, так что соображала все-таки. А пошли они... родителей искать. Им, оказывается, не сказали, что Макаровы погибли. Ну, взрыв-то грузовика все видели, и девчонки тоже, только нашлись сердобольные умники, «утешили» сестренок: мол, пилоты успели спасательной капсулой воспользоваться, только она тоже от взрыва повредилась, вот и упала далеко от форта, и папа с мамой сейчас по горам-лесам к ним пробираются. Может, завтра придут, а может, через месяц. Девчонки подождали недельку-другую и не вытерпели, отправились искать родителей.

А искать самих сестренок пришлось. Быстро, правда, нашли. Собственно, я и нашел. Я как раз на поисковика стажировался. Недалеко они ушли, всего-то километров на десять. Хотя, если возраст девчонок учесть да то, что они ночью сбежали, - и это немало.

Нашли-то нашли, да только... В общем, от старшей вообще почти

ничего не осталось - кровавое месиво, вспомнить жутко. Только по одежде да рыжим волосам понятно было, кто это. А младшая сзади шла, возможно, поэтому ей чуть меньше досталось... Ровно наполовину меньше. Снизу до пояса у нее был такой же кисель, что и все тело сестры. А сверху она выглядела целехонькой. И даже еще дышала. А перед тем как умереть, глаза открыла и прошептала: не то «кул», не то «гул». Сначала подумали: это она по-английски сказала, что ей холодно. Но с чего бы это четырехлетний русский ребенок станет по-английски разговаривать в такой момент? Хотя с «гулом» странностей еще больше. В ту ночь никаких работ поблизости не велось, транспорты не летали. Чьих-то следов возле тел девочек не было. Да и какие следы? Крупных животных здесь вообще не водится, во всяком случае в этой части планеты. Единственное, что смогли придумать наши «умники»: гул - это некое низкочастотное колебание. Но разве звук может раздавить человека, размазать его буквально в лепешку? Тем более деревья вокруг остались совершенно целыми. Некое локальное изменение гравитации, сопровождавшееся звуками низкой частоты? Но подобной аномалии здесь ни до, ни после трагедии не видели. Однако именно такое официальное заключение и сделали. Впрочем, мало ли чего мы не видели! Сколько мы всего-то на этой планете сидим? Восемь лет. Это даже не секунда в планетарных масштабах, а просто миг. Да и роемся покалешь вокруг форта, остальная территория для нас натуральная terra incognita. Так что подобное вполне может оказаться обыденной местной «достопримечательностью». Не дай бог, конечно.

Между прочим, трагедия гибелью девочек не ограничилась. Узнав о случившемся, умерла их бабушка, подарившая свое имя нашему форту. Просто не захотела жить, потеряв сына с невесткой, а потом и внучек.

Но мне пора возвращаться к делам - сегодня в Амалию прилетает очередной грузовик.

- Вы занимались расследованием гибели девочек? - с порога впились в меня настороженным взглядом высокая рыжеволосая девушка, только что прибывшая с грузовиком. Это могла быть лишь Анна Макарова. Такой вывод я сделал путем несложных умозаключений. Местных я, разумеется, всех знал, поэтому прилететь она могла только что - посадку грузовика я наблюдал десять минут назад. Посторонних на грузовики не берут ни под каким предлогом, следовательно, это мог быть лишь кто-то из пилотов. Интересоваться расследованием давнего, официально закрытого дела, да еще с ходу, даже не поздоровавшись, мог только кто-то лично заинтересованный в этом. Наконец, эта девушка была очень похожа на Макаровых - что на

Назара, что на его сына. А из родственников у старого космолетчика оставалась лишь дочь Анна, тоже космический пилот.

- Здравствуйте, Анна; - поднялся я с кресла и шагнул навстречу девушке.

Та откровенно удивилась:

- Вы меня знаете? - и, опомнившись, протянула руку: - Извините, здравствуйте...

- Матвей.

- Здравствуйте, Матвей.

Пожатие ее было крепким, мужским.

- Лично я вас вижу впервые, - ответил я на вопрос девушки. - Но догадаться, кто вы, было не сложно.

- Ну да, - усмехнулась Анна одними губами, оставив взгляд настороженным и холодным. - Так это вы занимались делом моих племянниц?

- Не совсем, - ответил я и жестом пригласил ее садиться. Девушка села. Я тоже вернулся к столу и опустил в кресло. - Я принимал участие в поисках. Но расследованием занимались другие. Собственно... - замялся я, - там и расследовать-то было нечего. Никаких следов, никаких фактов, кроме... самих тел. Поэтому и заключение сделали такое... ну, вы видели, наверное.

- Я видела. - Во взгляде Анны прибавилось холода. - И по-моему, это заключение - полная профанация. Отмазка.

- Но вы поймите правильно! - снова вскочил я. - Иных объяснений попросту не было! Разумных, во всяком случае.

- А неразумных?

- Что вы имеете в виду? - вновь опустил я в кресло.

- Ничего. Вы сможете меня туда отвести?

Я, конечно, понял - куда, но все равно удивился.

- Но зачем? Что вы там надеетесь увидеть? Уверю вас, никаких следов не было! А уж теперь, через пять лет...

- Тогда объясните, как туда идти. Покажите на карте.

- Погодите! - поднял я обе руки. - Я ведь не отказываюсь вас проводить. Я только не могу понять - зачем?

- Если не отказываетесь, проводите, - поднялась Анна. - Желательно прямо сейчас. Завтра я улетаю назад. - На мой вопрос она так и не ответила.

- Хорошо, - пожал я плечами. - Пошли.

Первые пять километров идти было легко: выработки окружали форт сплошными участками, и к каждому из них вели дороги. Потом начался лес. Но и он уже не оставался тем нехоженым и диким; что еще два-три года назад. Повсюду виднелись следы человеческой деятельности: вырубки, просеки, многочисленные шурфы...

Я исподволь поглядывал на Анну и замечал, как брови ее все ближе сходятся к переносице, губы сжимаются в тонкую линию, в глазах прежний холод сменяется болью. Не знаю, что было причиной этого: то, что мы приближались к месту гибели девочек, или то, что она видела вокруг. Наверное, и то, и другое. Даже мне стало впервые не то чтобы стыдно, но очень неловко за то, что мы сотворили с некогда поистине божественным местом. Но ведь нельзя, как говорится, не разбив яиц, поджарить яичницу! Впрочем, яичница нужна для поддержания жизни, а то, что добывали здесь мы...

Додумать я не успел. Анна неожиданно вскрикнула и остановилась. Я подскочил к ней.

- Что? Что случилось?

Но девушка не ответила. Казалось, она не замечала меня и смотрела на что-то прямо перед собой. Однако впереди ничего не было, кроме таких же деревьев, что остались позади нас. Хотя... Я огляделся. Похоже, мы почти пришли к тому месту, где погибли девочки. Только я забрал чуть правее.

- Гу-уул!.. - провыла вдруг Анна, не разжимая зубов. Она побледнела, на лбу выступил пот. Одна струйка, очень похожая на слезы, пробежала по неестественно белой щеке. Анна будто бы сжалась, словно ей стало холодно.

- Да что с вами? - взял я ее за плечи. И тут же отпрянул. Мне показалось, что я дотронулся до камня - настолько твердыми были ее мышцы.

Анна рухнула на колени. Голова ее упала на грудь. Девушка с огромным трудом приподняла ее, словно неведомая сила давила на нее со всех сторон, и простонала едва слышно:

- Гул!.. Он не... священник... Он соврал... Но он о тебе не...

Тут силы оставили ее окончательно, и Анна повалилась на бок. Из носа и ушей потекла кровь.

Я стоял, будто пришибленный. И лишь увидев кровь, наконец-то очнулся, бросился к Анне, поднял ее и понес назад, то и дело спотыкаясь, поскольку ноги мои дрожали и отказывались нормально шагать. Тело девушки, по твердости не уступавшее полену, стало быстро обмякать, отчего нести его стало еще труднее. В итоге я все-таки споткнулся по-настоящему, выронил свою ношу и зарылся носом в мягкий мох.

Девушка застонала, что показалось мне дивной музыкой - я почему-то решил, что она уже умерла. Впрочем, не будучи врачом, я не знал, насколько близко она была к этой грани. Но вместо того, чтобы срочно нести Анну в форт, я неожиданно для себя побрел туда, где только что произошла с ней эта странная метаморфоза. Впрочем, на самом-то деле я знал, почему сделал это. Просто был в таком состоянии, когда сознание с подсознанием словно поменялись местами, а то и вовсе

перемешались, будто и я попал под тот неведомый и невидимый пресс.

Я остановился в том самом месте, где упала Анна. На белом мху ярко алели пятна ее крови. Я не чувствовал ничего - никакого внешнего воздействия, хотя и ждал, невольно напрягшись, что меня вот-вот сожмет незримыми тисками, раздавит, перемелет, бросит на белый мох кровавым бесформенным ошметком. Мне показалось, что время застыло, что прошло уже полчаса, час, хотя на самом деле едва ли я стоял так больше пары минут. Ничего не происходило. Совсем ничего.

Тогда я вспомнил, к кому обращалась Анна, и тоже позвал:

- Гул!..

Ответом мне была тишина. Я сделал шаг вперед. За ним второй, третий. Я потряс кулаками и крикнул:

- Гул! Или как там тебя! Почему ты не трогаешь меня? Вот он я - перед тобой! Бери меня, жми, дави! Почему тебе нужны только женщины и дети?!..

Внезапно воздух передо мной словно сгустился. По нему побежали едва видимые волны и струи, словно от нагретой на солнце поверхности. Я невольно шагнул назад. Между тем воздух впереди уплотнился настолько, что приобрел некое подобие человеческой фигуры. А в голове моей словно взорвались мозги - настолько мне стало больно. Так больно, что я не сразу осознал - этим взрывом стали простые слова. Только звучали - а точнее, взрывались - они прямо в моем мозгу.

- Потише! - простонал я, сжимая руками голову. Мне казалось, что еще одной подобной фразы она просто не выдержит и разорвется на части. Но меня услышали. Голос продолжал испытывать голову болью, но ее уже можно было терпеть.

- Почему? - повторил мой вопрос голос. - Почему ты невредим?

- Извини, - сказал я. - Наверное, это ненадолго. Так ведь?

- Ты спросил, почему мне нужны только дети и женщины. Я не знаю, кто это такие. Мне не нужен никто из вас. Но отсюда должны исчезнуть все, в ком течет его кровь! Те из них, кто переступит этот предел, как он сам переступил данное им слово, нарушил тайну исповеди.

«Вот и все, - подумал я. - Вот и глюки. Знать, и правда умираю». И все же спросил:

- О ком ты? И кто ты такой?

- Я - Гул. Преступник, отбывающий наказание. И я говорю о члене твоего рода, который не сдержал данного им слова. Я исповедался ему. Он обещал хранить тайну. Но еще один представитель твоего рода сказал сейчас, что тот, кому я исповедовался, обманул меня в самом начале, назвавшись священником. Неужели вы можете так лгать?

При слове «так» голова моя опять взорвалась болью. Я снова сжал ее

ладонями и, не удержавшись, вскрикнул. И сделал шаг назад. Стало лучше. Я отступил еще и попросил:

- Скажи что-нибудь. Только не про ложь. Я об этом ничего не знаю.

- Чего ты от меня хочешь?

- Пока ничего, - ответил я. - Я всего лишь регулирую громкость. Вот теперь хорошо!

- Ты не ответил на мой вопрос. Почему вы лжете? Почему вы так лжете?

Слово «так» снова кольнуло меня болью. Но эта боль показалась мне просто щекоткой по сравнению с прежней, так что я не стал обращать на нее внимания и ответил вопросом на вопрос:

- А вы разве не лжете?

- Конечно же, нет! Разве только непреднамеренно, в случае искреннего заблуждения.

- Ну а мы вот... такие, - развел я руками. - Только, по-моему, ложь все-таки меньшее зло, чем убийство.

- Это не убийство! Это наказание. Но я не понимаю, почему оно не действует на тебя и на других... особой его рода?

- Я не понимаю, о ком ты, - нахмурился я. - И что за род ты имеешь в виду? Человечество в целом или чей-то конкретный?

- Он имеет в виду наш род, - послышалось сзади.

Я обернулся. Анна стояла, ухватившись за дерево. Бледная, измазанная кровью, но живая!

- Род моего отца, - стиснув зубы то ли от боли, то ли от презрения, добавила она. - Семейство Назара Макарова.

Прозрачный силуэт Гула качнулся и потерял четкие очертания.

- Разве род может означать что-то другое? Разве Назар Макаров не принадлежит к человеческому роду? Разве у него другая кровь?

- У людей разная кровь, - пожал я плечами, все еще не очень понимая, к чему клонит наш прозрачный собеседник. - Ну, почти разная. Есть несколько групп...

Тут вдруг закашлялась Анна. Точнее, это мне сначала показалось, что она кашляет. На самом деле девушка сухо, отрывисто смеялась.

- Он проклял наш род, - отсмеявшись, так же отрывисто и сухо пояснила она. - Он спросил у отца, что объединяет его род, и отец сказал, что это - общая кровь. Но они подразумевали разные вещи. Отец имел в виду семью, а этот - все человечество.

- Он еще раз обманул меня? - «зазвучал» в моей голове голос Гула. В голове Анны, по-видимому, тоже, потому что девушка ответила:

- Нет, он сказал правду... - Она закашлялась теперь уже по-настоящему.

- Род и семья могут означать разные понятия, - пояснил я, - но могут одно и то же.

- Я не понимаю, - «сказал» Гул. - Как одно и то же может быть

разным?

- Вот такие особенности у нашего языка. Во всяком случае, у русского, - развел я руками.

- Но я не знаю вашего языка... Мы общаемся невербально. Ведь и с вами я сейчас не говорю в вашем понимании. Это ваш мозг перекодирует информацию в доступную вам форму.

- Погоди... - совсем запутался я. - То есть мы, возможно, говорим сейчас с тобой совсем о разных вещах?..

Мне показалось, что Гул задумался. Во всяком случае, голос в моей голове не давал о себе знать.

А потом, отпустив наконец дерево, вперед шагнула Анна.

- Может быть, и с моим отцом... с тем человеком, которому ты мстишь, вы просто не поняли друг друга? Может, он вовсе не обманул тебя? Тебе действительно был нужен священник? Именно служитель религиозного культа? И ты действительно исповедовался моему отцу, то есть сделал не что иное, как раскрыл ему душу, покаялся в грехах?

- Да, - «завучал» Гул снова. - Я совершил преступление. Здесь, на этой планете. Мои соотечественники, члены моего рода, приговорили меня к одиночеству. Они вернулись домой и уничтожили мое тело, поэтому я теперь здесь навечно. Но меня сокрушало не столько наказание, сколько грех, который оставался на моей душе. А тот человек... Я спросил, не священник ли он, и он ответил «да». Я воспрянул духом и все рассказал ему. Но все же я предупредил, что если он нарушит тайну исповеди, то весь его род, все особи с его кровью будут терять оболочки, если отойдут от места, где находится его корабль, дальше, чем то место, где мы с ним встретились.

- Примерно десять километров, - почему-то шепотом подсказал я Анне. - Форт возведен как раз в месте первой высадки Назара Макарова.

- Я знаю, - тоже шепнула она. А потом произнесла вслух, обращаясь уже к Гулу: - Что ты имеешь в виду под телами и оболочками: разные понятия или в обоих случаях говоришь об одном и том же?

- Конечно, разные! - Даже в голосе, который являлся всего лишь порождением моего мозга, мне почудились человеческие эмоции. - Разве возможно путешествовать между мирами в собственном теле?

- То есть это... - ткнула в воздушный сгусток Анна, - не твое настоящее тело?..

- Я ведь сказал, что мое тело уничтожили на родине. В наказание за преступление. А это такая же искусственная оболочка, как у вас. Мы не похожи внешне, но ведь по сути... Вы же не хотите сказать, что находитесь здесь в настоящих телах?..

- О боже!.. - закрыла глаза Анна. - Он не ведал, что творил!..

Прозрачный силуэт Гула заметался, помутнел, завертелся десятками маленьких смерчей, а потом собрался вновь в единую форму, но она

уже не напоминала человеческую фигуру, а казалась нелепым облаком в форме огромного гриба с покосившейся шляпкой.

Голос «зазвучал» снова. Но теперь он был столь тихим, что нам с Анной пришлось подойти к Гулу почти вплотную.

- Так я... я на самом деле убил?.. Уничтожил четырех разумных существ?..

- Шестерых, - сухо ответила Анна. - Двух девочек, их мать и отца, а заодно и бабушку с дедушкой.

- Как «с дедушкой»? - изумился я. - Ведь Назар Макаров жив!

- Уже нет, - с прищуром глядя на гриб, сказала Анна. - Он покончил с собой. Не смог пережить. Весь остаток жизни он винил себя за это. За то, что назвался тогда священником. Отец не был религиозен ни на йоту, он просто пошутил. Так что и тайну исповеди, по сути, он не нарушал. Поскольку в принципе не мог принимать чью-либо исповедь. К тому же он ничего никому не сказал о Гуле. Несмотря на то, что это сделало бы его еще более знаменитым. Он раскрыл людям даже не саму тайну исповеди, а только следствие ее. Поэтому он вдвойне невиновен! Он пообещал не говорить об этом... грешнике - и не сказал. Мой отец был человеком чести.

- Но все равно он не должен был рисковать родственниками! - не сдержался я. - Ведь Гул высказал ему конкретное предупреждение! Почему он так легко отпустил сюда сына и внучек?!

- А насколько конкретным было это предупреждение? - еще сильнее прищурилась Анна. - Ну-ка, Гул, постарайся воспроизвести в точности, что ты грозился сделать с родней моего отца?

Шляпка «гриба» совсем съехала набок. Гул теперь «лепетал» столь невнятно, сбивчиво и тихо, что мне пришлось попросить его увеличить «громкость».

- Я передал ему... я выразил мысль, что их... что они... члены рода с его кровью... Что я сорву их оболочку!..

- Боже мой! - ахнула Анна и закрыла лицо ладонями.

- Он засмеялся в ответ?! - заорал я на Гула.

- Он... издавал такие же звуки, как издавала недавно эта... особь.

- Сам ты особь! - взвился я. - Да он же принял твои угрозы за ответную шутку! - Я обернулся к Анне. - Ваш отец подумал, что этот придурок пригрозил их раздеть!

- Я поняла, - отняла от щек руки Анна. - А вот понял ли он? - кивнула она на Гула.

- Я совершил не один грех, - раздалось у меня в голове. - Я совершил столько грехов, что мне не отпустит их ни один священник. Я должен сообщить на родину об этом. Они обязаны ужесточить мое наказание! Я прошу вас доставить эту информацию на мою планету!..

- Да пошел ты! - сплюнул я. - Кайся в одиночестве. Или сам себя накажи. Как Назар Макаров. Ты мне лучше скажи, в каком таком грехе

ты ему покайся, что за разглашение своей исповеди убил столько людей?

- Я не могу, - снова превратился в туманное облачко Гул. - Вы не священники!.. Это тайна.

- Тоже мне тайна, - фыркнула Анна и достала из кармана белый прямоугольник. - Вот, смотри. Отец оставил перед тем, как... Для меня лично он написал другое письмо, более подробное. Но и этого хватит, чтобы понять суть.

- Что это? - изумился я, взяв прямоугольник в руки. - Это же... бумага!

- Ну да, - усмехнулась Анна. - Ты никогда не писал на бумаге?

- Что-то не припомню. Может быть, баловался в детстве...

- Для космолетчиков умение писать на бумаге обязательно. В полете может произойти нештатная ситуация, отказать записывающее оборудование, да мало ли что еще! Но в любом случае все сведения должны быть зафиксированы в бортовом журнале. В бумажном. Рукописном. Карандаш и бумага никогда не откажут, пока они есть.

Я развернул бумажный листок. Читать рукописный текст оказалось не очень-то просто. Но почерк старого космолетчика был ровным и четким, так что я довольно быстро разобрался в его особенностях. И вот что я прочитал:

«11 мая 2235. 19:47. Ухожу из жизни. Причины - личные. Довожу до сведения, что 12 августа 2227 года на 2-й планете звезды Чара (Bet CVn) созвездия Гончих Псов мною был установлен контакт с представителем внеземной цивилизации, назвавшим себя Гулом. Существо не имеет постоянной формы и трансформируется из уплотненного воздуха в более или менее устойчивые на время общения образования. Беседа велась на телепатическом уровне. Удалось выяснить, что Гул прибыл из другой звездной системы и отбывает на этой планете наказание за совершенное преступление. Насколько мне стало известно, во время экспедиции на эту планету Гул, имеющий врожденную способность менять напряженность гравитационного поля, проводил несанкционированные опыты. Он создавал избыточное давление в областях залегания каменноугольных пластов, преобразуя уголь в алмазы. Целью опытов являлось создание искусственной жизни, поскольку, по словам Гула, жизнь на его родной планете имеет кристаллическую основу и, по его теории, зародилась подобным образом. Соплеменниками Гула данные опыты были признаны аморальными и неэтичными, и Гул был приговорен к пожизненному заключению там же, на 2-й планете звезды Чара. Места залегания созданных Гулом алмазных образований были указаны мною в предоставленных ранее отчетах».

Закончив чтение, я не мог сдержать возмущение:

- Ты хотел из мертвого сделать живое, но так легко из живых делал

мертвых?!

- Я же не знал!.. Но откуда ты... - «зазвучал» во мне голос.

Я виновато посмотрел на Анну. Однако та успокаивающе кивнула, забрала у меня листок и показала его Гулу.

- Вот! Лишь перед смертью отец раскрыл тайну твоей исповеди. Несколько дней назад. Теперь ты можешь с чистой совестью убить меня. Начинай!

- Можешь прихватить заодно и меня! - выкрикнул я, хотя тут же смутился: фраза прозвучала чересчур театрально.

Гул опять превратился во множество маленьких вихрей. Я даже услышал, как они тихонечко завывают и гудят, словно подтверждая смысл имени хозяина. Мне стало страшно за Анну, и я, приобняв девушку за плечи, собрался увести ее подальше от этого безобразия. Но голос «зазвучал» снова:

- Я больше не стану никого убивать. Убил бы себя, но это еще больший грех, да у меня и нет для этого возможностей. И хорошо, что нет. Поскольку делать что-то надо лишь тогда, когда точно знаешь, что ты делаешь. Идите! Я не трону вас. И ваших детей тоже.

Мы с Анной переглянулись, и я увидел, что девушка покраснела. Думаю, не меньше, чем я сам.

- Только наших? - переспросила Анна.

- Я говорю сейчас обо всем вашем роде. Я так и не понял, почему у всех вас разная кровь, но больше она не прольется. Идите с миром.

- Аминь! - невольно вырвалось у меня.

- Так ты все-таки священник?! - обрадовался Гул.

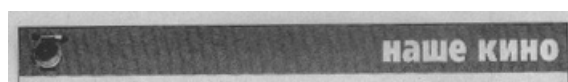
- Вообще-то нет, - ответил я и, улыбнувшись, посмотрел на Анну: - А может, мне и впрямь стать священником? На планете с таким именем это должно быть почетно.

Из протокола заседания Совета Земной Федерации от 15 декабря 2227 года:

«В честь первооткрывателя Назара Макарова присвоить второй планете системы звезды Чара (Bet CVn) созвездия Гончих Псов имя Назарет».

Видеодром

наше кино

В дремучих северных лесах

Если вы любите кино, следите за новинками и в курсе важнейших тенденций, то наверняка уже знаете, что 3D сегодня - это наше всё.

Именно объемная картинка, которую подавляющее большинство зрителей вряд ли сумеет в ближайшие годы полноценно воспроизвести у себя дома, и является, с точки зрения прокатчиков и продюсеров, главным аттракционом, способным удержать зрителей в кинотеатрах. А потому в формате 3D теперь будут снимать фильмы всех жанров - от слезливых мелодрам до забойных экшенов. И наверняка со временем, когда публика пресытится самой возможностью наблюдать трехмерное изображение, появятся режиссеры-эстеты, которые переосмыслят художественные принципы кинематографа с учетом новых технологий. Ведь в идеале каждый кадр в 3D должен строиться иначе, чем «плоский»... Может быть, это случится уже в ближайшем будущем, но пока большинство 3D-картин - это привычное нам кино, снятое стереокамерой, а то и обычной камерой, но после пересчитанное, разложенное «на два глаза» компьютером...

Эта преамбула понадобилась для того, чтобы стало понятно, с какой настороженностью рецензент отнесся к анонсу картины «Темный мир», обещавшему «первый отечественный фильм в 3D». Постсоветское фантастическое кино и так-то не слишком богато достижениями, а тут еще и новомодная, плохо освоенная технология... Однако после просмотра изначальный скепсис оказался в значительной степени посрамлен.

Хотя при желании, конечно, можно предъявить создателям картины немаленький набор претензий. И 3D-то у них включается время от времени, а большую часть картины можно просидеть без очков (и даже нужно, если эти очки поляризационные, затемняющие изображение). И студенты-филологи из показанной в «Темном мире» фольклорной экспедиции, по свидетельству настоящих студентов-филологов, совсем на них не похожи, а, скорее, напоминают персонажей ситкома «Универ», откуда в картину перекочевала актриса, сыгравшая

смазливую блондинку-разлучницу. И боевые сцены представляют собой хаотичную клиповую нарезку, из которой толком не поймешь, что, собственно, происходит на экране (ну, это просто какой-то бич нашей кинофэнтези, где «боевка» всегда выглядит именно так; у Питера Джексона поучились бы, что ли... или просто денег на нормальные кадры не хватает?). Да и концовка в «Темном мире» какая-то смазанная, не слишком осмысленная. Даже и не заявка на сиквел, а так... просто повод разнести в последнем кадре «высотку» МГУ. Однако ж, несмотря на все вышеизложенное, фильм смотрится с интересом, а с какого-то момента - с неослабевающим интересом. Создатели картины - режиссер Антон Мегердичев, сценаристы Алексей Сидоров и Александр Дарбинян - неплохо владеют основами кинодраматургии (за плечами-то у них «Бой с тенью» и знаменитая «Бригада»), знают, как и чем увлечь зрителя.

Начинается «Темный мир» словно заурядный ужастик: студенческая экспедиция отправляется за фольклором в северные леса. Уже ждешь появления какой-то нечисти (на сей раз, видимо, из славянского мифологического пантеона), которая будет отлавливать студентиков по одному. Но после визита в избушку с одиноко проживающей в чащобе бабушкой сюжет резко сворачивает в сторону. Главная героиня (ее играет Светлана Иванова) в расстройстве от действий блондинки-разлучницы убегает в дебри и случайно натывается на подземную камору, где на троне сидит высохшая мумия, сжимая в руках круглый щит. Героиня, конечно же, хватается за щит, а вместе с ним принимает какую-то эманацию мумии. Вследствие чего все члены экспедиции попадают в сферу внимания некоего могущественного Министерства недр, во главе которого, как выяснится впоследствии, стоит почти бессмертный колдун со своими приспешниками - «бесами». Колдун, разумеется, стремится к Очень Плохим Целям, угрожающим всему человечеству, а человечество в лице начинающих филологов ничего бы не сумело с ним поделаться, если бы не помощь древнего клана озерных ведьм...

Возможно, в столь сжатом изложении сюжет производит несколько бредовое впечатление, но то же самое было бы и с лучшими образцами жанра, например, с тем же «Властилином Колец» (поэкспериментируйте на досуге). Главное - что фильм смотрится, что можно пойти в кинотеатр и на полтора с лишним часа забыть обо всем на свете, даже о попкорне. Этого и во всем мире было бы достаточно, а уж для нашего кино просто достижение. Вам хочется большего? Имейте терпение: еще пяток таких «Темных миров» - и родится шедевр. Но никак не раньше.

Александр РОЙФЕ

ЛЕГЕНДЫ НОЧНЫХ СТРАЖЕЙ**(LEGEND OF THE GUARDIANS: THE OWLS OF GA'HOOLE)****Производство компании Warner Bros. Pictures (США - Австралия), 2010.****Режиссер Зак Снайдер.****В ролях: Джим Стерджесс, Райан Квантен, Джоэл Эдгертон, Хелен Миррен, Джеффри Раш и др. 1 ч. 37 мин.**

Зак Снайдер, известный зрителям как режиссер фильмов «300 спартанцев», «Хранители» и хоррора «Рассвет мертвецов», взялся за экранизацию серии книг Кэтрин Ласки «Ночные стражи». И надо признать, что его анимационный дебют удался.

Главный герой - соенок Сорен - мечтатель, романтик, почти поэт. А его антагонист, брат Клод, закомплексован тем, что братец больше вписывается в их общую семью любителей легенд о Ночных Стражах - благородных птицах, живущих на Великом Дереве Га'Хуул. К тому же Сорен и летает лучше, почти как завещал Джонатан Ливингстон (в этом мультфильме вообще хватает аллюзий на знаменитое произведение Ричарда Баха). И вот как-то ночью Сорен предлагает научить Клода летать. В результате этой вылазки совят похищают птицы из клана «чистых», идеи которых напоминают мысли Ницше. Теперь, чтобы не случилось свиного рейха, Сорену необходимо найти Ночных Стражей и предупредить об угрозе, которую представляют пернатые арийцы.

Мастерски созданная ночная атмосфера картины позволяет проникнуться жизнью этих чудесных птиц. Практически весь фильм выдержан в палитре сумерек, ведь, как известно, совы - ночные хищники. Их мир красив и существует вне пространства и времени, что позволяет зрителю стать сотворцом и расширять его в своем сознании. Это самая настоящая мифологема новой, еще незаполненной Вселенной.

Прорисовка персонажей кардинально отличается от того, что мы привыкли видеть на экранах кинотеатров. Например, по сравнению с «Ледниковым периодом», где у зверей человеческая мимика, здесь она порой утрирована, но все же это мимика животных, когда эмоция передается лишь глазами. Батальные сцены врезаются в память, доспехи сов блестят в свете луны, от их оружия летят искры. Впечатление настолько яркое, что в такие моменты детей, если вы

отправитесь на просмотр с ними, лучше держать за руку.

Это удивительное путешествие по неизведанному ночному миру созданий, которые испокон веков являлись символом мудрости и тайны.

Анастасия Шутова

ЦВЕТОК ДЬЯВОЛА

Производство компании Renovatio ent. (Россия), 2010.

Режиссер Екатерина Гроховская.

В ролях: Ольга Хохлова, Сергей Крапивенцев, Олег Сукаченко, Наталья Рудова, Наталья Наумова и др. 1 ч. 35 мин.

Студентка колледжа Полина пытается расшифровать свои странные сны. Для этого она обращается к подруге, которая помешана на мистике и колдовстве. Благодаря ритуалу со свечами, пентаграммами и прочими сопутствующими атрибутами подруги находят в местной деревенской библиотеке старинную толстую книгу, чьи пустые страницы начинают заполняться. Они в точности отражают то, что происходит с Полиной. Тем временем главную героиню начинает преследовать всадник на черном коне. Причем не только во сне, но и наяву...

За весь фильм персонажи произнесли от силы пятьдесят слов. При этом даже такой словарный минимум, как правило, не содержал никакого смысла. Все фразы были на уровне «Мы избранные!» и «Не парься, детка! Давай лучше выпьем». Остальное время герои занимались непонятно чем непонятно где.

Судя по именам персонажей и косым заборам, действие фильма происходит в какой-то российской деревне. Но, честно говоря, трудно представить российскую деревню, где за поворотом стоит шикарный готический замок, у каждого жителя есть мобильник последней модели, а студенты местного колледжа профессионально играют в поло.

Абстрактность места действия, конечно, раздражает, но не более, чем необъяснимые поступки героев. Ближе к середине фильма красавица Полина ни с того ни с сего раздевается, встает перед огромным зеркалом и долго-долго в него смотрит. Зачем она это делает? Неясно. Хотя камера при этом показывает все, что нужно. Финал и вовсе оставляет все вопросы без ответов. Что это за цветок и что, в конце концов, нужно было мрачному всаднику от главной героини? Вместо объяснений зрителям показывают довольно смешную и криво поставленную драку, а затем пускают титры.

Такое впечатление, что «Цветок дьявола» - это всего лишь портфолио

профессионального оператора, которое решили превратить в фильм. К замечательным пейзажам в спешке прикрутили одноклеточный сюжет, добавили пару строчек диалогов - и выпустили на широкий экран.

Степан Кайманов

ОБИТЕЛЬ ЗЛА 4: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

(RESIDENT EVIL: AFTERLIFE)

Производство компаний Constantin Film, Davis Films и Impact Pictures Distributors (США), 2010.

Режиссер Пол У.С.Андерсон.

В ролях: Милла Йовович, Эли Лартер, Вентворт Миллер, Борис Коджо, Ким Коутс, Сиенна Гиллори и др.

1 ч. 37 мин.

Кто-то считает, что это перезагрузка известной франшизы, кто-то - что рядовое продолжение подвигов неутомимой зомби-истребительницы Элис. Но как бы то ни было, на сей раз в режиссерском кресле, пожалуй, лучший на сегодняшний день экранизатор компьютерных игр - Пол У.Андерсон. Снявший первую картину и курировавший все последующие ленты киносериала.

Скорее всего, фильм будет в первую очередь интересен ярым поклонникам игры и обворожительной Миллы Йовович, нежели рядовому зрителю. Если же вы не относитесь к данным категориям фанатов, то вас ждет набор клише. Например, уваливающий от пуль, аки Нео в Матрице, накачанный «Т-вирусом» главный негодяй Альберт Уискер вызывает лишь уныние: очень уж все вторично.

Да, монтаж неплох. Да, драка в душе под струями воды красива. Да, Андерсон, вновь заняв режиссерское кресло, чуть видоизменил операторский взгляд на главную героиню. В некоторых ракурсах Милла Йовович женственна и великолепна: влюбленный взгляд мужа дает о себе знать. Стоп-кадры, небольшие замедления - всё срабатывает. Но не для этого же зритель приходит смотреть кино. Он ждет напряженного действия, а его здесь почти нет.

Повествование начинается аккуратно после окончания третьей части, Клонированная Элис убивает всех сотрудников токийского филиала «Амбреллы», в схватке с главным антагонистом лишается сверхспособностей и потом на самолете Як-52 ищет выживших после заражения мутацией вируса и, что интересно, находит. Правда, активно действующих персонажей к финалу остается с гулькин нос, Все остальные - так, массовка в белом.

Вроде бы можно завершить фильм на оптимистичной ноте, но

сотрудники «Амбреллы» в финальных кадрах сводят на нет логичную, казалось бы, концовку.

Вячеслав Яшин

ПОСЛЕДНЕЕ ИЗГНАНИЕ ДЬЯВОЛА

(THE LAST EXORCISM)

Производство компаний Arcade Pictures, Louisiana Media Productions, Strike Entertainment и Studio Canal (GIF - Франция), 2010.

Режиссер Дэниэл Стамм.

В ролях: Патрик Фабиан, Эшли Белл, Ирис Бар, Луис Хертэм, Кaleb Джонс, Тони Бентли, Джастин Шафер, Кэрол Саттон и др.

1 ч. 35 мин.

Из-за тяжелой болезни сына преподобный Маркус Коттон утратил веру. Но перед тем как навсегда оставить церковь, он решает в последний раз помочь кому-нибудь из одержимых. А заодно показать приглашенным документалистам все уловки, которыми пользуются современные экзорцисты во время изгнания демонов. Выбрав наугад одно из писем, где преподобного просят провести обряд экзорцизма, он вместе со съемочной группой отправляется в другой штат, дабы помочь шестнадцатилетней девочке Нелл...

Фильм снят в псевдодокументальной манере. Но в отличие от «Ведьмы из Блэр» и «Монстро» камера здесь почти всегда ведет себя покладисто. Редко трясется и теряет фокус. И это объясняется не только желанием не раздражать зрителя лихорадочными кадрами, но и логикой киноповествования: все-таки происходящее снимает оператор на профессиональную камеру, а не случайный человек на обыкновенный мобильник.

Сюжет картины Дэниэла Стамма сложно признать оригинальным. Уж и не счесть, сколько священников, потерявших веру в Бога, и экзорцистов, столкнувшихся с настоящими демонами, появлялось на широких экранах... Однако псевдодокументальная съемка «Последнего изгнания дьявола» представляет старый сюжет в новых красках. Вот сын преподобного Маркуса Коттона говорит в камеру, что отец на самом деле не верит в демонов. Вот брат одержимой девочки смущенно отводит взгляд от объектива. А вот сам Маркус непринужденно делится секретами своей профессии, показывая крест, в который вставлена миниатюрная дымовая шашка. Все это создает атмосферу реальности происходящего. А уж актеры стараются изо всех сил. Им безоговорочно веришь и сопереживаешь, со временем

забывая, что они всего лишь актеры, а на экране - всего лишь фильм. Несмотря на то что картина снята за сущие копейки, эмоций она дарит гораздо больше, чем многие современные блокбастеры.

Степан Кайманов

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОХОТНИКА НА ДРАКОНОВ
(ADVENTURES OF A TEENAGE DRAGONSLAYER)

Производство компании Razor Sharp Productions (США), 2010.

Режиссер Эндрю Лойер.

В ролях: Хантер Алан, Леа Томпсон, Ричард Селлерс и др.

1 ч. 29 мин.

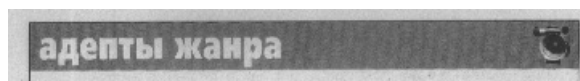
Что делать, если хочешь славы Спилберга, а денег на масштабное кино продюсеры никак не дают? Нужно снять кино на минимальные средства, но поразить всех оригинальным сценарием. Однако при этом кино не должно быть каким-нибудь там элитарным, а вполне себе семейным. Чтобы не хуже спилберговского «Инопланетянина»!

Увы, подобные задачи зачастую приводят к полному провалу. Что и произошло с рецензируемым фильмом, несмотря на то что сценарий отбирали по конкурсу из 150 предложенных. Несмотря на то что в трехмиллионный бюджет умудрились уместить гонорар постаревшей звезды средней величины - актрисы Леа Томпсон, игравшей в трилогии «Назад в будущее». Несмотря на постоянные скрытые киноцитаты а-ля Тарантино. Все равно фильм выглядит «сделанным на коленке», и если бы не слабенькие, но все-таки достаточно профессиональные спецэффекты, можно было бы подумать, что картину сняла какая-нибудь школьная студия. Хотя справедливости ради стоит заметить: смешные моменты в это семейной комедии все-таки присутствуют.

Сюжет незамысловат. Унижаемый сверстниками, терзаемый солдатоподобной дамой-завучем двенадцатилетний подросток Артур любит играть в настольную карточную игру «Эликсир» и верит, что персонаж из этой игры - добрый синий тролль - обитает где-то в городской канализации. С парочкой друзей он все-таки находит тролля - а далее следуют штамп за штампом. Стараниями злой завучихи в мир должен явиться страшный дракон и сделать с этим миром что-то плохое (он настолько страшный, что не в состоянии победить горстку детей, носясь за ними по коридорам школы). Понятно, что отважные подростки с помощью синего тролля с говорящим именем Барт, спасут нашу планету и все будет хорошо, и даже останется ниточка для сиквела, но... Не очень понятно, для чего это вообще было затевать. Возможно, сняли пилот сериала, он не прошел и дабы добро не

пропадало, перемонтировали его в полнометражный фильм?

Тимофей Озеров

адепты жанра

ЖЮЛЬ ВЕРН НОВОГО ВРЕМЕНИ

В этом году одному из любимых киносказочников стран Варшавского договора Карелу Земану исполнилось бы 100 лет. Все известные ленты Земана - это творческий диалог: фильма и книги, кино и анимации, кукол и живых актеров. Потому юбилейный материал мы решили построить в форме диалога двух критиков, представителей двух разных поколений «зрительско-читательской» аудитории Валерия Окулова и Аркадия Шушпанова.

Валерий Окулов: Возможны ли путешествия во времени? Даже очень трезвомыслящим не надо торопиться с отрицательным ответом... Доктор наук, один из соавторов «теории струн», американский физик японского происхождения Митио Каку в увлекательной научно-популярной книге «Физика невозможного», вышедшей на русском языке в прошлом году, путешествия во времени относит к «невозможностям II класса». Их реализация всего лишь откладывается, пусть и на весьма длительный срок,

Пока не существует машин времени, мы способны лишь мысленно перенестись на полвека назад: революция на Кубе, советские космические станции-лунники, атомоход «Ленин», планы построения

коммунизма в СССР... Но тогдашних школьников, пожалуй, не меньше интересовал замечательный чешский фильм «Тайна острова Бэк-Кап», который каждый мальчуган посмотрел на утренних сеансах за гривенник, а если повезло - то и бесплатно. Фантастикой тогда увлекались все мальчишки, но избалованы боевиками с умопомрачительными спецэффектами они не были. Та черно-белая лента режиссера Земана, как машина времени, уносила их в начало века, когда «открытия следовали одно за другим»... На много лет запомнилась оригинальная фантастическая «машинерия» из этого фильма - с нарочито подчеркнутой «гравюрной манерой» изображения и «картонностью» зловещих установок и орудий. Неспроста изображение маленькой субмарины «на троих» вынесено на суперобложку книги Георгия Гуревича «Карта Страны Фантазий», рассказывающей об особенностях освоения фантастики в кино.

Насколько известно творчество Земана в мире? В странах соцлагеря он был знаменит, в советских изданиях о нем можно было прочитать не только в «Кинословаре», но даже в «Советском энциклопедическом...». Упоминается Земан в «Энциклопедии фантастики» (Владимир, 1993). Правда, в «Энциклопедии фантастики» Клютца и Николса о самом режиссере почти ничего нет, зато о фильме «Губительное изобретение» - отдельная статья.

Аркадий Шушпанов: Творчество Карела Земана - переплетение находок прошлого, настоящего (для времени жизни самого режиссера) и будущего, в котором живем мы сами. «Жюлем Верном кинематографа» его окрестила родная чешская (вернее, тогда еще чехословацкая) пресса. Конечно, сравнивать художников - дело неблагодарное. Но слова журналистов парадоксально оказались пророческими не только из-за любви режиссера к творчеству фантаста. Достижения Земана в кино сопоставимы с заслугами Верна в литературе.

В.О.: «Удивительный режиссер, который нашел свой язык и свою тему. Он брал технику гравюры... и эту гравюру фактически оживлял. Очень здорово!» - так писал мастер отечественной анимации Федор Хитрук в своих «Рассказах об аниматорах».

Чешский кинорежиссер, сценарист и художник Карел Земан родился в 1910 году в Остромерже близ Новой Паки (бывшая Богемия в составе Австро-Венгерской империи). О семье и первых двадцати годах жизни Земана известно очень мало. Хотя с детства его влекло искусство театра кукол (Земан с удовольствием устраивал кукольные спектакли дома и в самодеятельном театре), он поступил в коммерческое училище, после которого закончил курсы рекламной графики. В 1930-1936 годах жил во Франции, рисовал афиши, сотрудничал с рекламными агентствами. Там познакомился с искусством анимации и увлекся им. В 1943 году оказался в чешском городе Злин (в 1949-1989-х

- Готвальдов), работал аниматором на студии рекламных фильмов обувного магната Бати. После окончания Второй мировой именно там была организована киностудия. Сначала Земан недолго ассистировал мультипликатору Гермине Тырловой. Затем организовал отделение кукольных фильмов, став одним из трех - наряду с Тырловой и Иржи Трнкой -зачинателей чешской мультипликации.

Вся дальнейшая биография -перечень фильмов и достижений (ну, и особый праздник - рождение дочери Людмилы в 1947-м). «Рождественский сон» (1946) на I МКФ в Каннах получил приз за лучший кукольный фильм, но вершинами кукольного искусства Земана считают «Вдохновение» (1949) и «Короля Лавра» (1950).

Первый полнометражный фильм «Клад Птичьего острова» (1952) знаменателен введением «приключения», помогающего сочетать фантастику и реальность. Цветной научно-познавательного-приключенческий фильм для детей с элементами фантастики «Путешествие к началу времен» (1955), снятый по заветам Мельеса, стал первым фантастическим фильмом Земана, развернуто использующего все средства мультипликации, кукольного и игрового кино.

Проплыв через некую мрачную пещеру, четверо чехословацких пионеров «чудесным образом» последовательно попадают в различные периоды жизни на Земле... В этом чешском «Парке юрского периода» многолетней «выдержки» (хотя консультантом был известный ученый и популяризатор Йозеф Аугуста) доисторические чудовища выглядят более или менее живо лишь иногда. О психологической достоверности поведения мальчишек нечего и говорить - их абсолютно ничто не страшит!..

А.Ш.: Уже здесь режиссер ступил на территорию Верна. С первых же слов и кадров мы узнаем, что мальчишки вдохновились «Путешествием к центру Земли». Логика железная: если многие предвидения француза сбылись, то и встреча с динозаврами - не фантастика.

Земан поставил скромную, чисто просветительскую задачу - «обучать, играя». Поэтому фабула незатейлива: набор картин из жизни дикой доисторической природы, которые наблюдают школьники. Конфликта, основы любого приключенческого фильма, нет и в помине, а сюжет несколько обостряется, лишь когда кто-то из юных героев пропадает из поля зрения товарищей. Мы даже не знаем, было это все на самом деле или просто придумано одним из мальчишек.

Восхищает другое: в 1955 году без какой-либо компьютерной техники и почти незаметно соединяются живые актеры, рисованная и кукольная мультипликация, а также то, что сейчас назвали бы аниматроникой. Мамонты и огромные рептилии смотрятся реалистичнее, чем монстры в голливудских фильмах того времени, например, в «Чудовище с

глубины 20 000 морских саженей». Более того, движущиеся фигуры ящеров лишь немногим уступают творениям кудесников Стэна Уинстона и Рика Бэйкера, созданным спустя 20-30 лет после Земана. И даже покадровая анимация здесь практически на уровне четвертого эпизода «Звездных войн». Напомним, что впервые снимать динозавров без анимированных микромоделей взялся Спилберг в «Парке юрского периода». А если обратиться к отечественной детской кинофантастике конца 1980-х годов, то будет просто обидно: куклы, например, в «Подземелье ведьм» по сравнению с фильмом Земана не выдержат критики.

В.О.: После фильма «Губительное изобретение», поставленного по мотивам романа Жюль Верна «Флаг Родины» (1958, в советском прокате «Тайна острова Бэк-Кап»), изобразительная трактовка которого создавала впечатление «ожившей гравюры», европейская пресса много писала о возрождении Земаном «мельесовского кинематографа». Эти два фильма стали самыми премируемыми: «Путешествие...» отмечено шестью призами и дипломами на различных киносмотров, «Тайна...» - пятью.

Пересмотрев лучший фильм Карела Земана пятидесятых годов, еще раз убеждаешься, насколько мир ушел от старых добрых времен... Наивность истории противостояния гениального ученого Рока и его ассистента Харта с «властелином морей», пиратом графом Артигасом все же раздражает даже при изначально благожелательном отношении к фильму...

А.Ш.: Термина «стимпанк» тогда не существовало. «Дифференциальная машина» Стерлинга и Гибсона еще не была написана. Француз-просветитель Бюффон сказал, что стиль - это человек. Для Земана Жюль Верн - это стиль. Режиссер и решил картину как набор графических иллюстраций тех времен в сочетании с игрой живых актеров. Большая часть фильма сделана с помощью так называемой «блуждающей маски». Земан «встал поперек» тогдашнего кинематографа, особенно жанрового. Все режиссеры-фантасты старались придать фильмам, декорациям, эффектам максимальную реалистичность, А Земан сделал их демонстративно графичными. Сыграла роль подчеркнутая театральность Жоржа Мельеса, автора первой экранизации Верна и первого фантастического фильма в истории. Хотя для Мельеса условность декораций во многом была вынужденной мерой (впрочем, и сознательной тоже: взять хотя бы хрестоматийный кадр со снарядами, застрявшим в глазнице «лунного лика»). Для Земана это уже чисто художественный прием.

В начале XXI века этот прием взяли на вооружение в Голливуде и Европе, только оживлять принялись не гравюры, а комиксы и иллюстрированные романы, «Бессмертные: Война миров» Билала, «Небесный капитан и мир будущего» Конрана, «Город грехов»

Родригеса и Миллера, «300 спартанцев» Снайдера, «Хроники мутантов» Хантера... С каждым годом появляется все больше фильмов, снятых только на фоне синего или зеленого экрана (у Земана - белый) с последующим наложением нарочито графического, а не живописного «ландшафта». Рано или поздно кто-то догадается оставить зеленый экран без изменений и вообще не накладывать задник, хотя Ларс фон Триер уже попробовал обойтись совсем без декораций...

Кинематограф заново открыл, что можно увлекать зрителя, не маскируясь под реальность. В этой связи любопытно, что популярный ныне мексиканец Роберт Родригес творчески едва ли не ближе всех к чеху Земану - прежде всего стилизованными находками и постоянным обращением к детскому кино. Просто выбирает он в качестве источников вдохновения отнюдь не романы Жюль Верна. Хотя если бы не памятный конфликт с американской гильдией режиссеров, то снял бы фильм о Джоне Картере с Марса, где сам материал диктует земановские решения.

Если же говорить о прямой преемственности, то Земан, безусловно, повлиял на любимца интеллектуальной публики, своего земляка-сюрреалиста Яна Шванкмайера, также сочетающего кукольную анимацию с актерской игрой.

Получается, Земан, подобно Жюлю Верну, предсказал развитие кино через полвека, но воплотилось это предсказание, как и у француза, на иных технологических принципах. Другое предвосхищение связано с развитием «ретрофантастики», первооткрывателем которой Земана называют по праву.

В.О.: Земан на много лет выбирает НФ как литературную основу своих фильмов. Мир романов Верна овладевает его творческим сознанием. В фильме «Похищенный дирижабль» (1967) использован сюжет романа «Два года каникул», в основу третьего «жюль-верновского» фильма «На комете» (1970) положен роман «Гектор Сервадак». Плодотворность и успешность этого направления подтверждают очередные награды на МКФ - по четыре на фильм. Земан не стесняется говорить о своем увлечении НФ-литературой, он полагает, что встреча кинематографа и литературной фантастики - одно из самых многообещающих явлений современного искусства. Эти его слова, как мы сейчас видим, оказались пророческими.

Фильм «Похищенный дирижабль» (1967) можно смотреть всей семьей даже в наше время. Все фирменные черты налицо: мотивы Жюль Верна, любимые аэростаты, приключения детишек, а вот исполнено все это более элегантно и утонченно,

«Мы просто играли», - оправдываются пятеро мальчишек, которых взрослые гнали отовсюду, где намечалось что-то интересное, Этот налет игры и отложился на всех перипетиях фильма. В отместку

ребята похищают (можно и так определить) чудо техники - «управляемый дирижабль», чтобы все же совершить обещанный им полет. И только потом решают лететь вокруг света, не зная ничего ни о мошенничестве, ни о шпионских интригах...

«Несгораемый» дирижабль все-таки сгорает от удара молнии на таинственном острове, Седобородый капитан Немо (в окружении фирменной рисованной машинерии) помогает ребятам, даже учебники им дарит; только вот они объявляют каникулы на два года!

А.Ш.: Здесь все подчинено «логике трюка»: невероятные приключения на земле, в воздухе и под водой, вроде заплыва юного аквалангиста в чрево акулы, многократные чудесные спасения, излюбленная режиссером ретротехника и ретрографика. В отличие от «Тайны острова Бэк-Кап», это комедия, в которой часто используются приемы немого кино эпохи Гарольда Ллойда. В кадре постоянно что-то происходит, сюжет не останавливается ни на минуту. Ближайшим аналогом в мировом кино можно назвать разве что фильм Ричарда Доннера и Стивена Спилберга «Балбесы», снятый почти через тридцать лет после Земана.

В.О.: По мотивам романа Жюль Верна «Гектор Сервадак» поставлен ироничный фильм «На комете» (1970) - о «прекрасных» колониальных временах, когда белый человек нес блага цивилизации варварам. Все то же совмещение игры актеров и рисованных декораций, наивные трюки. Но этот фильм - для взрослых, сатирическое изображение интриг (даже на комете, захватившей часть земной поверхности) логично и, главное, смешно. Повозка с гремящими кастрюлями, обращающая в бегство «страшных» динозавров, - удачная находка, как и основанное на этом эффекте новое оружие. В итоге история возвращается на круги своя, да и вообще все это - сон молодого поручика...

Художественная программа Земана была принципиальна и непоколебима в своей направленности, Сам он так говорил о своем творчестве: «Я работал как художник-фантаст, мой мир всегда был вымыслен и ирреален». Размышления о типах человеческой фантазии, о значении ее в жизни общества - одна из любимых тем художника, что наиболее полно проявилось в фильме «Барон Прашил» (он же «Барон Мюнхгаузен») (1961).

А.Ш.: В промежутке между «Тайной острова Бэк-Кап» и двумя другими картинами по романам Верна режиссер делает резкий зигзаг от НФ к откровенной фантазмагии с историческим колоритом. Он снимает «Барона Мюнхгаузена» и «Хронику шута» (в отечественном прокате - «Два мушкетера»). Обе ленты, несмотря на смену жанра, выполнены в технике сплава игрового и анимационного кино и с немалым успехом демонстрировались в советских кинотеатрах.

Земан разворачивает диалог между фантазией мечтателей прошлых

веков и современностью. Он сводит на Луне компанию из самого Мюнхгаузена, Сирано де Бержерака и экипажа снаряда жюль-верновской пушки с космонавтом-первопроходцем Тоником. Герои, не знавшие об отсутствии воздуха на спутнике родной планеты, принимают человека в скафандре за лунного жителя. Барон приглашает его с собой на Землю (восемнадцатого, а отнюдь не двадцатого века!), где оба немедленно оказываются в гуще приключений и даже соперничают в поисках благосклонности итальянской принцессы,

Интересно, что Земан предполагал моральный выигрыш своего современника. Однако неунывающий Мюнхгаузен решительно отнимает у Тоника если не принцессу, то зрительские симпатии. А в итоге помогает двум сердцам соединиться, отправляя их снова на Луну, которая объявлена принадлежащей влюбленным на все времена. Трюковая комедия перерастает в символику торжества духа, когда любовь объединяет технику и ничем не скованное воображение.

Как ни странно, благодаря своей сказочной условности этот игровой фильм Земана выглядит очень современно. Недаром картина вдохновила другого визионера, англичанина Терри Гиллиама на создание ремейка «Приключения барона Мюнхгаузена» (1988). А романтика найдет самое яркое воплощение в поздних анимационных работах режиссера.

В.О.: Мультипликационный «Крабат - ученик колдуна» (1977) поставлен по сказке немецкого писателя Отфрида Пройслера (он и озвучен по-немецки). Обращение режиссера к «волшебной сказке» - почти классическая анимация. Свободный, но бездомный юноша завлечен на таинственную мельницу на Черной речке, оказавшуюся школой злого колдуна. Здесь постоянно нужны двенадцать подмастерьев-учеников, выполняющих колдовские задания страшного чародея. Одолеть его почти невозможно, лишь «любовь сильнее всякого колдовства»...

Она и побеждает: мельница сгорает дотла, колдовство пропадает. Анимация, с современной точки зрения, кажется недостаточно проработанной, но именно это и придает фильму Земана оригинальность. Обращение мастера к «фэнтези» оказалось вполне удачным, фильм и сейчас смотрится с интересом. Кстати, картина тоже не осталась без призов (в Лозанне и Тегеране).

А.Ш.: После успехов в игровом кино возвращение к чистой анимации стало не только творческим кредо. В начале 1970-х годов у Земана практически отказало зрение. Киновед Сергей Асенин, автор монографии «Фантастический киномир Карела Земана», близко знавший режиссера, сравнивает эту жизненную драму с потерей слуха для композитора и рук для пианиста. И хотя способность видеть Земану удалось вернуть, снимать и монтировать комбинированные

фильмы с актерами, куклами и рисованными фонами глаза уже не позволяли (любопытно, что и Жюль Верн в конце жизни страдал той же болезнью).

Но Земан вновь начал экспериментировать. И, как в случае с принципами Жоржа Мельеса, опять нашел новое в хорошо забытом старом. Режиссер стал работать в технике плоской марионетки, промежуточной между рисованной и столь близкой ему кукольной анимацией,

В эти же годы ставит лучшие свои мультфильмы с плоскими марионетками «Ежик в тумане» и «Сказка сказок» Юрий Норштейн. С Норштейном Земана объединяет и желание согласовать материал и стилистику - то, что так блестяще удавалось Карелу в игровых лентах.

До «Крабата...» Земан снял для телевидения серию мультфильмов «Сказки тысячи и одной ночи» (теперь они выпускаются как единый многосерийный фильм), решенных в стилистике оживших арабских миниатюр. Сам «Крабат...», где действие происходит в эпоху Тридцатилетней войны, как в земановской «Хронике шута», тоже использует манеру рисования того времени.

Уже в 2009 году в Германии вышла игровая экранизация книги Пройслера в ключе современной мрачной «подростковой фэнтези». Однако все приемы здесь заимствованы из авангарда жанра - поздних фильмов цикла о Гарри Поттере, а потому вряд ли эта по-своему интересная картина проживет столько же, сколько анимационная версия.

На средневековых гравюрах построен и последний фильм Земана - экранизация народной «Сказки о Гонзике и Марженке». Как и «Ученик чародея», это история любви, победившей колдовство и человеческие пороки. Слабое зрение не помешало Земану нарисовать поэтические кадры, где особое значение имела игра цветом.

Если большинство игровых картин режиссера ныне можно считать раритетами из-за технологий, ритма и драматургии (хотя у этих фильмов еще немало поклонников), то детская мультипликация позднего Земана не имеет ни срока давности, ни возраста. Ведь не проигрывают сказки Шарля Перро теперешним книгам Роулинг. Более того, она, мультипликация, не имеет и границ - так, в англоязычном релизе Гонзика и Марженку просто переименовали в Джона и Мэри.

В.О.: Необходимо отметить доброе отношение художника даже к тем персонажам, что положительными не назовешь.

За тридцать пять лет творческой деятельности Карел Земан выпустил множество фильмов (не менее тридцати пяти), и значение его для кинематографии исключительно. В пятьдесят лет он стал заслуженным артистом, в шестьдесят - народным художником ЧССР, награжден орденами, отмечен несколькими Госпремиями ЧССР. После семидесятилетия фильмов не снимал, жил по-прежнему в

Готвальдове, умер в Праге 5 апреля 1989 года.

Остались фильмы, некоторые - навсегда. «Машина времени» Карела Земана готова к действию!

Валерий ОКУЛОВ, Аркадий ШУШПАНОВ

Избранная фильмография фантастики Карела Земана (полнометражные работы)

1952 - «Клад Птичьего острова», м/ф

1955 - «Путешествие к началу времен»

1958 - «Тайна острова Бэк-Кап» / «Губительное изобретение»

1961 - «Барон Мюнхгаузен» / «Барон Прашил»

1964 - «Хроника шута» / «Два мушкетера»

1966 - «Похищенный дирижабль»

1970 - «На комете»

1972-1975 - «Сказки тысячи и одной ночи» / «Приключение Синдбада-морехода», м/ф

1977 - «Ученик чародея» / «Крабат - ученик колдуна», м/ф

1981 - «Сказка о Гонзике и Марженке», м/ф

КРИСТОФЕР БЕННЕТ

В ГУЩЕ СОБЫТИЙ

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Есть такой универсальный закон: чем быстрее способ передвижения, тем дольше связанные с ним задержки. Ось предлагала мгновенное путешествие в любую точку Галактики, поэтому пробки и очереди здесь достигали воистину космических масштабов.

Впрочем, ожидание могло бы пройти легче, если бы Дэвид Ламачча не сидел в окружении семейной стаи туристов с Хайджега, возвращающихся с Земли. Дэвид предполагал, что в космосе все окажется величественнее, чем дома, но не ожидал, что это величие будет включать и его личную невезуху: он уже смирился с тем, что самый толстый индивидуум в автобусе (или, как в данном случае, представители самого крупного и пахучего вида инопланетян) всегда оказывался рядом с ним.

«Мой первый урок по галактическим путешествиям: отныне всегда садиться в кресло возле прохода», - подумал он.

Когда транспорт наконец-то получил разрешение на вход в точку Оси в Солнечной системе, окружающая Дэвида стена хайджегской плоти и слезящиеся глаза вынудили его пропустить ту долю секунды, за которую и произошел сам переход в Ось. Дэвид прибыл к месту

назначения - чуть южнее дальнего конца галактической перемычки*²¹, в сорока тысячах световых лет от дома. Но его до сих пор окружали хайджеги, и он все больше терял чувствительность в придавленных ими конечностях. На этом конце маршрута ожидание затянулось еще дольше, поскольку, будучи единственным известным средством путешествия быстрее скорости света - то есть единственной точкой, через которую всякий корабль должен был пройти, чтобы попасть в любое другое место, - Ось представляла собой естественное бутылочное горлышко.

Наконец транспорт причалил к станции 3742, обслуживающей Землю и миры со сравнимой биохимией и социально-экономическим статусом. Не успел Дэвид восстановить кровообращение в конечностях, как давление хайджеговских тел вытеснило его из челнока.

«Ну вот и все, - подумал он, когда чемодан все-таки нашел его, потерял о ногу и услужливо предложил поднятую ручку. - Вот место, откуда я начну поиски».

Место это подозрительно смахивало на автовокзал. Пахло здесь так же, но с ароматическими оттенками, не известными на Земле. Плечи Дэвида поникли.

- Это и есть галактический центр, знаменитая Ось? - пробормотал он.

- А чего ты ожидал? - пробурчал самый крупный хайджег, топая мимо и волоча за собой контейнер со своим семейством. - Что цивилизации низкого ранга вроде твоей предоставят хорошее помещение? Его надо заслужить.

Сомнения Дэвида мгновенно испарились, и он ответил самоуверенному ходячему бугру дерзкой улыбкой:

- Друг мой, именно для этого я сюда и прибыл.

- Тогда желаю удачи. Моя цивилизация пытается это сделать уже шесть поколений. Но мы застряли на этой свалке.

- Спасибо! - поблагодарил Дэвид. - И вам удачи.

Пробираясь сквозь толпу, Дэвид испытал потрясение, увидев такое разнообразие инопланетян; а разных типов масок, скафандров, экзоскелетов и прочих механизмов жизнеобеспечения оказалось столько, что предназначения некоторых он даже не смог понять. Подобное зрелище более чем компенсировало местные запахи.

Наконец он отыскал вестибюль отеля. К стойке регистрации тянулась очередь длиной метров в тридцать. Дэвид вздремнул на крышке своего

²¹ * *Спиральные галактики с перемычкой довольно многочисленны. Наблюдения показывают, что около двух третей всех спиральных галактик (в том числе и наша) имеют перемычку из ярких звезд, выходящую из центра и пересекающую галактику посередине. Спиральные ветви в таких галактиках начинаются на концах перемычек, тогда как в обычных спиральных галактиках они выходят непосредственно из ядра. (Здесь и далее прим. перев.)*

чемодана, пока тот не дополз до стойки. Он встал и потянулся, а чемодан облегченно прожужжал моторчиками.

- Да, постояльцев здесь хватает! Надеюсь, у вас еще есть свободные номера. Я с ног валюсь от усталости.

Регистратор за стойкой - синегокожий джиодейн, похожий на труп, - уставился на него четырьмя черными глазками:

- Свободные номера, сэр? Нет, сэр, таких у нас сейчас нет.
- О-о... - Дэвид поник. - Тогда где же мне спать?
- У нас есть несколько комнат, сэр.
- Но вы же только что сказали, что номеров нет.
- Правильно, сэр, свободных номеров.
- Погодите-ка... то есть мне придется жить с кем-то в одной комнате?
- Нет, сэр. У вас будет собственное пространство.
- То есть только часть номера?
- Один сегмент, сэр, но все это пространство - ваше.

Дэвид моргнул:

- Мы будем жить там по очереди?

- Нет, сэр, вы можете оставаться в комнате, сколько захотите. - Регистратор оценил его взглядом. - При условии, что сможете заплатить.

- Но там будут другие люди?

Регистратор заговорил так, словно оказывал Дэвиду услугу, проявляя подобное терпение:

- Каждый номер рассчитан на семерых, сэр.
- О'кей. - Дэвид уже жил с соседями по комнате, когда учился в колледже - все пять месяцев студенчества, и не сомневался, что инопланетяне, которых он здесь встретит, окажутся интереснее бывших однокурсников. - Значит, в комнате семь кроватей?
- Нет, сэр, только одна.
- На семерых?!

- Мы не интересуемся тем, как наши постояльцы используют свои кровати, сэр, - твердо ответил регистратор.

- А вам не кажется, что на ней будет... э-э... тесновато?

- Наши кровати весьма просторны, сэр.

- Ну да, как же иначе... - пробормотал Дэвид. Ощущая легкое головокружение, он попробовал зайти с другой стороны: - Послушайте, а как насчет жизнеобеспечения? Вы ведь не поселите дышащее аммиаком или кремниевое существо в один номер со мной?

- Сэр, в нашем отеле нет дискриминации! - сверкнул глазками клерк.

- Но ведь это меня убьет!

- Не обязательно, сэр, поскольку вы еще не выбрали комнату.

Дэвид глубоко вдохнул и осторожно произнес:

- Хорошо. Послушайте, есть ли у вас номера, где проживают только существа, чьи требования к жизнеобеспечению меня не убьют?

Джиодейн сверился с компьютером, воспользовавшись двумя руками из четырех.

- В номере сорок семь сейчас проживают пять существ, дышащих кислородом, и одно - хлором. Это лучшее, что мы можем предложить в данный момент, сэр.

- А дышащий хлором носит маску или что-то еще?

- Да, но не в своей комнате, сэр.

Дэвид ахнул:

- Тогда как же мне выжить в таких условиях?!

- Это не будет проблемой, сэр, пока вы остаетесь в своей комнате.

- Чушь какая-то... - покачал головой Дэвид.

- Эта комната отлично подойдет для моего друга, Йолиен, - услышался чей-то голос. - Запиши ее стоимость на мой счет.

Дэвид обернулся и увидел высокое, элегантное, относительно гуманоидное двуногое существо с золотисто-коричневой кожей, красивым львиным лицом и гривой золотистых перьев. «Неудивительно, что сосирин пришел ко мне на помощь», - подумал он.

Клерк сообразил на лету:

- Прекрасно, господин Райньян. Вот ваш ключ, сэр. - Он протянул Дэвиду небольшой прозрачный стержень.

Поощренный кивком сосирин, Дэвид взял ключ. Однако он все еще не разобрался в ситуации:

- Но как же?..

- Ты ведь здесь новичок, верно? - спросил Райньян, отводя Дэвида в сторону. - Понимаешь, все номера здесь - тессеракты^{*22}. Вокруг Оси существует искривление пространства-времени, и его тут используют для выхода в четыре измерения. Поэтому в трехмерном пространстве семь из восьми «граней» куба становятся комнатами, а восьмая - границей входа-выхода. Это единственный способ, каким весь комплекс Оси может справиться с таким объемом пассажиров.

До Дэвида начало доходить:

- Значит, мой ключ...

- ...поворачивает границу входа к конкретной комнате, с которой он связан. Пользуясь им, можешь не волноваться, что откроешь неправильную дверь, надышишься хлором и умрешь в мучениях, когда твои слизистые превратятся в соляную кислоту. - Он запнулся. - Ну, до тех пор, пока все работает нормально. Бригады техобслуживания бывают здесь реже, чем следовало бы, - продолжил он все тем же легким и ободряющим тоном, и Дэвид взглянул на ключ с опаской. - Ах, какой же я грубиян, до сих пор не представился. Райньян Зайнара ад Суринууууя. Добро пожаловать на Ось, путешественник.

²² * Тессеракт - четырехмерный куб.

Дэвид пожал ему руку:

- Привет. Я Дэвид Ламачча.

- Человек, правильно? - уточнил Райньян. - С Земли?

- И горжусь этим!

- Вот и прекрасно. Думаю, хоть кому-то надо ею гордиться. Знаешь, меня интересует ваша планета. Поэтому я и слонялся здесь: надеялся встретить кого-нибудь интересного с Земли. Ты интересный?

- Я и прилетел сюда, чтобы это узнать.

- Хороший ответ! Вы, люди, так ловко умеете отвечать «нет». Но все равно Земля - симпатичная планета, - продолжил он быстрее, чем Дэвид смог ответить. - Жаль только, что у вас много климатических катастроф. Наверное, они причиняют жуткие неудобства.

- Э-э... спасибо. Если честно, нам жилось бы намного хуже, если бы не ваша помощь.

Райньян с небрежным великодушием развел руками:

- Таково наше предназначение в этой Вселенной. В смысле, у нас нет собственных проблем, вот нам и приходится их импортировать. - Он выдал неплохую имитацию человеческого смеха. - А если серьезно: вашей планете повезло, что ее вовремя обнаружили. Тысячелетия назад и наш Райсос был примерно в таком же отчаянном положении. А потом контакт с сетью Оси, ее авансы и богатство позволили превратить нашу планету в нынешний рай. И наша привилегия - делиться... Ну, с теми, кто менее... привилегирован. - Он постучал по шее, где, вероятно, находился имплантат, переводящий его речевые импульсы на выбранный язык до того, как они достигнут рта. - Что-то здесь не совсем правильно работает.

- Я искренне восхищаюсь вашими соотечественниками, - заявил Дэвид, когда Райньян вел его к номеру отеля, а чемодан устало брел следом. - Вы поборники равноправия. Вы богаты, но это богатство не подгрести под себя кучка жадных олигархов. Вы стремитесь к тому, чтобы все получали от него выгоду.

- Благодарность остальных и есть наше богатство, - ответил сосирин.

- А теперь позволь мне совершить для тебя нечто действительно щедрое. Мой кузен на днях сделал крупное пожертвование сиротскому приюту, и я не переживу, если позволю этому невежественному хаму превзойти меня.

- Нет-нет, я не могу на такое согласиться! Комнаты в отеле вполне достаточно.

- Да брось, у тебя ведь должно быть какое-то желание. На что ты надеялся, отправляясь сюда?

Глаза Дэвида загорелись:

- Это цель всей моей жизни! Я мало что имел, пока рос, но всегда верил: я - мы, люди, способны на большее. Ведь перед нами целая Галактика, всего лишь на другой стороне Оси, и именно там находится

будущее человечества. И мое тоже. Я потратил все свои сбережения, лишь бы заполучить билет. И вот я здесь.

- Какая очаровательная история... А теперь, попав сюда, что ты будешь делать? Покончишь с собой, раз цель жизни достигнута? - спросил он с искренним любопытством. - Помочь тебе в этом будет несколько нетрадиционно, а извлечь из этого доход довольно сложно, но, пожалуй, я смогу что-нибудь придумать.

- Нет, я ведь только начал, - улыбнулся Дэвид. - Видите ли, я собираюсь выяснить, как работает Ось.

- О, это я могу рассказать! - с воодушевлением сообщил Райньян. - Она находится в центре массы ореола темной материи, окутывающей нашу Галактику и ее спутники, и она соединена со всеми точками внутри этого ореола - если знаешь правильный входной вектор. Надо лишь нырнуть в него с нужной скоростью и под нужным углом.

- Нет-нет, это я знаю! - перебил его Дэвид. - Я имел в виду другое. Я собираюсь выяснить то, чего еще никто не знает.

Райньян уставился на него:

- Ты говоришь о зависимости между векторами Оси и точками выхода?

- Да. И я намерен отыскать эту зависимость. Тогда можно будет отправиться в любое место Галактики по своему выбору, а не в результате проб и ошибок.

- О, как это восхитительно! - изумился сосирин. - Я и позабыл, что на вашей планете еще не научились лечить умопомешательство. Расскажи подробнее, это меня так воодушевляет!

Дэвид воспринял комментарий спокойно:

- Кто-то ведь должен решить эту проблему, так почему не человек?

- О, воистину курьезное заблуждение! И как ты намерен действовать?

Дэвид рассказал свой план: нанять разведчика - одного из пилотов, направляющих свои корабли в Ось под случайными векторами в надежде обнаружить новые, достойные интереса точки выхода. Один из таких разведчиков наткнулся на Солнечную систему тридцать четыре года назад. Как только вектор этого перехода был занесен в журнал и записан, он позволил стабильно летать к Земле - как минимум, до того момента, пока дрейф Солнца не удалит его от выходной точки сети в течение следующих двух-трех тысячелетий. Но если отклониться от правильного вектора на тысячную угловой секунды, то корабль может оказаться на другом конце Галактики или в Магеллановом Облаке: зависимость тут даже близко не приближалась к линейной, если вообще имелась. Дэвид верил, что она должна быть, и захватил с собой приборы, которые, как он надеялся, сумеют это доказать.

- Я буду собирать данные во время каждого прыжка, которые мы сделаем, и попробую отыскать закономерность. Вот почему мне нужен

именно разведчик: они совершают наибольшее количество прыжков.
- Тебе повезло, - сообщил Райньян. - Я знаю очень хорошего разведчика. И она тоже человек, поэтому уверен, что вы договоритесь. К тому же она меня просто обожает.

* * *

- Ты идиот, Райньян, - сообщила разведчица.

Ее звали Нашира Винг, и она всю жизнь пыталась оправдать свою фамилию²³. Ей просто очень не повезло - как выяснилось, пилотировать она умела лучше, чем делать что-либо другое.

- И твой приятель тоже, - продолжила она, - если думает, что у него есть хоть какой-нибудь шанс понять, как работает Ось.

Оскорбление Наширы привычно срикошетило от непробиваемого черепа Райньяна, однако за своего нового питомца сосирин вступился:

- Он не идиот.

- Спасибо, - поблагодарил Дэвид.

- Он сумасшедший, - пояснил Райньян, радостно улыбаясь. - А мне всегда хотелось завести себе хотя бы одного.

Нашира уставилась на него, склонив голову набок:

- По-моему, сумасшедших лечат, а не потакают их прихотям.

- Ну, лечить - это неинтересно. Никакого удовольствия.

Нашира повернулась к светловолосому парню и постаралась смягчить выражение лица. Вообще-то она была довольна «драконовской» суровостью своей внешности, которую ей придавали резко очерченные азиатские черты лица и пронзительное сопрано голоса, но этот Дэвид Ламачча оказался такой безобидной деревенщиной с широко распахнутыми глазами, что пугать его было все равно что ребенка.

- Послушай... Дэвид. Если бы имелся способ отыскать зависимость между входными векторами и точками выхода, кто-нибудь его уже нашел бы. Поэтому она и называется NP-полной задачей^{*24} - ее нельзя решить за ограниченное количество времени.

- Но решение может быть проверено за ограниченное количество времени, - возразил Дэвид, показывая, что он не полный невежда в

²³ * *Wing* (англ.) - крыло.

²⁴ * *В теории алгоритмов NP-полная задача - это такая задача из класса NP (от англ. non-deterministic polynomial = недетерминированная полиномиальная), к которой можно свести любую другую задачу из класса NP. Таким образом, NP-полные задачи образуют в некотором смысле подмножество «самых сложных» задач в классе NP; и если для какой-то из них будет найден «быстрый» алгоритм решения, то и любая другая задача из класса NP может быть решена так же «быстро».*

этом вопросе. - Если у нас есть теория для проверки, мы можем ее подтвердить.

- А с чего ты взял, что сможешь найти решение, которого никто на тысячах планет так и не отыскал? Может, ты супергений?

- Нет. Я самый обычный человек.

- И у тебя нет научных степеней по астрофизике, квантовой физике и чему-то подобному?

Он покачал головой:

- Они мне не нужны. - Он постучал по скуле около глаза, и Нашира увидела текст, мелькающий на его контактных линзах. - Вики-гуглер. У меня сумма всех человеческих знаний на кончиках пальцев. Или... на кончиках глаз.

- Что?! - Она расхохоталась. - И ты думаешь, что это наградит тебя какой-то особой проницательностью?

- Коллективной проницательностью всего человечества, - с гордостью ответил Дэвид.

- Так ты думаешь, она здесь что-то значит? - Ее лицо, а заодно и голос вновь обрели суровость. - Ты и понятия не имеешь, какова здесь реальная жизнь? Не понимаешь, что значит находиться среди обитателей множества миров, чьи цивилизации в тысячи раз старше нашей. Я все это уже слышала: люди удивляются, почему вся Галактика не сходит с ума по Шекспиру, Моцарту, Большому Каньону и шоколаду. А потому, что Галактика просто слишком большая! И очень старая. И в ней слишком много всего и разного. Все, что у нас есть, все, что мы когда-либо построили, написали или придумали, кто-то уже сделал раньше и лучше нас. Под звездами нет ничего нового... Как ты думаешь, почему Земля все еще настолько бедна после тридцати четырех лет в сети? Потому что нам нечего и некому предложить. Вот и у них нет причины заботиться о нас.

- А этот сосирин заботится, - возразил Дэвид, взглянув на Райньяна.

- Я тебя умоляю!.. Ты что, плохо слушал? Ты его новая игрушка. Для сосиринов благотворительность - лишь увлечение, чтобы убить время. Они решили все проблемы на своей планете и теперь помирают от скуки, не зная, чем заняться.

- Ты хотела сказать, - поправил Райньян с характерной для него вежливой снисходительностью, - что мы стремимся одарить других плодами своего процветания.

- Ага, чтобы мы вам благодарно кланялись и помогали верить, будто у вашего существования есть смысл. - Она повернулась к Дэvidу. - Но они никогда не страдали, никогда не желали чего-либо. Они не могут понять боль, поэтому не могут заботиться о ком-то по-настоящему. Так что пока ты еще не пострадал от его «щедрости», позволь мне проявить жестокость ради доброты. Плюнь на свою затею. Немедленно. Возвращайся в свой Мухосранск и иди работать

продавцом в магазине.

- Я не могу возвратиться, - сказал Дэвид. - Нет денег, чтобы жить здесь или купить обратный билет. Я могу двигаться только вперед.

Ее сердце грозило наполниться симпатией к бедному дурачку, поэтому она взяла его на короткий поводок:

- Райнъян был прав. Ты сумасшедший.

- Думаете, я не знаю, как смотрят на людей, мисс Винг? Именно из-за этого я здесь. Потому что кто-то должен это сделать. Потому что мы не можем допустить, чтобы нам и дальше промывали мозги и заставляли думать, будто Галактика неизмеримо выше нас. Да, у них тут полно разных диковинных штучек... но они - это не мы.

- И что, по-твоему, делает нас намного лучше всех остальных?

- Мы не лучше. Но мы *новые*. Мы можем взглянуть на Вселенную свежим взглядом, применить наш уникальный образ мышления и, вероятно, обнаружить такое, о чем никто из них даже не помышлял. Я не утверждаю, что это произойдет. Но знаю: люди способны внести в Галактику какой-то важный вклад. Так почему бы не этот? И как мы узнаем наверняка, если не попробуем?

- Что ж, должна признать: ты не мелочишься.

- А разве вас не вдохновляет подобная возможность? - продолжил он, блестя глазами. - Ведь вы разведчица! Первооткрыватель, бросающий вызов границам неизвестного. Вы ищете странные новые миры и новые...

- Если не заткнешься, я уйду, - пригрозила она. - Думаешь, это эффектная работа? Великое приключение, к которому ты можешь примазаться? Тогда послушай меня. Пространство не пустое. Оно *более* чем пустое. Пустота хотя бы подразумевает нечто такое, что можно наполнить. Пространство же - это ничто, только со следовыми примесями. А теперь представь, что ты зарабатываешь на жизнь, прыгая наугад в это ничто. Представь, каковы шансы материализоваться поблизости от такой следовой примеси, причем достаточно интересной, чтобы людям захотелось сюда прилетать. Можешь представить?

Он задумался, но она прервала его размышления, не дав ему заговорить:

- Отвечу за тебя - не можешь. Что бы ты ни представил, к истине это не имеет никакого отношения. И вот еще: ты понимаешь, что даже если случайно обнаружишь выходную точку сети поблизости от звезды или планеты, то никогда заранее не узнаешь, что не вынырнешь прямо внутри нее, получив мгновенные похороны или кремацию в качестве бонуса. Я вовсе не жалуясь - этот подтекст смертельного ужаса перед каждым прыжком помогал скрасить монотонность первого года-двух.

- А теперь?

- Теперь он служит лучиком надежды. Вот что означает быть

разведчиком сети, парень. Я занимаюсь этим не ради приключений, а потому что я человек, и это означает - я в отчаянном положении. Я бы уволилась быстрее прыжка в сеть, если бы получила лучшее предложение.

Райньян подался вперед, разглядывая ее с вождением:

- Та комната в моем поместье все еще ждет тебя.

- Я сказала: *лучшее* предложение. - Она содрогнулась. - Что это на тебя нашло? Я ведь даже не твоего вида.

- Мой долг сосирин - делиться щедростью моего народа с другими видами, - провозгласил он. - И если этот долг включает совместное восхищение чудесами сосиринского секса, то я готов его выполнить.

- Скорее, вы настолько унылы и скучны, что вынуждены искать развлечения на стороне. Спасибо, но я предпочитаю людей.

Сосирин пожал плечами:

- Что ж, если ты хочешь довольствоваться самцами всего с одним пенисом...

Дэвид поспешил вернуться к главной теме:

- А вы взгляните на мое предложение так: ваша работа станет менее скучной, если я составлю вам компанию. Мне все равно, найдем ли мы интересные точки выхода, я хочу изучать сами прыжки. - Он улыбнулся.

- И это означает, что все прыжки дадут какой-то результат, даже если после выхода мы увидим лишь пустоту.

- Верно, да только твой сумасшедший план с треском провалится, - возразила она.

Дэвида огорчило, что он не смог заразить ее своим энтузиазмом. Но сдаваться он не собирался.

- Если вы возьмете меня с собой, то хотя бы какая-то польза для вас будет. Вам за это заплатят. И вы сможете получить работу получше.

- У тебя нет денег даже на билет домой. Как же ты собираешься мне платить?

- Райньян согласился финансировать экспедицию.

- Это правда? - спросила она Райньяна.

- Чистая правда! Мне это представляется чудесным приключением. Разумеется, я отправлюсь с вами - хочу убедиться, что мои средства будут потрачены по назначению.

Нашира заколебалась. Перспектива общества Райньяна почти перевесила его деньги... но лишь почти. Если сосирины кайфуют, швыряя свои богатства на благотворительность, то кто она такая, чтобы этим не воспользоваться?

- Ладно, мистер Ламачча.

- Дэвид.

Она лишь нахмурилась.

- Это против моих принципов... Но до тех пор, пока мне будут платить, можете летать со мной... при условии, что мой начальник это одобрит.

- Креду такое наверняка не понравится - он терпеть не может отклонения от стандартной процедуры. Но и оснований для запрета у него тоже нет.

Дэвид пылко пожал ее руку:

- Спасибо, мисс Винг. Когда мы разгадаем тайну Оси, уж я позабочусь о том, чтобы в Википедии о вас говорилось только хорошее.

Райньян подался через стол и накрыл ее руку ладонью:

- Дорогая, если требуются всего лишь деньги, чтобы передумать...

Через секунду Райньян начал понимать, что такое боль.

* * *

- Это верно, что ты берешь с собой пассажиров, Винг?

Нашира вздохнула. Ей следовало предвидеть, что Мокак Векреди об этом узнает. Возможно, похожий на крота зегхрюк в некоторых отношениях близорук, но он всегда в курсе происходящего на станции Оси, которой руководит.

- Привет, Кред, - ответила она с наигранной симпатией. - Ты сегодня буквально сияешь, дорогой. Беременность тебе идет.

Крохотные глазки инопланетянина, приспособленные для ночного зрения, взглянули на нее из-за темных очков:

- Не понимаю, о чем ты. Я спрашивал о тех пассажирах. Они собираются изучать путешествия по Оси?

- Да, верно. Так когда появятся детки?

- Не знаю ни о каких детках, - отрезал Векреди, сползая в кресле, чтобы спрятать под столом разбухший живот.

Нашира подавила смешок. Зегхрюки, будучи гермафродитами, способными произвести на свет десятки выводков после единственного спаривания, размножались с поразительной скоростью. После контакта с сетью Оси они ликвидировали болезни и природные опасности на своей планете, из-за чего их популяция взрывообразно увеличилась, вынудив массово мигрировать на другие планеты. Узнав, что их безудержное размножение может породить у других галактических рас чувство угрозы, они приняли решение, типичное для склада ума зегхрюков: отрицая существование проблемы, они посчитали ее решенной. Они категорически отказывались обсуждать концепцию секса или размножения с представителями других рас, упорно настаивали на том, что все представители их расы - самцы, и отрицали, что они вообще когда-либо бывают беременны или растят потомство - даже при наличии очевидной беременности или окруженные детьми (их обычные состояния). Ксеносоциологи высказывали множество теорий, объясняющих такое странное поведение, но у Наширы имелась собственная теория - зегхрюки

просто идиоты.

Наверное, именно поэтому они так часто работали управленцами среднего звена.

- Твоя работа - искать выгодные точки выхода, - продолжил Векреди. - А не катать туристов.

- Разведчики всегда брали на борт ученых. Ты знаешь правила, Кред. Прихватив с собой эту парочку, я не нарушу инструкции. - Она знала, что для него это веский довод. Ему не хватало воображения, чтобы жить спокойно, если что-либо выходило за рамки четко расписанных процедур.

- Да, но досперхаги хотят, чтобы ты отказалась от этой конкретной... экспедиции.

- Досперы не владеют Осью, Кред. Ею никто не владеет.

- Она на их территории.

- Только потому, что они переместили к Оси свою звездную систему.

- Вот именно. Досперхаги вложили в Ось огромные средства. Они имеют право... проявлять интерес к ее работе.

Она покачала головой:

- То есть они попытаются предотвратить любую попытку выяснить, как действует Ось. Просто на случай, если кто-либо поймет, как создать еще одну и отобрать у них капусту.

Векреди моргнул:

- Их озабоченность простирается гораздо шире импорта овощей.

- Брось, Кред, они ведут себя как параноики! Никто и никогда не поймет, как работает Ось.

- Конечно, нет. Но досперхаги считают, что ученых следует отговаривать от столь тщетных усилий - и напрасного риска для их жизней.

Она понадеялась, что Векреди не знает, что такое коварство, и его слова не нужно воспринимать как замаскированную угрозу.

- Послушай, он всего лишь мальчишка с манией величия. Он даже свой паршивый номер в отеле с трудом может отыскать. Досперам не о чем беспокоиться.

Коротышка-управляющий заерзал.

- Полагаю, что нет. Однако... - Он подался вперед и заговорщически проговорил: - Никакие правила не будут нарушены, если этот эксперимент... не удастся. И такая неудача станет... предостережением в случае аналогичных попыток.

Ладно, значит, чуточка коварства в нем все-таки есть. Впрочем, немного.

- Ни за что, Кред. Я не стану портить оборудование парня.

- Какая тебе выгода его защищать, Винг? Только потому, что вы с ним одного вида?

Теперь он реально стал действовать ей на нервы, и она решила

отплатить той же монетой.

- Да, Кред. Я в него безумно влюблена. И собираюсь все путешествие заниматься с ним диким и необузданным сексом. - Векреди съезжился: зегхрюки не любили обсуждать сексуальную жизнь других видов. - И вообще, наверное, мы станем жить вместе и наплодим кучу детишек. Готова поспорить, что ты сможешь дать нам много чудесных советов по уходу за ними. А может быть, твои дети даже согласятся нянчить моих!

- Они не дети! - машинально возразил Векреди. - Они... маленькие родственники. И вообще, это к делу не относится.

- А в нашем разговоре ничего к делу не относится, Кред! Нет никакого смысла саботировать то, что и так не состоится!

Кред заерзал сильнее, разрываясь между двумя императивами: подчиниться приказам начальства или следовать своим любимым процедурам и руководствам. Нашира даже забеспокоилась, уж не взорвется ли его голова от напряжения. Впрочем, такое зрелище ее бы устроило.

- Ладно, - сообщил он в конце концов. - Я знаю, что тебе не терпится покончить с работой разведчика и пойти на повышение. И если я представлю хороший отчет о твоей работе, он может открыть для тебя новые двери.

Тут у нее впервые не нашлось язвительной ответной реплики.

* * *

На этот раз Дэвиду ничто не мешало любоваться полетом. Едва разведывательный корабль Наширы «Энтропия» вылетел со станции Оси в открытый космос, Дэвид изумленно ахнул. Небеса вокруг полыхали звездами и туманностями - ночное небо Земли по сравнению с ним казалось пустым, - но сам балдж^{*25} наполнял почти половину небосвода сплошным желтовато-белым светом.

На этом величественном фоне выделялись огромные кольцевые поселения-хабитаты, окружающие Ось концентрически. Их вращение обеспечивало различные уровни гравитации для проживания тысяч видов инопланетян, присоединившихся к сети Оси.

«Энтропия» стала лишь одним из бесчисленных кораблей,

²⁵ * *Особенностью центра Галактики является находящееся там звездное скопление в форме эллипсоида вращения, большая полуось которого лежит в плоскости Галактики, а малая - на ее оси. Балдж (от англ. bulge - «вздутие») - внутренний яркий сфероидальный компонент спиральных галактик. Размер его колеблется от сотен парсеков до нескольких килопарсеков. Балдж Галактики состоит в основном из старых звезд, движущихся по вытянутым орбитам.*

совершающих челночные полеты между кольцами станции Оси и мощной бронированной Оболочкой, окружающей Ось. Свечение, испускаемое их разнообразными двигателями и выхлопами, создавало многоцветное световое шоу, соперничающее с галактическим световым великолепием. Все это напоминало поток машин на земном шоссе, только в трех измерениях и с меньшей плотностью - смертельно горячие струи плазмы, вырывающиеся из термоядерных двигателей, предотвращали полеты «цепочкой».

Но кораблям разведчиков отдавался приоритет, ведь множество векторов Оси до сих пор оставались неисследованными. «Энтропия» обогнула скопление кораблей по зарезервированному для разведчиков коридору и вскоре уже проходила сквозь люк в Оболочке.

- Это не луна, а космическая станция, - язвительно заметил Дэвид, но Нашира его проигнорировала.

Пока они проходили сквозь хитроумную структуру из пусковых установок и сканеров внутри Оболочки, Дэвид наконец-то смог рассмотреть и саму Ось. На вид она оказалась менее впечатляющей, чем он ожидал - всего-навсего странная рябь в центре Оболочки, тускло светящаяся благодаря остаточной энергии, которая просачивалась сквозь нее буквально из каждой точки внутри галактического гало. На ней почему-то было трудно сфокусировать взгляд.

Но когда «Энтропия» заняла место на пусковой направляющей и начала перемещаться по внутренней кривизне Оболочки, нацеливаясь на траекторию прыжка, Дэвид вспомнил, насколько же Ось впечатляющая.

- Как это круто, - сказал он. - Ведь мы сейчас попадем в такое место, где ни люди, ни сосирины никогда не бывали за всю историю Вселенной.

- Ага, - подтвердила Нашира. - Кстати, ты не забыл обновить свое завещание? - Дэвид сглотнул, внезапно вспомнив, что говорила Нашира о рискованности своей профессии. Она усмехнулась, увидев его лицо. - Вот он, истинный дух разведчика Оси. Рада была с вами познакомиться, сопляки! - воскликнула она, когда корабль взлетел с направляющей и нырнул в Ось. Дэвид крепко зажмурился и снова пропустил момент перехода.

Через несколько секунд, осознав, что все еще жив, он осмелился открыть глаза - и тут же ахнул при виде зрелища, открывшегося ему на круговом экране кабины. Там, перед самым носом корабля, широко раскинулся Млечный Путь с четко различимыми двумя главными спиральными рукавами и центральной переемычкой. Чуть в стороне виднелись оба Магелланова Облака - два световых сгустка неправильной формы с бледной, едва различимой полоской между ними. Он посмотрел в другую сторону и увидел россыпь красно-

оранжевых солнц - шаровое звездное скопление в нескольких тысячах парсеков справа и впереди от корабля.

- Ух ты! - воскликнул он. - Видишь, Нашира? Это наш первый прыжок, а мы уже нашли такую красоту! Какие у нас были на это шансы?

Она закатила глаза:

- О, примерно 4999 из 5000. После прыжка мы можем попасть в любое место внутри гало, а галактики составляют одну пятидесятую процента от этого объема. Я такое вижу каждый чертов день. И не только я, но и туристы, которые летают в сотни точек выхода с похожими видами. Но не как попало, а только в те, где поблизости есть звезды и можно разместить туристические заведения и проводить экскурсии. А здесь нам еще повезет, если мы отыщем пылинку в пределах парсека.

У Дэвида вытянулось лицо. Нашира занялась пультом управления:

- А теперь давайте возвращаться, пока не потеряли луч.

Дэвид опустил ладонь на ее руку:

- Подожди. Мы можем здесь чуточку задержаться? Ведь этой мой первый прыжок.

- И мой первый на сегодня. Мне еще надо проверить кучу векторов.

- Пожалуйста. Разве ты не помнишь, что ощутила, когда увидела такое впервые?

Она вздохнула:

- Ладно. Думаю, вреда от этого не будет.

- Э-э... мы ведь сможем вызвать эвакуаторов после того, как отключится луч?

- Да, пока у нас есть квантилопы.

Дэвид упивался зрелищем, пока лазерный луч, державший открытой «дверь» вдоль вектора их прыжка, не отключился примерно через четыре минуты. Когда досперхаги случайно обнаружили Ось тысячелетия назад, они потеряли много зондов и кораблей во время межзвездных путешествий в один конец, пока не открыли «эффект луча». Это простое открытие сделало Ось пригодной для межзвездных полетов и начало объединять Галактику. В результате досперхаги стали одной из самых процветающих и влиятельных рас Галактики - хотя особенности биологии (планета с малой силой тяжести и бедная металлами) ограничивали их возможности. Поэтому они с удовольствием делили бремя управления Осью с другими. Дэвид взглянул на свои приборы, надеясь, что их показания породят еще одну простую революцию - для блага всех, но от имени человечества. Нашира заметила этот взгляд.

- Ладно, почему бы и не спросить: в чем суть твоей великой теории о том, как работает Ось?

Дэвид улыбнулся, радуясь ее интересу, пусть даже поверхностному.

- Идею я взял у физика двадцатого века, его звали Ричард Фейнман. Он считал, что каждая частица во Вселенной - на самом деле одна и та

же частица, бесконечно скачущая туда-сюда сквозь пространство и время. Ну а по моей теории, каждая частица во Вселенной - это лишь поперечное сечение одной большой космической струны, а Ось - нечто вроде клубка, где все эти пути пересекаются. Векторы Оси - это пути, которые выбирают струны. Поэтому если я смогу идентифицировать сигнатуры струн и понять, как они пересекаются, мы сумеем предсказать, где именно выйдет вектор Оси!

Нашира долго смотрела на него, пока Дэвид не спросил:

- Я понятно говорю? Тебе надо что-то объяснить?

Она обернулась к Райньяну:

- Знаешь, Райньян, я должна перед тобой извиниться. На сей раз ты оказался прав. Ты нашел первосортного психа.

Райньян прихорошился и почистил перышки:

- Я приношу тебе только лучшее, птичка моя.

- Для вас это звучит безумно только потому, что эта теория не признана в Галактике, - пояснил Дэвид. - Но ее необходимо проверить!

- Я всего лишь водила. Играй со своими приборчиками, сколько хочешь, мне плевать. Что бы эти железяки ни показывали, это не моя проблема.

Дэвид усмехнулся:

- Ты заговорила так, словно вот-вот произойдет что-то плохое. И что с нами может случиться?

- Ничего. Неважно. - Нашира кашлянула и направилась к рубке связи. - Я вызываю эвакуаторов.

Дэвид поспешил за ней:

- Никогда не видел квантилопу.

Квантилопа оказалась маленьким, похожим на кролика существом с фиолетовым мехом и двумя рогами на голове. На ее хрупкие плечики опиралась вся галактическая цивилизация. Ось позволяла совершать мгновенные путешествия, но утечка остаточной энергии в точке входа препятствовала любому радиообмену. Единственным способом связи с Осью - как для подтверждения стоящей внимания точки выхода, так и для запроса луча для возвращения - служил разговор с квантилопой. Каким-то образом в ультрахолодной среде их родной планеты эти существа на основе аммиака эволюционировали, имея в крови конденсаты Бозе-Эйнштейна^{*26}, что позволяло их мозгам

²⁶ * Конденсат Бозе-Эйнштейна - агрегатное состояние материи, основу которой составляют бозоны, охлажденные до температур, близких к абсолютному нулю (меньше миллионной доли градуса выше абсолютного нуля). В таком сильно охлажденном состоянии достаточно большое число атомов оказывается в своих минимально возможных квантовых состояниях, и квантовые эффекты начинают проявляться на макроскопическом уровне.

Бозоны, которыми являются, например, и отдельные

поддерживать квантовое «связывание» со своими родственниками. Небольшая генная инженерия превратила их в квантовые радио - теперь квантилопа могла, подобно попугаю, повторять все, услышанное другой квантилопой, с которой она была связана. После этого они стали незаменимы для межзвездной связи, но нежелательны в роли домашних любимцев у кого-нибудь в спальне.

Дэвид уставился на них с благоговением, но сдержался и не захихикал, когда эта милая зверушка посмотрела на него из криобака и пробасила:

- Вы опаздываете, «Энтропия». Есть что доложить?

- Ложная тревога, - ответила Нашира и запросила луч.

Через несколько секунд вспыхнуло пятнышко лазерного света. Искажение в точке выхода порождало рассеивание, поэтому свет был виден с любого направления. Нашира развернула корабль, выровняла его точно по лучу и вернулась на центральную станцию Оси.

- Сделай нам одолжение, - попросила Нашира, когда они вернулись в Оболочку. - Уйди прямо сейчас и прихвати с собой этого озабоченного. Ты все равно ничего не отыщешь.

- Но мы едва начали искать, - возразил Дэвид. - И я с удовольствием полюбовался бы на Галактику еще с нескольких десятков точек.

- А ты что скажешь, Райньян? Мы занимались делом почти пятнадцать минут. И тебе это почти наверняка успело надоесть.

- Мне не бывает скучно, когда я люблю твою красотой. Но если честно, твой комбинезон не позволяет мне делать это в полной мере. Я тебе куплю красивое нижнее белье с Земли, и ты завтра наденешь его для меня.

Нашира резко развернула корабль, устремляя его к пусковой направляющей, и Райньян шмякнулся о переборку.

- О, как мне нравится твоя экзальтация, - восхитился он.

- Последний шанс сойти и избавить нас всех от лишних проблем, - сказала она Дэвиду.

- Я так легко не сдаюсь, - заявил он. - Давай нырять.

Второй прыжок они сделали по той же траектории, но на сантиметр в секунду быстрее. Они вынырнули на добрую сотню килопарсеков от предыдущей точки и на этот раз увидели Млечный Путь с другой стороны и ребром. За следующие два десятка прыжков Дэвид, безусловно, исполнил свое желание увидеть родную Галактику, а также

элементарные частицы - фотоны, и целые атомы, могут находиться друг с другом в одинаковых квантовых состояниях. Эйнштейн предположил, что охлаждение атомов-бозонов до очень низких температур заставит их перейти (или, по-другому, сконденсироваться) в наинизшее возможное квантовое состояние. Результатом такой конденсации станет возникновение новой формы вещества.

ее различные спутники и звездные скопления, расположенные внутри того же гало темной материи, под самыми разными углами.

На второй день шикарное нижнее белье, на которое расщедрился Райнъян, было выброшено в космос в восьми тысячах парсеков за карликовой галактикой Большого Пса. На третий день они материализовались внутри звездного потока в созвездии Девы - остатке карликовой шаровой галактики, разорванной на части по мере ее медленного слияния с диском Млечного Пути. Несмотря на восхищение межгалактическими безднами, Дэвид испытал нечто вроде облегчения, увидев звездное небо, пусть даже с редкими звездами, как это.

- Я улавливаю энергетические импульсы, - сообщила Нашира. - Похоже на радар.

Дэвид встрепенулся:

- Новый вид? Первый контакт?

Она внимательно изучала сигналы, нацелив антенну на источник:

- Может быть. Если нам повезет...

- Тебе наверняка выплатят огромную премию!

- Не помешало бы...

Но тут ее плечи поникли, а потом она сильно ударила Дэвида в плечо:

- Черт бы тебя побрал! Проклятый идиот, только зря пробудил во мне надежду!

- А что это? Не инопланетяне?

- Они самые, и еще какие! Отличная и большая долбанная техническая цивилизация с колониями по всей их системе.

- Тогда что же?..

- До них восемь световых лет, вот что! Мы не можем к ним полететь! Не можем установить контакт! Это даже хуже, чем ничего не найти! Теперь дошло, почему я ненавижу эту работу?

- Слушай, это ведь не полная неудача. Здесь наверняка захотят создать научную станцию, чтобы их изучить.

- О, ученые... как здорово. Ни туризма, ни торговли. И на премиальные я смогу купить новые туфли. - Она скривилась. - А теперь мне придется еще и отстать от графика, чтобы собрать предварительные данные. Подарочек для моих внуков, которых у меня никогда не будет при таком везении.

- Но ведь заниматься наукой - это так здорово...

- Хочешь заняться наукой?

- Еще как!

- Нажми эту кнопку.

Дэвид нажал:

- И что дальше?

- А ничего. Все уже сделано. Корабль записывает данные. А ты что думал: у меня степень по ксенологии? Я просто пилот. - Она скрестила

на груди руки. - Теперь делать нечего, только сидеть и ждать.

Она пошла на корму за бутербродом. Дэвид услышал, как Райньян двинулся на перехват.

- Если тебе захочется провести время приятно, то хочу сообщить: я прочитал «Камасутру». По-моему, там есть кое-какие идеи, весьма подходящие для слияния наших тел.

- Слушай, Райньян, помнишь теорию Дэвида? О том, что все частицы в наших телах на самом деле одна-единственная частица, замкнутая на себя?

- Да, - озадаченно подтвердил он.

- Так вот, если он прав, то когда захочешь секса со мной... можешь просто ограничиться собственным обществом.

* * *

- Вполне приемлемые результаты, - сообщил Векреди Нашире, просмотрев ее отчеты. - Я передам в научный отдел, где их со временем обработают. Размер твоих премиальных будет зависеть от того, насколько полезными они окажутся.

Университетам и научным центрам и так хватало работы на столетия вперед. Если ей повезет, то она успеет получить премиальные до выхода в отставку. Разумеется, если до нее доживет.

- Полагаю, мистер Ламачча пока не продвинулся вперед?

- Конечно, нет, Кред.

Он взглянул на нее сквозь очки:

- Значит, ты предприняла действия по... нейтрализации его оборудования?

- Его оборудование - давно устаревший хлам, и он едва понимает, как с ним обращаться. Даже если бы и было, что находить, я бы не потрудилась его портить. Я не бью ногами тех, кто уже в нокауте. Это не стоит боли в пальцах.

- Прекрасно, - решил Векреди, немного подумав. - Поскольку твоя позиция ясна, мы больше не будем говорить на эту тему.

- Давно бы так. - Она не сказала начальнику, как сильно ей хотелось испортить оборудование Дэвида. Эта премия ей очень бы не помешала, даже если бы ее заплатили за бессмысленный поступок. Но если она позволит Креду и его боссам использовать ее подобным образом хотя бы раз, то уже никогда не сможет от них освободиться.

А может быть, ей просто не нравилась идея предать Дэвида Ламаччу. Она отнюдь не впала в сентиментальность - если бы решила, что в ее интересах навешать ему лапши на уши, так бы и поступила и потом не мучилась бы угрызениями совести. Но все же она была рада, что делать этого не пришлось.

Вскоре их приключения стали ежедневной рутинной: Дэвид импровизировал со своими приборами, изобретая новые методы сканирования, Райньян «руководил» и флиртовал, а Нашира игнорировала обоих, насколько могла. Каждое утро она советовала им плюнуть на все и оставить ее в гордом одиночестве, и каждое утро они забирались в корабль, полные неувядающего энтузиазма.

Но спустя неделю, в течение которой никто из троих не продвинулся к цели, Дэвид начал думать об изменении тактики.

- Нам нужно проходить сквозь Ось как можно медленнее, - сказал он Нашире. - Не влетать в нее, а просто дрейфовать. Возможно, более медленный переход обеспечит меня лучшими данными.

- Но прыжок мгновенный, - возразила Нашира.

- Такого быть не может. Нос корабля входит в Ось раньше, чем корма. Переход должен иметь какую-то длительность.

- Диспетчерам это не понравится. Медленный прыжок означает задержки для других кораблей.

И Дэвид повернулся к сосирину:

- Райньян?

- Не волнуйся. Я уже перевожу им взятки.

Вот так благодаря щедрости сосириня один диспетчер смог закатить роскошный обед в честь годовщины свадьбы для каждой из шести своих жен, другая смогла украсить собственное жилище-теплицу лучшими к'слинскими порнографическими фигурно подстриженными растениями, а Нашира успела прочитать сообщения с оскорблениями и угрозами от дюжины коллег-пилотов еще до того, как «Энтропия» наконец-то проползла сквозь Ось.

Когда они оказались в точке выхода, она все еще сочиняла достойные оскорбительные ответы, надеясь спровоцировать после возвращения хорошую драку в комнате отдыха для пилотов и в результате заработать достаточно сломанных костей, чтобы получить отпуск по болезни. Поэтому она не обратила внимания на Дэвида, когда тот радостно ахнул. Равно как и на восхищение Райньяна.

Тогда Райньян схватил ее голову сзади и поднял к обзорному экрану. И ее тоже исполнило ликование.

- В жизни не видел ничего подобного! - воскликнул Дэвид.

- И я, - согласился Райньян.

- Вряд ли кто вообще такое видел, - заключила Нашира.

А обнаружили они, как сообщил корабельный компьютер, переварив результаты нескольких минут сканирования, красный гигант на расстоянии примерно двух астрономических единиц^{*27}. Но не простой. У этой звезды оказалось не один или два, а целых четыре горячих

²⁷ * *Астрономическая единица - расстояние от Солнца до Земли, около 150 миллионов километров.*

газовых спутника типа Юпитера на близких орбитах. Все четыре были поглощены разбухающей атмосферой звезды, преодолевшей границы главной последовательности**²⁸. Но планеты не испарились полностью, потому что были очень большими, а окутывающий их чрезвычайно горячий звездный водород был также чрезвычайно разреженным. Скорее, они прорезали дыры в гигантском водородном облаке, пропахивая себе путь по орбите. Сила их притяжения сконцентрировала водород звезды в зоны между их орбитами, удерживая его на месте, несмотря на давление солнечного ветра от раскаленного добела умирающего ядра. Трение о звездную атмосферу размыло их атмосферы, и те растянулись позади планет наподобие кометных хвостов. Солнечный ветер сдувал их наружу, от звезды, и эти хвосты смешивались с водородом между планетами, приправляя его небольшими количествами аммиака, метана, кристаллов льда, углеводородами и органическими соединениями.

Короче говоря, только что родившийся белый карлик окружала целая система гигантских разноцветных колец, настолько огромная, что планеты-гиганты выполняли в ней роль лун-«пастухов»²⁹. Эти кольца

²⁸ ** Главная последовательность - область на диаграмме «Цвет - звездная величина», содержащая звезды, источником энергии которых является термоядерная реакция синтеза гелия из водорода. Существование главной последовательности связано с тем, что стадия горения водорода составляет примерно 90% времени эволюции большинства звезд: выгорание водорода в центральных областях звезды приводит к образованию изотермического гелиевого ядра, переходу к стадии красного гиганта и уходу звезды с главной последовательности. Относительно краткая эволюция красных гигантов приводит, в зависимости от их массы, к образованию белых карликов, нейтронных звезд или черных дыр. Достаточно длительный период относительно спокойного истечения вещества с поверхности красных гигантов заканчивается сбросом его оболочки и обнажением его ядра. Такая сброшенная оболочка наблюдается как планетарная туманность. Белые карлики начинают свою эволюцию как обнажившиеся вырожденные ядра красных гигантов, сбросивших свою оболочку, то есть в качестве центральных звезд молодых планетарных туманностей. Массы белых карликов составляют порядка солнечной, но размеры составляют лишь сотую (и даже меньше) часть солнечного радиуса, т. е. плотность вещества в белых карликах чрезвычайно высока. Поскольку белые карлики лишены собственных термоядерных источников энергии, то они излучают за счет запасов своего тепла.

²⁹ * Кольцевые структуры вокруг планет типа Юпитера иногда стабилизируются лунами-«пастухами», орбиты которых проходят

находились внутри разреженных остатков наружной атмосферы красного гиганта - за исключением уже сброшенных ее слоев, где начала формироваться планетарная туманность, окружающая вложенные кольца.

- Ничего прекраснее я в жизни не видел, - выдохнул Дэвид.

- К черту красоты - я на этом разбогатею! - возликовала Нашира. - Надо скорее возвращаться, мне необходимо заявить права на это место. Кольца Винг - вот как их назовут!

- Ты сумеешь это сделать? - спросил Райнъян.

- Если потороплюсь. И если смогу на сегодня покончить с работой и оформить бумаги на свое имя до того, как придется доложить об открытии Креду. Мне все равно еще надо отрабатывать тонну долгов, но рано или поздно я уйду с этой дерьмовой работы и плюну им в физиономию и разные сенсорные кластеры! Так, сейчас одно быстрое сканирование - и мы возвращаемся!

- Эй, что за спешка? - спросил Дэвид. - Брось, Нашира, ты только взгляни на все это! Ты обнаружила нечто невероятно прекрасное, нечто такое, чего никто и никогда не видел. Как ты можешь этим не восторгаться? Не подарить себе и нам чуточку времени, чтобы наполнить сердца восхищением?

- Ты прав, - нехотя согласилась она. - Это изумительное место. Потрясающее. Кто угодно выложит состояние, чтобы поселиться здесь на пенсии. И я могу никогда больше его не увидеть. Такова жизнь разведчика, понимаешь? Мы испытываем разные векторы, каждый раз попадая в новые места. Что ж, здесь мы уже побывали, и это означает, что сюда я больше не вернусь. Тогда какой мне смысл переживать?

Дэвид пришел в замешательство:

- Но... если ты уйдешь с работы, ты ведь можешь сюда вернуться.

- Если повезет, - ответила она, напомнив о суровой реальности. - Если ничего не сломается и не пойдет наперекосяк. Если я завтра не материализуюсь внутри коричневого карлика^{*30}. Такова моя жизнь, парень.

Дэвид некоторое время молчал, потом сказал:

вблизи наружных краев колец или в промежутках между ними. Сила притяжения таких лун поддерживает четкие очертания кольца - материал, приближающийся к ее орбите, или отражается к телу кольца, или падает на луну.

³⁰ * *Коричневые или бурые карлики - субзвездные объекты с массами в диапазоне 0,012-0,08 массы Солнца, или от 13 до 75-80 масс Юпитера. Вопреки распространенному мнению, в них идут термоядерные реакции, но, в отличие от звезд главной последовательности, они не могут компенсировать потерю энергии на излучения и относительно быстро замедляются, со временем превращаясь в планетоподобные объекты.*

- Мне очень жаль.

Прозвучало это настолько жалостливо, что она его возненавидела.

Несколько минут она игнорировала его, изучая результаты сканирования и желая убедиться: поблизости нет ничего такого, что смогло бы испортить ей находку. Удовлетворившись результатами, она выпрыгнула из кресла и направилась в рубку связи, протиснувшись мимо Райньяна, слонявшегося возле люка. Тот явно получил удовольствие от тесного контакта.

- Я вызываю луч. Чем скорее я от вас, парочки чокнутых, избавлюсь, тем лучше. Выброшу вас из головы, и дело с концом.

А через несколько секунд она завопила.

- Что случилось?! - крикнул Дэвид, примчавшись в рубку. Райньян практически не отстал. Она лишь молча показала, и они увидели сами. Квантилопы были мертвы.

Быстрый осмотр показал, что теоретически безотказные системы криобака все-таки отказали. Квантилопы сварились заживо задолго до того, как температура в нем поднялась до комнатной.

- Безобразия! - заявил Райньян. - Когда мы вернемся, я обязательно подам иск на производителя.

- Когда мы вернемся?! - вскричала Нашира. - И как именно мы это сделаем? Мы не можем связаться с Осью!

- Разве они не пошлют корабль отыскать нас, когда не дождутся нашего сигнала о возвращении? - спросил Дэвид.

- Может быть, лет через пять. Откуда им знать: вдруг мы сейчас внутри планеты, или застряли здесь из-за войны, или угодили под волновой фронт взрыва сверхновой? Они подождут, пока теоретическая опасность минует эту точку выхода.

- Ясно. - Он помолчал. - Что ж, в таком случае нам нужно придумать что-нибудь самим.

- Ты что, не понял? Мы покойники! В этой системе нет места, пригодного для жизни. А запасов на корабле меньше, чем на неделю - для троих. Господи, уж лучше бы мы сразу выскочили внутри чертовой звезды и мгновенно испарились.

Она вернулась в кабину и уселась в кресло пилота, борясь с искушением запустить двигатель и направить «Энтропию» к звезде. Потом уперлась головой в консоль и обхватила голову руками. «Вот уж не ждала такой смерти. Думала, никогда даже не узнаю, что умерла». И она прокляла Вселенную за то, что та подразнила ее надеждой перед самой гибелью.

Она ощутила на плече ладонь - спасибо, что человеческую.

- Возможно, есть другой выход, - сказал Дэвид. - Может быть, мои измерения помогут рассчитать обратный путь... или хотя бы связаться с Осью.

- Не обманывай себя, парень. Ты умрешь.

Он сел рядом с ней.

- Если попробуешь, то хотя бы получаешь шанс. А если нет, то и шанса нет. В этом весь смысл твоей работы, Нашира. Вот почему я так тобой восхищаюсь. Твоя работа - это игра с неравными шансами. Ты рискуешь всем, лишь бы отыскать нечто, и с минимальными шансами на успех. И то, что ты вообще этим занимаешься, подсказывает мне: ты веришь в надежду!

- Надежда лишь готовит к разочарованию, Дэвид.

- А я не верю в разочарование, - заявил Райнъян. - Только в отложенное наслаждение. Мы будем дома к обеду. - Он почесал живот.

- И это мне напоминает, что нужно перекусить.

- Валяй, - разрешила Нашира. - Экономить еду смысла нет.

- Нашира...

- Не надо, Дэвид. Иди поиграй в свои игрушки - пока не поймешь, что нам конец.

Просидев несколько часов с приборами, он с отчаянием зарычал.

- Хочешь, угадаю результат? - поинтересовалась Нашира.

- Задача не безнадежна, - возразил он. - Просто трудна.

- Там ничего нет.

- Есть кое-какие данные... Мне лишь надо в них разобраться.

- Случайный шум.

- Я не сдаюсь. По меньшей мере... - Он вздохнул. - По меньшей мере, это дает мне хоть какое-то занятие...

- Значит, ты наконец-то начал это признавать.

Он вернулся в свое кресло рядом с ней:

- Ладно. Может быть, мы здесь умрем.

- Как ты можешь говорить об этом так спокойно? - удивилась она.

- Шутишь? - Он показал на дисплей. - Ведь я увидел это!

- И ты не разочарован тем, что тебе уже не суждено разгадать тайну Оси и заставить всю Галактику обратить внимание на человечество?

- Я хотя бы попытался. Я поставил себе цель, грандиозную цель. Я знаю многих людей, которые мечтают сюда попасть. Но они никогда не исполнят свою мечту. Потому что они недостаточно глупы или безумны, чтобы рискнуть всем ради такой попытки. А я был таким. Глупым. Безумным. И поэтому я попробовал. И оказался здесь. Может быть, я умру, но перед смертью я хотя бы действительно *жил*. - Он с восхищением посмотрел на кольца. - Просто взгляни на это, Нашира. Нам довелось увидеть такое, чего не видел никто и никогда. И все это наше - до конца наших жизней. Не такой уж плохой финал, верно?

Какое-то время Нашира смотрела ему в глаза.

Затем повернулась к дисплею и впервые по-настоящему увидела кольца.

Вскоре они расплылись, и она поняла, что плачет. От изумления.

- Как они прекрасны.

- Мы живем в потрясающей Вселенной, - сказал Дэвид.

- Да... наверное, иногда это так. - Она вдруг поняла, что опять смотрит ему в глаза... и что ей не хочется отводить взгляд... и что она все ближе к нему, ближе...

И тут сработал сигнал тревоги - невдалеке от корабля что-то появилось. Нашира изумленно уставилась на экран:

-Что? Там... к нам подходит корабль! Он только что прошел сквозь Ось! Мы спасены!

- Что ж, они как раз вовремя, - прокомментировал Райньян. - Еда на этом корабле не привела меня в восторг.

Нашира заметила в его голосе нечто большее, чем обычную невежественность. И повернулась к нему:

- Кто эти «они»?

- О, всего лишь мои друзья. Если честно, мои деловые партнеры. Они прилетели, чтобы подстраховать мою заявку.

Нашира встала:

- Твою заявку?

Он ухмыльнулся и показал на восхитительное зрелище за бортом:

- Добро пожаловать к Кольцам Райньяна. Я собираюсь подарить их сети, превратив в федеральный парк, чтобы вся сеть могла ими любоваться!

- Ты... ты!.. Когда, черт побери, ты?.. И как?..

- О, я связался с ними еще несколько часов назад! Пока ты сканировала систему. Квантилопы тогда были в полном порядке. Надеюсь, я там ничего не сломал.

- Сволочь! - Она прижала его к переборке. - Ты прокрался на мой корабль, и у тебя хватило наглости опередить мою заявку?!

- Предпочитаю расценивать свой поступок как спасение твоей жизни. А это - и я уверен, что ты согласишься, - гораздо более щедрый поступок, нежели позволить тебе сделать заявку на Кольца. И после такого подарка, как Кольца, весь Райсос будет мне завидовать, когда наступит сезон подведения итогов!

- Спас меня? Ты ведь не мог знать, что мы окажемся в опасности, когда выходил на связь!

- Намерение не имеет значения, - проговорил он с блаженной улыбкой Будды, проглотившего канарейку. - Смысл кроется в самом подарке.

* * *

- Поломка криобака сейчас расследуется, - сообщил им Векреди после возвращения на станцию 3742. - Естественно, надежность системы связи через квантилоп имеет для нас наивысший приоритет. Но я надеюсь, что это происшествие заставило вас уяснить, мистер

Ламачча: разведывательные задания очень опасны сами по себе. Если вы продолжите ваши исследования в том же духе, руководство Оси не будет нести ответственность за последствия. Вы меня поняли, сэр?

- Да, спасибо, - подтвердил Дэвид. - Ваш переводчик работает хорошо.

Векреди удовлетворенно кивнул и вперевалочку вышел. Едва он оказался за пределами слышимости, Нашира ткнула Дэвида в плечо:

- Ну что, дошло наконец-то, малыш? С переводом или без, но это была угроза. Криобак не мог просто взять и сломаться. Это был саботаж.

- Ты точно знаешь? - не поверил Дэвид.

- Доказать не могу, но знаю. Досперы хотели, чтобы я испортила твои приборы, но я отказалась. Поэтому они кого-то заставили устроить диверсию на моем корабле.

- Но зачем им было это делать?

- Потому что они не хотят потерять монополию на межзвездные путешествия! Если ты продолжишь копать, Дэвид, они и дальше будут пытаться тебя остановить.

- Господи... - пробормотал он. И улыбнулся. - Так это здорово!

- Здорово, что они попытались нас убить?

- Ты что, не поняла, Нашира? Тысячи видов разумных существ изучали Ось, и ничего не нашли. И если досперхаги боятся того, что я делаю... значит, они наверняка думают: у него есть шанс. Шанс, что люди - незначительные, отсталые люди - могут предложить Галактике то, что не может никто иной.

- А ты понимаешь, что это значит?

- Это значит, - задумчиво произнес Райньян, - что ответ, может быть, все-таки существует. Ответ, который досперхаги скрывают. Выходит, не исключено, что ты вовсе не сумасшедший.

- Даже больше, - подхватил Дэвид. - Это значит...

Нашира вздохнула. Ей не понравилось, что она начала понимать логику его мышления.

- Это значит, что ты не можешь сдать сейчас. Что ты и дальше станешь пытаться доказать Галактике, на что способно человечество.

- Правильно. - Он пожал плечами. Может быть, я перестану исследовать переходы сквозь Ось - во всяком случае, исследовать открыто. Я не настолько тупой. - Он подмигнул. - Но должны быть и другие вещи, которые люди могут предложить Галактике. И я намерен их отыскать, сколько бы времени на это ни ушло. Подобно тому, как ты обязательно когда-нибудь отыщешь другое особое место, сколько бы времени на это ни ушло.

- И подобно тому, - продолжил Райньян, - как я отыщу способ разделить чудеса сосиринского секса с Наширой, сколько бы...

- Не дожدهшься, Златовлас, - бросила в ответ Нашира и снова

повернулась к Дэвиду. - Ты наживешь себе кучу разных проблем.

- Тогда очень хорошо, что Райньян будет со мной и поможет их решить.

- Повторю: ты наживешь себе кучу проблем.

Она снова вздохнула, зная, что ей придется опекать парнишку, пока тот не наберется опыта в этой большой и жестокой Галактике. Хотя бы потому, что она не могла без содрогания представить, что случится с репутацией человечества, если пустить в свободное плавание Дэвида и Райньяна.

Но может быть, подумалось ей, когда она любовалась глазами Дэвида и его заразительной улыбкой, у нее есть и парочка других причин волноваться о том, что с ним станет. Наверное, он напомнил ей, что испытываешь, когда за кого-то волнуешься.

Поэтому ей придется быть рядом с ним, пока она не поймет, что с ним сделать - или поблагодарить, или отомстить.

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Christopher L.Bennett. The Hub of the Matter. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2010 году.

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

ИСТОРИЯ МЁРТВОЙ ГОЛОВЫ

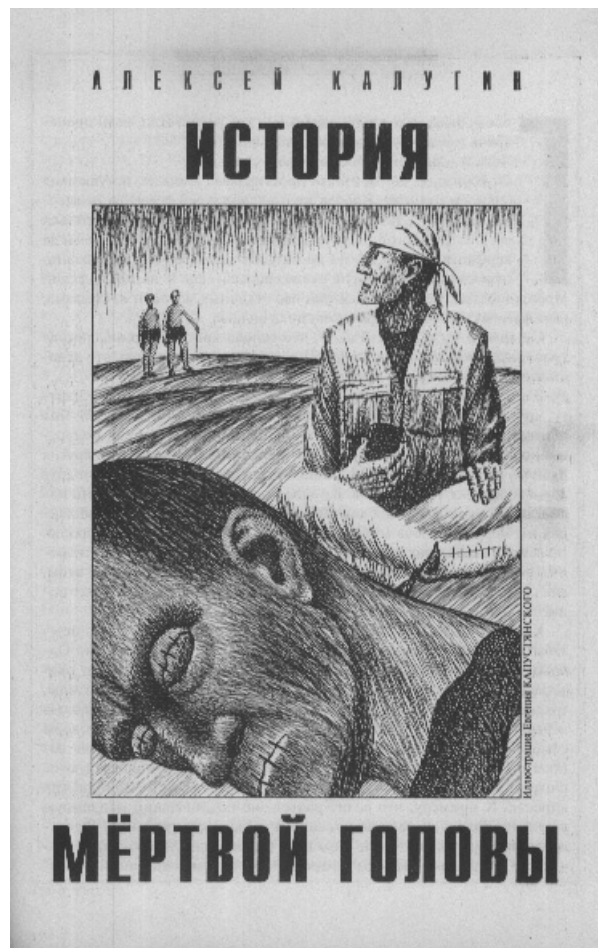

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Голова была похожа на старый мяч для регби. Или, если пренебречь размером, на высушенный финик.

Чейт А озадаченно посмотрел по сторонам.

От горизонта до горизонта простиралась плоская, иссушенная солнцем равнина. Ключья желтой, пожухлой травы да невысокие кустики с иголками вместо листьев не в счет. Спрятаться среди этой убогой растительности могли разве что ящерицы да карфанги - мелкие, но до безумия дерзкие зверьки, помимо отъявленной храбрости отличавшиеся еще и патологической агрессивностью. Чейт лишился трех пар отличных мокасин из коззама, разодранных в ключья карфангами, пока он спал.

С первого взгляда было ясно, что голова когда-то принадлежала гуманоиду. Остатки волос собраны в хвост на макушке, как это делали дзиттеры из племени шохенов.

В справочнике, который Чейт пролистал перед высадкой на Дзитту, говорилось, что на бескрайних просторах равнины Чок-М-Чол обитает порядка полутора сотен племен дзиттеров. Племена попеременно то воевали друг с другом, то заключали союзы против других племен, то приносили жертвы одним и тем же богам, то убивали друг друга во имя

все тех же богов. В общем, все как у людей. Чейта это мало интересовало. Он имел дело только с шохенами. И то, что найденная им мертвая голова могла принадлежать шохену, было нехорошо. Во всяком случае, так он поначалу подумал. По здравом же размышлении выходило совсем плохо. Стоило только Чейту подумать об этом, как сразу нарисовался целый ворох проблем. И вот главная: Чейт понятия не имел, что с этой самой головой делать.

Казалось бы, само собой напрашивалось простейшее решение - забыть о странной находке и заниматься дальше своими делами. Однако, как подсказывал опыт, наиболее простое решение могло оказаться заодно и самым глупым. В примитивных общинах ритуалы, традиции и установленные кем-то в незапамятные времена правила играют чрезвычайно важную роль. Чейт знал, как вести переговоры с шохенами. Знал, как решить интересующие его практические вопросы. Но он понятия не имел, какими правилами руководствуются шохены в повседневной жизни. А не зная этого, можно было попасть впросак. К примеру, что если человек, не подобравший найденную в пустыне голову, совершал тем самым тяжкое преступление? В соответствии с кодексом чести шохенов, разумеется. Могло такое случиться? Очень даже! За годы странствий по чужим планетам, населенным самыми удивительными и причудливыми обитателями, Чейт и не с таким сталкивался. Весь его богатый жизненный опыт свидетельствовал о том, что ни в коем случае нельзя подходить к инопланетянам с людскими мерками. Даже если внешне они очень похожи на людей. В этом случае как раз наоборот: следует быть предельно осторожным и осмотрительным, постоянно напоминая себе, что имеешь дело не с человеком.

Чейт сел на землю, сложил ноги крест-накрест и задумчиво посмотрел на голову. Он умел справляться с нештатными ситуациями. Внезапные удары судьбы, которые любого другого непременно выбили бы из колеи, действовали на Чейта как тонизирующая смесь, запускающая все жизненные ресурсы на полную катушку. У этого физиологического эффекта даже было какое-то мудреное научное название. Архенбах выудил в Сети статью на эту тему и показал ее Чейту. Да только Чейт все равно позабыл. Не потому что название оказалось очень уж заковыристым, а потому что в принципе не имел привычки запоминать ненужное.

Итак.

Кожа, обтягивающая кости черепа, сморщилась и имела темно-коричневый, почти черный цвет. Она не была похожа на пересохшую бумагу, готовую рассыпаться от первого прикосновения. Скорее, напоминала плохо выделанную, скукожившуюся и местами потрескавшуюся воловью шкуру. Следы разложения не просматривались, что свидетельствовало о высоком качестве

бальзамирания. Срез в области шеи был ровный и аккуратный, как будто голову снесли одним точным, умелым ударом острого как бритва топора. Чейт видел у шохенов такие - тяжелые боевые топоры с широкими, слегка закругленными лезвиями. Грозное оружие в умелых руках.

Чейт расстегнул длинный холщовый чехол, притороченный к левому борту ровера, достал легкую дюралеминевую трубку и, подцепив голову, перевернул ее лицом вверх. Сделав это, он озадаченно присвистнул и даже немного пожалел, что не оставил голову в покое. Лежала бы она себе, и забот у Чейта было бы меньше. А так он увидел, что веки и губы мертвой головы аккуратно стянуты несколькими стежками суровой нитки. И ноздри плотно законопачены темным воскообразным веществом.

Ну и что ему после этого оставалось?

Чейт достал из нагрудного кармана походного жилета универсальный коммуникатор, включил его и с надеждой посмотрел на выжженное солнцем небо. Спутник связи, оставленный на орбите Дзитты, был старенький, слабенький, передающий сигнал только в формате кем-2-12. Поэтому и связь была нестабильной, особенно в дневное время. Однако на этот раз, к вящему удивлению Чейта, комми бодро просвистел фрагмент из Равеля и показал в углу дисплея две тусклые звездочки - связь была возможна, хотя и неустойчива.

Чейт нежно погладил джойстик настройки и улыбнулся, увидев на экране лицо напарника, здорово смахивающее на хищную крокодилью морду. Однако, несмотря на свой устрашающий внешний вид, Архенбах с Грона оставался едва ли не самым добродушным и отзывчивым существом во всей Галактике. С Чейтом его связывала давняя дружба, начавшаяся с того, что Архенбах чуть было не съел своего будущего закадычного приятеля и делового партнера. В жизни ведь чего только не случается.

Вместо приветствия Архенбах озабоченно клацнул зубами.

- Ну, что там у тебя стряслось?

- Почему непременно стряслось? - изобразил чистейшую невинность Чейт.

- Потому что до запланированного сеанса связи еще сорок две минуты, - отрезал, вернее, откусил своими крокодильими зубами Архенбах.

- Почему бы не спросить: в чем дело, Чейт? Или еще лучше: как дела, дружище? Почему сразу: что стряслось?

- Потому что у тебя всегда что-нибудь случается.

- Разве?

По дисплею побежали кривые линии помех.

- Чейт, мы попусту теряем время. Связь может в любую секунду оборваться. Ближе к делу.

- Да куда уж ближе, - удрученно буркнул Чейт и перевел объектив комми на мертвую голову.

- Так... - Архенбах дважды клацнул зубами, что в его исполнении означало недовольство, озабоченность и растерянность одновременно. - Во что ты там вляпался?

- Подумай сам, о чем ты говоришь! - Чейт возмущенно всплеснул руками. Сообразив, что в руке у него комми, он поводит им по сторонам. - Посмотри! Вокруг пустыня! Сухая и голая. Во что тут можно вляпаться?

- Вот я тоже так думаю, - с насмешкой сказал Архенбах и уже серьезно добавил: - Ну-ка, покажи мне эту голову еще раз.

Чейт поймал мертвую голову в фокус объектива.

- Похоже, голова не первой свежести, - с видом знатока заметил Архенбах.

- Мне кажется, она мумифицированная, - высказал свое мнение Чейт.

- И где же ты откопал эту мумию?

- Я ее нашел.

- Что, она вот так просто лежала у тебя на пути?

- Именно!

Архенбах скосил взгляд в сторону, как будто пытаюсь заглянуть за край дисплея, чтобы еще раз увидеть находку.

- И что ты собираешься делать?

- Не знаю. Поэтому и позвонил тебе.

- Мудрое решение.

Это заявление Архенбаха Чейт оставил без комментариев. Главным образом потому, что не понял, говорит напарник серьезно или иронизирует. С Архенбахом всегда так. Голос у него резкий, рыкающий, но невыразительный. А судя по лицу... Интересно, кто-нибудь пытался, глядя на крокодила, догадаться, о чем он думает? Чтобы несколько усложнить задачу, предположим, что в данный момент крокодил сыт и не собирается откусить вам голову просто ради забавы.

- Как твой адвокат...

- Ну это уж слишком! С каких это пор ты стал моим адвокатом? И с какой стати?

- Так мы быстрее разберемся с твоей проблемой.

- С нашей проблемой.

- Да, конечно, с нашей проблемой, - Архенбах посмотрел на Чейта, как на младенца неразумного. Которого ему очень хотелось съесть. Только ради того, чтобы больше не слушать его бессвязный лепет. - Теперь ты готов?

- К чему?

- К тому, чтобы внимательно меня выслушать.

- Ах да, конечно.

Чейт посмотрел на голову и подумал, что если бы Архенбах был

здесь, рядом, он мог бы запросто проглотить ее. И тем самым решить все проблемы. А почему бы нет? Голова - это такая вещь, терять которую не стоит. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Хотя, с другой стороны, потеря головы моментально решает все проблемы. Ну какой может быть спрос с того, у кого нет головы на плечах? Зато голова уже ни о чем не болит. И даже затылок не чешется.

- Так вот, как твой адвокат, Чейт А, я советую тебе взять эту голову и отдать ее первому же встречному аборигену.

- А просто как друг ты не мог этого посоветовать?

- Боюсь, что нет. Как друг я бы посоветовал тебе поскорее уматывать оттуда. Видишь ли, мертвые головы просто так не валяются. И любая из них, в принципе, способна навлечь на твою голову кучу неприятностей.

- Так, может...

- Нет, нет, нет! Как твой адвокат я уверен, что если ты станешь действовать точно в соответствии с моими указаниями, тебе невозможно будет предъявить никаких претензий, - Архенбах отвел взгляд в сторону и с намеренно беззаботным видом поковырял когтем меж зубов. - Ну, разве что надругательство над святыней или глумление над покойным.

- Этого мало?! - возмущенно воскликнул Чейт.

- Смотря для чего.

- Ну, скажем, для того, чтобы прикончить меня и выбросить мою голову в пустыню!

- Думаю, этого не случится. Как правило, в примитивных сообществах подобным проступкам не придают большого значения.

Архенбах не знал этого наверняка, а если быть точнее, то и вовсе не ведал, так это или нет, но сказал, дабы поддержать друга в трудную минуту.

- А может, ну ее? - Чейт посмотрел на голову и скривился. - Может, лучше оставить? Пусть себе лежит. А когда приду к шохенам, скажу, что видел, мол, такую штуку.

- Плохая мысль, - удрученно покачал головой Архенбах. - Очень плохая мысль...

Видимо, он собирался развить эту очень плохую мысль, но треск и скрежет рвущегося металла не позволили ему этого сделать. Сначала ворвавшиеся в комми помехи заглушили голос Архенбаха. А затем и изображение гронца пропало.

Чертыхнувшись, Чейт пару раз нажал кнопку вызова и с надеждой глянул на небо. Однако экономия на средствах связи, похоже, имела необратимые последствия.

Конечно, можно было дождаться запланированного сеанса связи. Да только особого смысла в том не наблюдалось. В принципе, Чейт был согласен с Архенбахом. И как с адвокатом, и как с другом. Лучше уж

взять голову с собой. В конце концов, если он и нарушит при этом какие-то местные обычаи, все можно будет списать на то, что он чужак. А следовательно, существо не совсем полноценное. Уж что-что, а юродивого изобразить Чейт сумеет. Если же он бросит голову там, где нашел, это могут расценить как откровенное пренебрежение, проявленное чужаком в отношении останков одного из местных жителей. Они ведь могут решить, что для него голова их мертвого соплеменника все равно что камень на пути, который можно легко переступить и пойти дальше. А то ведь и еще чего хуже могут подумать. И если даже после этого они не отрежут чужаку голову, то уж точно не захотят иметь с ним никаких дел. А это будет означать, что все деньги, вложенные Чейтом А и Архенбахом с Грона в дело, которое они вознамерились проверить на Дзитте, вылетят в дюзю.

Нет, такого Чейт не мог допустить!

Как бы после этого он смотрел в глаза Архенбаховой жене и детишкам? Обзавестись собственным потомством Чейт так и не удосужился. Поэтому к выводку гронца - тринадцать штук! - относился как к родным.

Стараясь думать лишь об Архенбаховых малютках, Чейт вытянул из тюка с походной амуницией новенькую майку и содрал с нее полимерную вакуумную упаковку. Затолкав майку обратно в тюк, он надел прозрачный пластиковый пакет на руки и, как мог, широко развел их в стороны. Получилось что-то вроде одной большой рукавицы на обе руки. Присев на корточки, Чейт расправил надетый на руки пластиковый пакет, растянул его по углам и поднес к мертвой голове. Представив, что перед ним арбуз, Чейт кончиками пальцев чуть приподнял голову и быстро вывернул пакет наизнанку, так что голова оказалась внутри. Перехватив горловину пакета в кулак, Чейт несколько раз крутанул груз и прижал образовавшийся тяж вакуумным зажимом. Благодаря мутному пластику содержимое пакета и в самом деле напоминало... Чейт задумался. В самом деле, что оно напоминало?.. А впрочем, какая разница! Главное, на какое-то время о голове можно было забыть. Чейт слегка подбросил на ладони голову, как будто хотел прикинуть ее вес. Или прицеливался для меткого броска. У него в руках был просто некий предмет. Без названия и без истории. Не вызывающий никаких эмоций. Чейт приоткрыл установленный на ровере холодильный контейнер и забросил в него пакет. Хлопнул по крышке ладонью и улыбнулся, услышав, как щелкнули автоматические запоры.

- Отличная работа! - похвалил сам себя Чейт.

Если бы рядом находился кто-то еще, он мог бы проявить соответствующую скромность, рассчитывая на похвалу из чужих уст. А так все приходилось делать самому.

Впереди у него было еще четыре дня пути.

Четыре дня под солнцем.

Четыре дня среди высохшей травы, колючего кустарника, ящериц и совсем сдуревших от жары карфангов.

Еще четыре дня в пустыне... Или полупустыне?..

Да, впрочем, какая разница!

От жары Чейт не страдал. Во-первых, он был ко всему привычен. Во-вторых, у него имелись одежда из нанопористой синтетики, разработанной специально для жаркого и сухого климата, а также запас крема от загара. И наконец, в-третьих, холодильник ровера размеры имел немалые и был набит как вкуснейшей снедью, так и прохладительными напитками.

Одним словом, экспедиция была подготовлена наилучшим образом. Вот только связь порой глючила. А скажите на милость, где она не глючит? Вспомните хотя бы о двух днях Великого Молчания в Метрополии, когда по никому не понятной причине слетели с катушек системы сразу всех шестидесяти девяти провайдеров. Включая резервные и аварийные каналы связи. Та еще была заваруха! Особенно в международных космопортах и на пересадочных станциях. Там, говорят, такое творилось! На Баве-12 чуть было до каннибализма не дошло!.. А всего-то два дня без связи.

Впрочем, Чейту подобное не грозило. Уверенности в себе и самообладания он не терял никогда. Даже в условиях полной сенсорной депривации.

А задача, стоявшая перед ним, была настолько проста, что справиться с ней смог бы и ребенок.

Чейт же не просто делал свое дело, но еще и удовольствие от этого старался получить. Во время движения, сидя на краю платформы ровера, он попеременно читал то Витгенштейна, то Вудхауза. По настроению. Кому-то подобный выбор мог показаться странным, но Чейту не было никакого дела до того, что могли подумать о нем другие. Во-первых, никого рядом не было. А во-вторых, он читал то, что казалось ему интересным и доставляло удовольствие. Те, кто не понимают, что это такое, слушают аудиокниги. На привалах Чейт не просто торопливо заглатывал пищу, чтобы поскорее двинуться дальше, а внимательно всматривался в окружающий пейзаж. Картинка была не столько убогая, сколько однообразная. Однако Чейту доводилось наблюдать аборигенов, часами заворожено - иначе и не скажешь - глядящих на плавно изгибающуюся линию горизонта. И если шохены находили какой-то смысл в созерцании этой своеобразной картины, так почему бы и ему не попытаться? И временами ему казалось, что он видит то же самое, что и шохены. Вот только в отличие от дзиттеров он не мог понять смысла увиденного. А когда опускалась ночь и где-то невдалеке противными голосами начинали перекликаться кукуи, а может, какие другие твари, Чейт смотрел на

темное небо и думал о том, что сколько бы имен и названий ни придумали для него прозаики и поэты, ночное небо навсегда останется чем-то непостижимым и странным для людей, каждый из которых, вглядываясь в море крошечного мрака, неизменно думает о своем. И почему так - никто не знает. Но и поделаться с этим ничего нельзя. Да и нужно ли?

Работа же, которой занимался Чейт при помощи и поддержке взвешивающего на него с дзиттоцентрической орбиты Архенбаха, заключалась в следующем. Подчиняясь точным указаниям напарника и время от времени сверяясь со спутниковым навигатором, Чейт двигался через пустыню или, может, полупустыню и в строго определенных местах вбивал выкрашенные красной краской невысокие колышки с пучками разноцветных веревочек, завязанных причудливыми узелками.

На первый взгляд, занятие совершенно бессмысленное. На второй - пожалуй, тоже. Для того чтобы понять, какую выгоду собирались извлечь из этого Чейт и Архенбах - а они, уж конечно, прилетели на Дзитту не забавы для, - нужно было не только знать то, что известно всем, но еще и уметь заглядывать немного вперед, в будущее. Тот, кто считает, что это невозможно, что будущее сокрыто во мраке почернее ночного неба, просто не умеет смотреть. Или глядит не в ту сторону.

Планета Дзитта, расположенная в системе Бизань, мало чем отличается от большинства других планет земного типа. Полезные ископаемые на ней, понятное дело, тоже имеются. Однако местное население находится на том уровне общественного развития, который не позволяет им всерьез приняться за разработку месторождений. Ни к чему им это. Пока. Казалось бы, более цивилизованные инопланетные пришельцы должны тут же наброситься на природные богатства Дзитты и хищнически разграбить их, оставив аборигенам взамен Стеклообразные бусы, мутные зеркальца, тупые ножи и горы промышленных отходов. Ан нет! То, что было хорошо для старых фантастических фильмов, на деле не лезло ни в какие ворота. Даже в гиперпространственные. Потому что не существовало в природе таких полезных ископаемых, транспортировка которых к месту переработки и дальнейшего использования не то что приносила бы прибыль, а хотя бы окупалась.

Казалось бы, все! Богатства Дзитты будут лежать себе в земле и дожидаться, когда местные жители почувствуют в них острую необходимость. Ну, к примеру, война какая большая случится и мечи станут не из чего ковать. Или же атмосфера покажется дзиттерам слишком чистой, а небо слишком голубым, и возникнет неодолимое желание как-нибудь все это испоганить. Озоновая дыра покажется слишком маленькой или климат слишком холодным. Да мало ли можно найти причин для того, чтобы взяться за дело! Главное - не

задумываться о последствиях.

Однако ж Чейт с Архенбахом решили загодя позаботиться о светлом будущем дзиттеров. То есть сделать все то же самое, но не абы как, а по уму. Войдя в контакт с представителями шохенов, самого многочисленного и миролюбивого из всех обитающих на Дзитте племен, Чейт и Архенбах договорились с аборигенами о создании совместного предприятия по разведке и добыче полезных ископаемых в близлежащей пустыне, или полупустыне - кому какая разница, - которую шохены считали принадлежащей своему народу. А раз сами шохены так считали, значит, так оно и было. Другие племена могли с ними не соглашаться, но вряд ли решились бы спорить. Из-за пустыни? Ну, или из-за полупустыни? Да кому она, к тятикам, нужна!

Шохены называли пустыню Начикорадос и считали, что в ней обитают то ли тени забытых предков, то ли души убитых врагов - с теологическим вопросом Чейт досконально разбираться не стал. Не то чтобы вовсе не интересовался, но времени было в обрез. Главное, шохены не возражали против того, чтобы в Начикорадос был построен современный, оснащенный по последнему слову техники рудник, ведущий добычу закрытым способом в полностью автоматическом режиме. Список того, что будет добывать вышеуказанный рудник, приводился в конце договора мелким шрифтом. Для шохенов, лишь понаслышке знакомых с письменностью, это большого значения не имело. Принципиальным было то, что шохены соглашались иметь деловые отношения лишь со своим сородичем. Пришлось Чейту стать шохеном, благо обряд посвящения оказался невообразимо прост. Чейт произнес пару заученных фраз на языке шохенов, после чего оба вождя похлопали его по плечам церемониальными метелками из птичьих перьев. Да, как это ни странно, шохенами правили два вождя, обладавшие равными полномочиями. Оба крепкие, здоровые, вполне себе здравомыслящие, в полном расцвете сил. И, что самое удивительное, ни одного из них присутствие рядом партнера - а где-нибудь непременно сказали бы, что конкурента, - ничуть не тяготило.

Впрочем, к делу, которым собирались заняться Чейт и Архенбах, это никакого отношения не имело.

Итак, Чейт А и Архенбах с Грона, который, дабы не смущать аборигенов своим откровенно негуманоидным видом, наблюдал за всем происходящим с орбиты, организовали предприятие, полноправными совладельцами которого наряду с ними являлись все представители народа шохенов. Право это закреплялось за ними пожизненно и передавалось по наследству.

Шохены не понимали, в чем заключается ценность природных богатств, которыми, как пытался втолковать им Чейт, они обладали. Шохенам не было никакого дела до полезных ископаемых. Однако прожженные дельцы Чейт и Архенбах отнюдь не собирались

наживаться на наивности аборигенов. Их представление о предпринимательстве было довольно странным: оба считали, что забота о собственной выгоде вовсе не подразумевает беспардонный обман всех вокруг - как конкурентов, так и компаньонов. Они открыли счет в Тридцать Седьмом Кредитном Галактическом Банке, на который планировали перечислять десять процентов прибыли совместного предприятия. Трудно сказать, счастливым или нет окажется тот день, когда далекие потомки ныне живущих шохенов поймут, что им требуются галактические кредиты. Но к тому моменту сумма их счета должна стать поистине астрономической.

А теперь самый главный вопрос: откуда должны взяться деньги, десять процентов от которых лягут на счет шохенов в 37-КГБ? Для того чтобы найти ответ на него, Чейту с Архенбахом как раз и понадобилось заглянуть в будущее. Недалеко, всего-то на пару лет вперед. Сделав это, они узнали, что в системе Бизань, куда входит хорошо уже известная всем нам планета Дзитта, планируется строительство гиперпространственных врат.

Что такое гиперпространственные врата, объяснять никому не надо. Однако стоит, наверное, напомнить одну вещь: мы обычно не задумываемся, что речь идет не только о системе гиперпространственного перехода как таковой, но также и о целом комплексе вспомогательных и сопутствующих конструкций и сооружений. Как то: временные доки для транспортных кораблей, таможенный терминал, станция технического обслуживания, гостинично-развлекательный комплекс для транзитных пассажиров, медицинский модуль, зона беспошлинной торговли, а также многое, многое другое. И все это еще только предстояло построить за орбитой последней, двенадцатой планеты системы Бизань. Никто не скупится, когда речь идет о таком грандиозном строительстве. Только зачем платить втридорога за материалы, доставляемые издалека, если все есть под боком. А под боком имелась планета Дзитта, добычей полезных ископаемых на которой занималась компания, принадлежавшая местным жителям. Но так уж случилось, что управляли ею всем нам хорошо известные Чейт А и Архенбах с Грона.

У которых, между прочим, все давно уже было схвачено.

Думаете, они просто так решили начать добычу в пустыне, а может, полупустыне Начикорадос? Как бы не так! Все дело в том, что Начикорадос располагается в экваториальной зоне Дзитты. Теперь понятно? Все еще нет? Ладно. Вы в курсе, в какую сумму обходится вывод груза на орбиту? Точно! Как прежде говорили - в копеечку! Можно представить, чего стоила эта копеечка, если даже ограненные алмазы транспортировать с поверхности планеты на орбиту было нерентабельно. Решить проблему удалось лишь с введением в строй орбитальных лифтов. А они надежно и исправно работают лишь в

экваториальной зоне. Чейт и Архенбах планировали упаковывать добытые полезные ископаемые в специально разработанные для этой цели полимерные контейнеры, которые с помощью лифта будут доставляться на стационарную орбиту. А там уж их будут встречать маленькие маневренные скутеры и сцепами по пять-шесть контейнеров переправлять груз заказчикам - на перерабатывающие космические станции. Станции будут собраны из готовых модулей в непосредственной близости от места строительства.

Это был во всех отношениях безупречный бизнес-план, выгодный всем задействованным в нем участникам. И даже несколько странным могло показаться то, что столь гениальная в своей простоте мысль осенила лишь две светлые головы на всех бескрайних просторах Галактической лиги. Чейт и Архенбах сделали все, чтобы поймать удачу. И они уже ощущали трепет ее крыльев в ладонях. Дело оставалось за малым. Вожди шохенов отправили Чейта к шаману, который выдал ему связку колышков, выкрашенных в красный цвет и увенчанных хитроумно завязанными веревочками. Колышками Чейту предстояло отметить интересующие его места в Начикорадос. Это была одна из тех формальностей, без которых не могут обойтись представители примитивных цивилизаций: за столбить территорию. Тот, кто хотел оспорить права шохенов, должен был в десятидневный срок оповестить их вождей. По истечении же означенного срока отмеченные колышками участки переходили в полную и безраздельную собственность Чейта. Вернее, возглавляемого им совместного предприятия.

- Кто-то может и не знать, что я вбил колышки, - сказал Чейт, собиравшему его в дорогу шаману.

Вопреки стереотипу, шаман был вовсе не высохший старик с морщинистым лицом, длинным, крючковатым, похожим на клюв хищной птицы носом и торчащими во все стороны лохмами седых, давно не мытых волос, а очень даже симпатичный мужчина средних лет, спортивного вида, не атлет, но подтянутый, с хорошо прорисованной мускулатурой.

- Ну, это его проблема, - ответил шаман, завязывая узелки на колышках, которые собирался вручить Чейту.

Шохенам узелки заменяли письменность. Конечно, не в полной мере, но все же это было лучше, чем ничего.

«Когда предприятие заработает, нужно будет составить для шохенов алфавит, - подумал Чейт, наблюдая, как быстро и ловко плетет свои узелковые письма шаман. - А то ведь в сканер такую записку не засунешь. Замучаешься, если придется копию снимать».

- Земля наша не такая уж большая, - продолжал между тем шаман. - Вести разносятся быстро. Быстрее ветра, - он усмехнулся и головой качнул. - Меня всегда удивляло, как такое происходит. Не успеешь в

одном месте что-то сказать, как в другом это тут же повторяют. Да еще и перевернут - не в словах, так по смыслу.

- Это все мемы, - буркнул, думая о своем, Чейт.

- Может быть, - не стал спорить шаман.

- А если кто-то предъявит права на отмеченный мною участок? - спросил Чейт.

- Вряд ли, - с сомнением поджал губы шаман. - Если бы это был, к примеру, заливной луг. Или поле. Участок леса, в конце концов, излучина реки... А пустыня - кому она нужна?

- Какой тогда вообще смысл в этих колышках? - усмехнулся Чейт.

- Абсолютно никакого, - согласился шаман. - Но закон на то и закон, чтобы его исполняли. Все, без исключения. Иначе в обществе не будет порядка. Смекаешь?

- Смекаю, - кивнул Чейт.

- Вот и молодец, - шаман протянул ему связку красных колышков.

Чейт улыбнулся. Ему нравился такой подход к делу.

Он шел по пустыне, вбивал колышки в местах, которые указывал ему сверху Архенбах, и все было хорошо. Даже несмотря на изнуряющую жару.

До тех пор, пока он не нашел мертвую голову.

Кто его знает, что тому было причиной, да только после того, как голова обосновалась в холодильнике ровера, Чейту все вокруг стало казаться немного другим. Пейзаж сделался более унылым, хотя, казалось бы, куда уж более; карфанги стали попадаться беспредельно злобные; небо помрачнело; а солнце жгло, как сумасшедшее, будто старалось за неделю выполнить месячную норму. Чейт исправно делал свое дело, но мысли его все время вертелись вокруг странной находки.

Поэтому Чейт несказанно обрадовался, увидев однажды на горизонте двух шохенов. Чейт тут же щелкнул пальцами, активируя мип-браслет. На ладони появился виртуальный дисплей. Чейт открыл папку со словарями и запустил шохенский. С помощью мемовтического обучения языкам можно было примерно за сорок минут залить в память словарь из полутора тысяч наиболее употребляемых слов любого известного языка плюс элементарные грамматические навыки. Однако Чейт не любил засорять мозг лишней информацией, которая в будущем могла и не понадобиться, а потому по старинке пользовался простеньким интегральным переводчиком. Конечно, тут и тембр голоса не свой, и интонации порой странные, но главное - смысл сказанного понять можно. А что еще нужно для общения с аборигенами?

- Привет вам, братья! - Чейт вскинул левую руку в традиционном шохенском приветствии.

Левую - потому что подавляющее большинство дзиттеров рождалось и жило левшами. И основная смысловая нагрузка языка жестов

приходилась у них именно на левую руку. Между прочим, привыкнуть к тому, что левое - это правое и наоборот, совсем не так просто, как может показаться. Это все равно как вместо «да» говорить «нет» и наоборот.

На шохенах были только легкие травяные накидки, защищающие от солнца. В руках каждый держал длинную палку с веревочной петлей на конце. По всей видимости, они охотились на змей, выделанные шкурки которых ценились очень высоко.

Обменявшись, как и полагается, подарками - вручив змееловам пару складных ножей, Чейт в ответ получил две змеиные шкурки, - странники перешли к более актуальным вопросам. Шохены поинтересовались, не испытывает ли Чейт в чем нужды? Чейт поблагодарил аборигенов и заверил их: у него есть все, что нужно, и в достаточном количестве. Потом они немного поговорили о погоде. О том, что змей с каждым годом становится все меньше, а карфанги все больше нахальничают и, потеряв всякий страх, по ночам воруют продукты прямо из мешка, на котором лежит голова спящего. К чему бы это? Должно быть, грядут плохие времена. На смену которым непременно придут хорошие. Как радость, так и беда не делятся вечно, а сменяют друг друга, подобно разноцветным пятнам на змеиной шкурке. Такова была жизненная философия шохенов. Очень правильная и позитивная.

Когда говорить стало не о чем, Чейт как бы между прочим сообщил местным, что пару дней назад нашел очень странную, необычную, удивившую его вещь. Те, конечно же, проявили вежливый интерес. И тогда Чейт показал им голову.

К его удивлению, шохены совершенно спокойно отнеслись к явлению мертвой головы. И это было вовсе не показное хладнокровие. Аборигены вели себя так, будто находка Чейта самая что ни на есть заурядная. Будто в пустыне Начикорадос мертвую голову можно найти под каждым вторым, ну, в крайнем случае, третьим кустом. Их безразличие казалось настолько естественным, что Чейт забеспокоился. Можно было подумать, он с гордостью идиота показывал шохенам валун, который непонятно зачем тащил с собой все это время. Ну, а они не хотели обижать чудака, однако ж и разделять его нездоровый энтузиазм тоже не собирались.

Что-то тут было не так.

Либо, прихватив с собой голову, он совершил настолько серьезную ошибку, что аборигены даже обсуждать ее не желают; либо он придавал мертвой голове слишком большое значение, что в глазах местных жителей выглядело не столько смешно, сколько глупо. В любом случае, Чейт порадовался, что встретил эту пару змееловов. Хорош бы он был, притащив голову в поселок и натолкнувшись там на стену безразличия и непонимания.

- Это - мертвая голова, - Чейт указал на упакованную в полимерную пленку голову.

Чувствовал он себя при этом невыносимо глупо, но тем не менее считал, что начатое нужно довести до конца. В смысле понять: что же ему делать с находкой?

- Конечно, - ответил один из змееловов.

Второй, соглашаясь с первым, энергично кивнул.

- Я нашел ее в пустыне. В двух днях пути отсюда.

Чейт решил, что не лишне и об этом напомнить шохенам. А то, кто знает...

- В пустыне много чего можно найти, - загадочно улыбнулся первый змеелов.

Второй при этом тяжело вздохнул.

- Это голова шохена, - решил зайти с другой стороны Чейт.

- Нет, - снисходительно улыбнувшись, качнул головой первый змеелов.

Тут уж Чейт в конец растерялся.

- Чья же тогда это голова?

Шохен ткнул Чейта пальцем в грудь.

- Твоя!

Поначалу Чейт решил было, что над ним подшучивают. Однако невыносимо серьезные лица обоих шохенов обращали в прах подобное измышление. А если так, то Чейт категорически не понимал, что они хотели ему сказать.

Чейт редко терялся. Но ему было не слишком-то приятно сознавать, что он абсолютно дезориентирован в ситуации. И самое странное, для того чтобы понять происходящее, ему не хватает самой малости.

- Ну да, конечно, - медленно, чтобы в любой момент иметь возможность притормозить, а то и дать задний ход, начал Чейт. - Я нашел эту голову...

Он делал вид, что размышляет вслух. А интегральный переводчик, скорее всего, сводил на нет все его старания.

- Ты правильно думаешь, - одобрительно хлопнул в ладоши первый змеелов.

Второй повторил его жест.

- И что же мне теперь с ней делать? - вкрадчиво поинтересовался Чейт.

- Это уже твоя забота.

Чейту показалось или второй шохен действительно улыбнулся? Едва заметно, но лукаво.

- Видите ли, я не местный...

- Все мы лишь гости в этом мире, - в философском плане интерпретировал его высказывание шохен.

- Может быть, вы возьмете на себя заботу об этой голове? - с

надеждой спросил Чейт. И в подкрепление своих слов добавил: - Я готов отблагодарить вас за это!

- Ну уж нет! - решительно отказался первый змеелов.

- Нет! - не менее категорично повторил следом за ним второй.

- Это твоя голова!

- Вот сам с ней и разбирайся!

- Твоя голова - твоя и забота!

- Хорошо, хорошо, - поднял руки Чейт. - Я все понял, - тут он сильно покривил душой, поскольку на самом деле не понял вообще ничего. - Но, может быть, вы хотя бы подскажите мне, что я должен с ней сделать?

- С головой?

Оба змеелова посмотрели на сверток. Один будто вдруг засомневался, что это - предмет их споров; второй, казалось, пытался на глаз прикинуть вес аккуратно упакованной Чейтом находки.

- Ну, да...

Шохены сидели на высохшей земле. Под палящими лучами солнца. И медленно вдыхали горячий воздух. Лица обоих застыли. Будто и не лица это вовсе, а восковые маски. Странно, что на солнце не текут.

Глядя на них, Чейт понимал: он сделал что-то не так. Или сказал что-то не то. Но никак не мог взять в толк, что именно?

Может быть, вообще не стоило говорить шохенам о голове?.. Может быть, он сам навлек неприятности на свою голову?

Птица кружит над пустыней, раскинув крылья. Если глядеть снизу, то кажется, ей ни до чего нет дела. В особенности до тех, кто смотрит на нее, задрвав голову. Которая рано или поздно скатится с плеч долой. И будет лежать под кустом. Пока не найдет ее случайный путник. Который потом знать не будет, что с ней делать.

Неожиданно один из змееловов улыбнулся. Открыто, по-доброму.

- Да не бери в голову, - так понял слова шохена интегральный переводчик. - Не та это проблема, из-за которой стоит волосы на голове рвать.

- Так все же у меня проблема? - услышал то, что казалось ему наиболее важным, Чейт.

- Ну, это как посмотреть, - ушел от прямого ответа шохен.

А может быть, переводчик не точно транслировал его слова.

Во всяком случае, Чейту это не понравилось. Проблемы ему совсем ни к чему.

- А как бы вы поступили на моем месте?

- Неправильный вопрос, - покачал головой змеелов.

- Почему?

- Потому что каждый из нас на своем месте. И в своем времени. У каждого - своя миссия. Мы несем змеиные шкурки, а ты - мертвую голову.

- Ладно, понесу ее дальше, - совсем пал духом Чейт.
- Да не переживай ты так, - шохен снова ободряюще улыбнулся. - Каждый, кто идет через Начикорадос, что-нибудь да находит.
- Но не каждый, полагаю, приносит с собой мертвую голову.
- Не каждый, - согласился змеелов. - Для того, чтобы найти мертвую голову, нужно особое...

На конце фразы переводчик запнулся.

- Простите, вы бы не могли повторить последнее слово? - попросил Чейт, переключая переводчик в режим ручной настройки.

- Способность, везение, дар, возможно, особый навык, - любое из этих слов, по мнению переводчика, могло отражать смысл сказанного шохеном. Помедлив секунду-другую, он добавил: - Быть может, проклятие.

Чейта подобное многообразие только запутало. Он пытался говорить с шохенами не о смысле жизни, а о вполне конкретной вещи. Чейт глянул на упакованную в пластик голову и усмехнулся - куда уж конкретнее.

Дар или проклятие - что хочешь, то и выбирай.

Они еще немного потолковали. О погоде, о карфангах. О прочей ерунде. Шохены явно не были настроены продолжать обсуждение интересующей Чейта темы. А местные новости и сплетни не особенно интересовали Чейта. Пару анекдотов, что попытались рассказать ему охотники, Чейт не понял. Одним словом, продолжать беседу не имело смысла.

Расставшись со змееловами, Чейт продолжил путь. Не сказать, что скорбный, но какой-то совсем уж безрадостный. Даже Архенбах во время плановых сеансов связи обратил внимание, что друга как будто что-то гнетет. Думы невеселые или колики кишечные. Архенбах даже поинтересовался, не ел ли Чейт местную пищу. Чейт не стал объяснять Архенбаху причину своего дурного настроения. В первую очередь, потому что и сам-то толком ее не понимал. Живот у него не болел - это точно. И голова оставалась ясной.

Но чем больше он думал о том, что с ним произошло, тем глубже увязал в своем непонимании.

И самое главное, он никак не мог взять в толк: при чем тут мертвая голова?

Временами ему казалось: перестань он думать о мертвой голове, все сразу встанет на свои места. Само собой. Но он не мог заставить себя не думать о странной находке, что, упакованная в пластик, лежала в холодильнике ровера.

Никогда прежде Чейт не подозревал, что сойти с ума так легко. И, спрашивается, из-за чего? Да просто так! На пустом, можно сказать, месте.

Его спасло только то, что миссия его уже близилась к завершению.

Еще пару дней он шел по пустыне, а может, по полупустыне, вбивая колышки в указанных местах, пока наконец не вышел к селению шохенов. К тому самому селению, с которого начал свое странствие.

Чейт оставил ровер возле палатки и даже вещи разбирать не стал. Лишь нырнул ненадолго в ближайший пруд и переоделся в чистое. Положил голову в сумку, сумку кинул на плечо и отправился в гости к вождям.

От всех прочих разумных обитателей Галактической лиги дзиттеров выгодно отличало то, что они не знали бюрократии. Пока. Явись Чейт на прием к главе местной администрации, скажем, на Мидвинтере или Корте-де-Миракле, его не меньше сорока минут промурыжили бы в приемной. А то и предложили бы заглянуть завтра, вручив пачку никому не нужных бланков и анкет. Здесь же, на Дзитте, посетителя сразу попросили пройти в помещение для приемов. И даже предложили чашечку сипанга - местного аналога кофе.

Чейт был на таком взводе, что, казалось, поднеси к нему спичку - вспыхнет. Повергнув в изумление обоих вождей, он залпом проглотил чашку обжигающе горячего напитка, быстро кивнул в знак благодарности, поставил на циновку сумку, расстегнул ее, развел края в стороны и сделал два шага назад. Он готов был услышать приговор. Хотя, конечно, лучше бы это оказался оправдательный вердикт.

Но шохены не торопились. Вождям как будто и дела не было до содержимого сумки. Они не спеша, наслаждаясь каждым глотком, прихлебывали горячий сипанг и мирно беседовали. О погоде. О том, что домашняя птица начала сбрасывать перо раньше обычного. А женщины завели новую моду задираТЬ юбку до колен. И нужно наконец понять: хорошо это или плохо? Если хорошо, то почему? А если плохо, то как с этим бороться? И снова о погоде. О сипанге и вождях. О рыбе, что недавно запустили в пруд, а она возьми да передохни...

Чейт слушал их, не перебивая. Сначала - скрепя сердце. Затем - скрипя зубами.

Вожди по достоинству оценили его воспитанность и не стали по третьему разу заводить разговор о домашней птице. Отставив в сторону недопитую чашку сипанга, один из вождей чуть подался вперед и заглянул в сумку.

- Что это?

Голос у вождя был такой, будто он интересовался погодой на завтра.

- Голова.

Чейт изо всех сил старался, чтобы его ответ прозвучал так же легко и непринужденно. Но вряд ли у него это вышло.

- Я вижу, что голова, - едва заметно кивнул вождь. - Но я не понимаю, зачем ты ее принес?

- Я нашел ее в пустыне...

- В пустыне каждый что-нибудь находит, - не дослушав, перебил Чейта

второй вождь.

- Но не головы же!

- Случаются находки и похуже.

Вожди переглянулись и коротко кивнули друг другу.

Они говорили то же самое, что и змееловы, повстречавшиеся Чейту в пустыне. Почти слово в слово. Чейту это не понравилось. Но на сей раз он точно знал, почему именно ему это не нравится. Получалось, все вокруг знают что-то, чего он не знает. Да еще и не хотят говорить ему правду. Если он совершил ошибку, то готов принести извинения. Если по незнанию нарушил какой-то из местных законов, готов понести наказание.

Да он на все готов!

Пусть только заберут у него эту мертвую голову!

Первый вождь не спеша застегнул сумку, выпрямился и сложил руки на коленях. Второй принял то же самое положение. По всей видимости, это означало, что они не собираются решать за Чейта его проблему.

Хотя с каких это пор мертвая голова, неизвестно кому принадлежавшая, превратилась в его проблему? Да и в чем тут проблема?.. Кто бы объяснил!

- Что мне делать с этой головой?

Вопрос прозвучал, как просьба о помиловании.

- Я не знаю, - ответил первый вождь.

- Понятия не имею, - сказал второй.

После чего первый добавил:

- Это твоя голова - твоя и забота.

- Точно, - удрученно кивнул Чейт. - А еще скажите, что мне чертовски повезло.

Вожди переглянулись.

Первый подмигнул второму. Причем он даже не попытался сделать это незаметно.

- В каком-то смысле... - сказал второй вождь.

Чейта вдруг посетила нехорошая мысль, что он уже никогда не сможет избавиться от проклятой головы. И будет обречен до конца дней своих таскать ее повсюду в этой синей наплечной сумке. Может, это древнее шохенское проклятие? Только за что? Он ведь не сделал ничего плохого ни одному из дзиттеров. Или же, сам не ведая того, он потревожил тени предков? Не своих, понятное дело... Хотя кто его знает...

С обреченным видом Чейт повесил сумку на плечо. Она, казалось, сделалась вдвое тяжелее. Будто вожди подсунули ему еще одну голову.

- Ну, я пойду?

Первый вождь непонимающе поднял бровь.

- Может, еще чашечку сипанга? - предложил второй.

- Нет, спасибо, - отказался Чейт.

Не до сипанга ему было.

- Ты сделал все, что хотел? - спросил первый.

- В каком смысле? - не понял Чейт.

- Вбил все колышки? - переформулировал вопрос коллеги второй вождь.

- А, да, - рассеянно кивнул Чейт.

Он и забыл уже, зачем ходил в пустыню. Или полупустыню. Как будто все это было лишь ради того, чтобы найти злосчастную голову.

- Ну, молодец, - похвалил его вождь.

И передал напарнику чашку свежего сипанга.

Чейт вышел на воздух. Но лучше ему от этого не стало. В голову лезли мысли одна другой дурнее. Сначала он пожалел о том, что у шохенов все еще нет письменности. А то ведь можно было развесить объявления.

КТО ПОТЕРЯЛ ГОЛОВУ? ОБРАЩАЙТЕСЬ К ЧЕЙТУ А.

Или:

ГОЛОВА. В ОТЛИЧНОМ СОСТОЯНИИ. ОТДАМ В ХОРОШИЕ РУКИ.

Потом Чейт подумал о том, что можно ведь просто взять и оставить находку на крыльце хижины. И пускай вожди делают с ней, что хотят. Ему-то что за дело? Кто-то другой на его месте, возможно, так бы и поступил. Но Чейт не мог этого сделать. Почему? Да ведь не весть что странное творилось вокруг. И он должен был с этим разобраться. Он ведь собирался связать свое будущее с этой планетой. А значит, надо разобраться, что здесь происходит. Не то и самому кранты, и Архенбаху. А у того ведь жена, дети...

Думая обо всем сразу и ни о чем в частности, Чейт и сам не заметил, как оказался возле хижины шамана. Хозяин жилища сидел во дворе на травке и что-то плел из длинных гибких ветвей.

Чейт подошел к шаману, снял сумку с плеча и осторожно, будто в ней лежала тончайшая керамика с Дзу-Гар, поставил на траву.

Шаман посмотрел на гостя странным, ничего не выражающим взглядом. Казалось, он не был против того, что Чейт находился рядом, но и не стал бы возражать, если б он забрал свою сумку, развернулся и ушел. Даже не окликнул бы. Зачем? Слушать исповедь чужака? Куда увлекательнее сидеть на солнышке и плести. Корзину, к примеру. Или ловца снов. А может, и трехмерную модель пространственной оси, на которой держится мироздание. Шаман - он на то ведь и шаман, чтобы делать что-нибудь странное, другим непонятное.

- У меня проблема, - объявил Чейт.

- Хочешь сипанга? - спросил шаман.

- Нет, спасибо, вожди уже напоили меня сипангом.

- Но решить проблему они тебе не помогли?

- Они даже слушать меня не стали.

- Тебе не хватило колышков?
- Колышков? Каких еще колышков?
- Тех, что я дал тебе, когда ты уходил в пустыню.
- А, так это все же была пустыня.
- А что же еще?
- Полупустыня.
- Полупустыня?.. - шаман прикрыл глаза. - Нет, не думаю... Хотя какая разница. Ты сделал все, что хотел?
- И даже больше.
- Нажил себе проблему?
- Если быть точным, не нажил, а нашел.
- В пустыне каждый что-нибудь находит.
- Я это уже слышал. Только не думаю, что кто-нибудь находил там что-то подобное.

Наклонившись, Чейт дернул края сумки в стороны. Шаман заглянул внутрь.

- Ну, и как?

Шаман посмотрел на Чейта взглядом проницательно долгим, томительным, вязким. Он не был удивлен или озадачен. И во взгляде его не проскальзывало почтения или особого уважения. Как не было в нем злобы или ненависти. Чейт, конечно, этого не знал, но ни один шохен не удостоивался прежде подобного взгляда. Шаман смотрел на чужака как на равного себе.

- Что мне делать с этой головой?

Шаман молча отложил в сторону загадочную, не похожую ни на что плетеную конструкцию, безмолвно поднялся на ноги и, по прежнему ни говоря ни слова, скрылся в доме.

Ну все, подумал Чейт, если даже он не желает говорить со мной на эту тему, значит, дело плохо. Совсем плохо. Настолько плохо...

Чейт не успел еще определить, насколько плохи его дела, когда шаман вернулся. Он вышел из дома, неся в руках, прямо перед собой, небольшой плетеный короб. Подойдя к Чейту, он сел на траву и осторожно поставил короб на землю. Затем поднял взгляд на гостя и жестом предложил заглянуть в короб.

Взявшись за крышку короба с твердым намерением поднять ее, Чейт вдруг почувствовал сомнение. Стоит ли это делать? Само собой, он и мысли не допускал о том, что в коробе может сидеть змея. Или еще какая мерзкая, ядовитая тварь. Но у него вдруг возникло стойкое предчувствие: как только он откроет короб, жизнь его навсегда изменится.

Нет! Не так!

Жизнь, конечно же, останется прежней. Однако изменится его собственное восприятие всего, что составляло суть той крошечной части мироздания, центром которой являлся он сам.

Да. Именно так.

Или что-то вроде того.

Чейт посмотрел на шамана. Это было похоже на детскую игру, когда, глядя в глаза сопернику, нужно угадать, в какой руке он спрятал камушек. Если бы шаман повторил жест, приглашающий заглянуть в короб, Чейт никогда бы этого не сделал. И после ни разу бы о том не пожалел. Но шаман сидел неподвижно, выжидая, глядя на гостя. Он не проявлял ни малейших признаков беспокойства и, казалось, готов был ждать вечно. Чейту казалось, что все происходит медленно, слишком медленно, как во сне. И нет сил сказать самому себе: довольно! Потому что жутко интересно, что же случится дальше.

Двумя руками Чейт снял с короба крышку.

В коробе лежала мертвая голова. Точно такая же, как и та, что он нашел в пустыне. С темно-коричневой морщинистой кожей, с зашитыми веками и губами, с законопаченными ноздрями, с очень ровным срезом на шее...

- Все! - Чейт кинул крышку на короб. Крышка упала неровно и съехала в сторону. Так что Чейту оставались видны подбородок и ухо мертвой головы. - С меня хватит!

Шаман поправил крышку на коробе.

- Чья это голова? - кивнул на короб Чейт.

- Моя, - ответил шаман.

Чейт саркастически усмехнулся, давая понять, что оценил шутку.

- Я имел в виду, кому она принадлежала прежде?

- Прежде ее не было, - едва заметно качнул головой шаман.

- Хорошо, поставим вопрос иначе. Откуда у тебя эта голова?

- Я нашел ее в пустыне Начикорадос. Сорок четыре года назад.

- И часто в Начикорадос находят, головы, неизвестно кому принадлежащие?

- Случается.

Шаман легко поднялся на ноги и снова скрылся в доме.

Глядя ему вслед, Чейт подумал, что никогда прежде не интересовался, сколько шаману лет. У него даже мысли такой не возникало - поинтересоваться. Шаман выглядел... Вечным, что ли? Почему-то казалось глупо спрашивать его о возрасте. Да и бестактно к тому же... Нет, скорее, все же глупо. Странно, но именно так. Глупо.

Чейт перевел взгляд на короб. Присев на корточки, снял крышку. Мертвая голова вызвала странные, противоречивые чувства. Чейту хотелось узнать все об этой голове. И одновременно он был бы счастлив навсегда о ней забыть. Одна мертвая голова - плохо. А две - просто кошмар какой-то. Именно какой-то - у этого кошмара даже названия не было. Хотя, если подумать... Можно было бы назвать всю эту историю «Проклятием мертвой головы». Или еще лучше - «История мертвой головы, неизвестно кому принадлежавшей».

Шаман вернулся с двумя большими чашками сипанга, одну из которых протянул Чейту. Шохен не спросил у Чейта, хочет ли он сипанга, только сказал:

- Пей.

И это оказалось самым разумным из того, что можно было сказать в данной ситуации.

Чейт сделал глоток. Сипанг у шамана был лучше, чем у вождей. Крепче и ароматнее. Нельзя сказать, что после второго или третьего глотка Чейт ощутил себя будто заново родившимся, а в голове у него рассыпалась пригоршня хрустальных искорок. Но почувствовал он себя гораздо спокойнее и увереннее. Это уж точно.

Отпив сипанга, шаман поставил чашку на землю, достал из короба голову и положил ее на крышку. Затем вынул голову из сумки Чейта, стянул с нее пластиковую упаковку и положил рядом. Присев на корточки, шаман задумчиво посмотрел на головы. Взгляд его медленно перетекал с одной на другую.

- Ты не видишь между ними разницы? - не оборачиваясь, спросил он.

- Естественно. Они ведь принадлежали разным людям.

- Людям? - переспросил шаман.

- Дзиттерам, - уточнил Чейт.

- Нет, - покачал головой шаман. - Вот голова дзиттера, - двумя сложенными вместе пальцами он указал на свою голову. - А это, - он коснулся пальцами лба головы, что принес Чейт, - человек.

Чейт наклонился и пригляделся. Шаман, несомненно, был прав! У находки Чейта имелись широкие, выступающие скулы, в то время как у дзиттеров скулы почти не различались. Ушные раковины были более округлые, а мочки не такие длинные, как у дзиттеров.

Собственно, ничего странного в этом не усматривалось. Чейт был далеко не первым человеком, прилетевшим на Дзитту. Значит, кто-то из его предшественников здесь умер и был погребен в соответствии с местными традициями. Станным казалось то, что голову человека, возможно, единственного умершего на Дзитте, нашел в пустыне Начикорадос другой человек. Но, в принципе, и это можно счесть совпадением.

Шаман, обернувшись, посмотрел на Чейта.

- Что скажешь?

Чейту было что сказать. Но он только спросил:

- Как эти головы оказались в пустыне?

- Или в полупустыне?

Чейту показалось или шаман действительно лукаво прищурился?

- А есть разница?

- Скажи мне это сам. Ты провел в Начикорадос четырнадцать дней.

- И что с того?

- За это время ты не заметил ничего странного? Ничто не показалось

тебе необычным?

- Я нашел мертвую голову. Как это, по-твоему, - странно или необычно?

- Я спрашиваю не о том.

- О чем же тогда?

- Ну, например, ты так и не смог понять, где побывал, в пустыне или полупустыне.

- Давай спишем это на мою тупость.

- Тебе нравятся задачи с простыми решениями?

- Нет.

- Тогда предложи другое.

- Ну, быть может, Начикорадос - это и пустыня, и полупустыня одновременно.

Чейт ляпнул это просто так, особо не задумываясь. Но, к его удивлению, шаман щелкнул пальцами.

- Точно! Еще что?

- В смысле странностей?

- Именно.

Чейт задумался.

- Я встретил двух змееловов, одетых в травяные накидки.

- До того, как нашел голову, или после?

- После. Спустя два дня.

- Травяные накидки давно уже никто не носит. Да и змей в Начикорадос почти не осталось.

- Они подарили мне пару шкурок.

- Это хорошо.

- Но голову взять отказались.

- И это правильно.

- Почему?

- Потому что они понимали, что происходит.

- А я этого до сих пор не пойму.

- Ты ведь не шохен. И не знаешь, что такое Начикорадос.

- А я должен это знать?

Шаман посмотрел на принесенную Чейтом голову. Затем перевел взгляд на него самого.

- Полагаю, что теперь - обязан.

- Так значит?..

- У тебя какие-то проблемы? - спросил шаман.

- Нет, - не задумываясь, ответил Чейт. - Ну, если не считать головы.

- Уверен?

- Абсолютно!

Чейт даже улыбнулся, чтобы показать, насколько он в себе уверен.

- Ну, тогда ты счастливый человек. Потому что у всех, кто побывал в Начикорадос, возникают проблемы. Разные. Простые и сложные.

Порой неразрешимые. Иногда смешные. Но всегда, да, практически всегда жизнь шохена после этого круто меняется.

- Что случилось с тобой после того, как ты нашел голову?.. Или такие вопросы не принято задавать?

- Вообще-то, не принято. Но тебе, - шаман бросил косой взгляд на трофей Чейта. - Тебе я, пожалуй, могу рассказать... Хотя и не все... - он снова быстро посмотрел на две лежащие рядышком, ухо к уху, головы.

- В итоге я стал шаманом.

Чейт с сомнением покачал головой.

- Не понимаю, при чем тут чья-то мертвая голова?

Шаман ответил на это улыбкой - доброй и грустной. Так улыбаются ребенку, несмышленишу.

- Дело в том, что это моя голова.

- Ну да, ты нашел ее сорок лет назад и с тех пор она лежит у тебя в коробе.

- Она всегда была моей.

- То есть?.. Нет... Не думаю, что ты имел в виду именно это.

- Именно это и ничто другое. Это - моя голова.

- Я не наблюдаю особого сходства.

- Но и различий больших, согласишься, тоже нет.

- Это может быть голова любого шохена.

- Да. Но она моя.

- Прости за глупый вопрос, - Чейт покрутил в воздухе пальцем. - Но в таком случае, что сейчас у тебя на плечах?

- Ты задал не тот вопрос.

- А что я должен был спросить?

- Как моя голова оказалась в Начикорадос?

- И как же?

- Все дело в том, что Начикорадос - это место, где прошлое встречается с будущим. А настоящего не существует.

- Это какая-то метафора?

- Нет, это чистая правда. Рано или поздно каждый шохен должен отправиться в Начикорадос и найти там что-то, что укажет ему дальнейший жизненный путь.

- Ты хочешь сказать, что в пустыне, или полупустыне... Кстати, почему то так, то эдак?

- Прежде Начикорадос была полупустыней. Затем климат изменился, растительность в Начикорадос исчезла, живности осталось мало. Теперь это почти пустыня.

- Я видел вполне живенькие пейзажики.

- Это прошлое Начикорадос.

- Значит, ты хочешь сказать, что в теперешней почти пустыне Начикорадос расположена некая временная аномалия, позволяющая путешествовать как в прошлое, так и в будущее?

- Начикорадос - это место, где прошлое и будущее существуют одновременно.

- А настоящего нет?

- Именно.

- Такого не может быть! - всплеснул руками Чейт.

- Но ты сам это видел.

- Я не видел ничего сверхъестественного.

- А как же двое змееловов?

- Это могли быть ребята из соседнего селения, отправившиеся в пустыню за змеями...

- Которых там нет.

- Но они подарили мне шкурки... А разве нельзя поймать змею из прошлого?

- Ага! - шаман ткнул пальцами в Чейта. - Ты уже начинаешь верить!

- Я рассматриваю чисто гипотетическую ситуацию, - возразил Чейт. - Если я попал в место, где прошлое и будущее существуют одновременно, могу ли я взять какую-то вещь из прошлого или будущего и вернуться с ней назад?

Шаман молча указал на головы.

- Что? - не понял Чейт.

- Ты нашел то, что тебе было нужно, и принес это с собой.

- Я вполне допускаю, что это голова из прошлого. Когда-то, давным-давно кому-то отрезали голову, забальзамировали и бросили в пустыне. А я ее нашел, - Чейт развел руками. - И никакой фантастики!

- Это голова из будущего. И это - твоя голова.

- То есть... - Чейт обхватил голову, ту, что была у него на плечах, будто вдруг испугался, что она свалится и покатится по траве. - В буквальном смысле?

Шаман взял чашку сипанга, сделал глоток и улыбнулся.

- Ты хочешь сказать, что в будущем... Будем считать, что в очень отдаленном будущем, шохены отрежут мне голову и бросят ее в пустыне?

Шаман молча кивнул.

- За что?

Чейта обескуражила столь вопиющая несправедливость.

- Подобная церемония - особая честь, - объяснил шаман. - Ее удостоиваются только избранные - те, чьи имена надолго остаются в памяти шохенов. К тому же мы теперь знаем о твоей находке, следовательно, должны позаботиться о том, чтобы в свое время она там оказалась.

Чейт задумался над такой перспективой. А что? Народный герой шохенов - звучит совсем неплохо.

- Но бывает, что и злодеев помнят долго. Да еще и мумифицируют, - с сомнением молвил Чейт.

- У нас так не принято.

- Значит, ты полагаешь, я совершу что-то неординарное? И это значит, что я закончу свой век на Дзитте?

- Это ничего не значит, - улыбнувшись, шаман помахал двумя сложенными вместе пальцами. - Ты получил знак, послание из будущего, гласящее, что ты можешь сделать в своей жизни нечто важное. Но что именно это будет и каким путем к этому идти - решать тебе. В конце концов, ты ведь можешь и вовсе ничего не делать.

- Правда?

- Конечно. Ты разве не слышал о свободе выбора?

- А как же голова?

- А что голова? - с показным равнодушием пожал плечами шаман. - Это ведь только мертвая голова. К тому же неизвестно кому принадлежащая. Если ты не сделаешь ничего из того, что сулила тебе эта находка, значит, мы ошиблись.

- В каком смысле ошиблись?

Чейт непроизвольно провел ладонью по шее. Будто хотел проверить, что его собственная голова все еще на месте.

- Либо это действительно не твоя голова. Либо мы неверно истолковали смысл послания. Всякое случается.

- А что же мне делать с моей находкой?

- Можешь оставить ее себе. Как сувенир. Или как напоминание.

- Как-то диковато держать на полке мумифицированную голову и думать, что, возможно, она твоя.

- Я свою держу в коробе. Достаю изредка, в дни тягостных сомнений и раздумий.

- Помогает?

- Когда как.

- Полагаю, именно за этим ты и отправил меня в Начикорадос? А колышки, которыми я должен был разметить участок, только предлог?

- Ты бы поверил, если бы я заявил, что тебе нужно отправиться в пустыню для того, чтобы встретиться с будущим?

- А змееловы? Они здесь при чем?

- Не знаю. Вероятно, со временем мы все пойдем. Может быть, это были такие же искатели, как и ты. Может быть, просто змееловы. А может быть, ты встретишься с ними в будущем.

- Ты говорил, что они из прошлого.

- Я сказал только то, что травяные накидки, как у них, сейчас никто не носит. Но не исключено, что через несколько лет они снова войдут в моду...

- Он так и сказал: «войдут в моду»? - переспросил Архенбах.

- Так его понял переводчик, - улыбнулся Чейт.

Архенбах покрутил в лапах герметичный пластиковый куб, в который

Чейт упаковал найденную в Начикорадос голову.

- На рынке инопланетных сувениров эта штукавина может стоить хороших денег.

Большие когтистые лапы гронца казались неуклюжими. Чейт вдруг испугался, что Архенбах выронит куб, он разобьется и пострадает голова.

- Я не собираюсь ее продавать, - Чейт забрал у Архенбаха голову.

- Ты что, - оскалился гронец. - В самом деле поверил, что она твоя?

- Скажем так, - Чейт поставил прозрачный куб на стол, - она дорога мне как память.

- А что ты на самом деле об этом думаешь? О месте, где прошлое встречается с будущим.

- Это место называется здесь и сейчас. Мы все время находимся в точке, где прошлого уже нет, а будущее еще не наступило.

- Не заговаривай мне зубы, - оскалил острые клыки Архенбах. - Ты прекрасно понял, что я имел в виду.

- Ну что ж... С точки зрения современной космологии, вполне возможно допустить существование места, где прошлое, будущее и настоящее создают некую вневременную структуру... Собственно, почему бы и нет?.. Настораживает только, что прежде никто не сталкивался с подобным феноменом.

- Возможно, и сталкивался. Однако разумные, здравомыслящие существа находили этому иное, рациональное объяснение.

- Тогда, может быть, и нет никакого эффекта Начикорадос?

- Есть, нет - какая разница! - беззаботно махнул когтистой лапой Архенбах. - Ты лучше скажи, дружище, не помешает ли это в осуществлении наших планов?

- Аборигены ничего против не имеют.

- Точно?

- Им все это жутко интересно. Они ждут не дождутся, когда мы возьмемся за дело.

- Это хорошо, - одобрительно кивнул Архенбах. - Тогда скажи мне еще вот что, дружище. Когда ты странствовал по Начикорадос, - подавшись вперед, гронец приблизил вытянутые, как у крокодила, челюсти к уху Чейта. Настолько близко, что не знай Чейт Архенбаха как облупленного, непременно решил бы, будто компаньон собирается отхватить ему ухо. - Ты видел там что-то, напоминающее рудник, который мы собираемся построить?

- Архенбах! - с укоризной посмотрел на приятеля Чейт. - Ведь ты это не всерьез?

- Дружище, мы затеваем столь грандиозное и масштабное дело, что приходится все, абсолютно все принимать в расчет. Даже полнейший бред. Поэтому ответь: ты что-нибудь видел?

- Нет.

Гронец с досадой клацнул зубами.

- Нет никаких доказательств того, что в пустыне Начикорадос можно увидеть будущее, - улыбнулся Чейт.

- Кроме мертвой головы, - кивнул на прозрачный куб гронец.

- Кроме мертвой головы, неизвестно кому принадлежащей, - уточнил Чейт.

- Можно сделать генетический анализ.

- Не стоит. Тогда исчезнет вся магия. Понимаешь?

Архенбах когтем почесал большую ороговевшую шишку на лбу.

Сложив два пальца вместе, как шаман, Чейт указал ими на прозрачный куб, внутри которого обосновалась его находка.

- Эта голова является символом того, что наше будущее связано с Дзиттой. Пока она здесь, Архенбах, у нас с тобой нет другого пути. И будь уверен - у нас все получится! И наше предприятие не вылетит в дюзю!..

- Прости, приятель, - затряс головой Архенбах. - Я что-то не очень хорошо понимаю, какая тут связь?

- Это потому, что ты гронец! У вас, гронцев, иной уровень мифологизации действительности, нежели у нас, гуманоидов!

Архенбах снова принялся сосредоточенно скрести шишку на лбу. Он плохо понимал, в чем пытался убедить его Чейт, но в целом идея ему почему-то нравилась. Мертвая голова как символ будущего процветания - в этом что-то было. Определенно было.

- Собственно, я-то не против. Пусть стоит на видном месте... Лишь бы клиенты не пугались.

Чейт посмотрел на голову, выражение лица которой впервые показалось ему спокойным и умиротворенным. Чейт улыбнулся и подмигнул ей.

Наверное, решил Чейт, все происходящее с нами является частью одного грандиозного плана, смысл которого мы пока что не в состоянии постичь. Но у нас ведь есть время подумать.

- Поверь мне Бах, скоро у нас от клиентов отбоя не будет. Каждый, кто услышит историю о мертвой голове из будущего, непременно захочет на нее взглянуть. Хотя бы из чистого любопытства. А для этого им всем нужно будет явиться к нам в офис.

- А как они узнают о том, что у нас есть эта самая голова?

- При современном уровне развития средств массовой информации об этом даже задумываться не стоит. Как говорит мой друг шаман, не успеешь на одном краю земли что-то сказать, как на другом уже переврут.

Историю о мертвой голове, которую он поведал Архенбаху, Чейт придумал во время скитаний по пустыне, а может полупустыне, Начикорадос. Вудхауз в сочетании с Витгенштейном о многом

заставляют задуматься. А голову, неизвестно кому принадлежавшую, ему подарил шаман. После того как Чейт рассказал ему эту историю. Шаману история понравилась. Да и Архенбах остался доволен. А голове было все равно.

Вот только одна мысль не давала Чейту покоя. Почему, вручая ему голову, шаман сказал: «Каждый получает то будущее, которое заслуживает»?

Хотя интегральный переводчик, так и не разобравшийся в тонкостях шохонской грамматики, предлагал и другой вариант: «Каждый заслуживает то будущее, которое способен придумать».

Но ведь это совсем уж несерьезно.

ЙОСС

ОРУЖИЕ

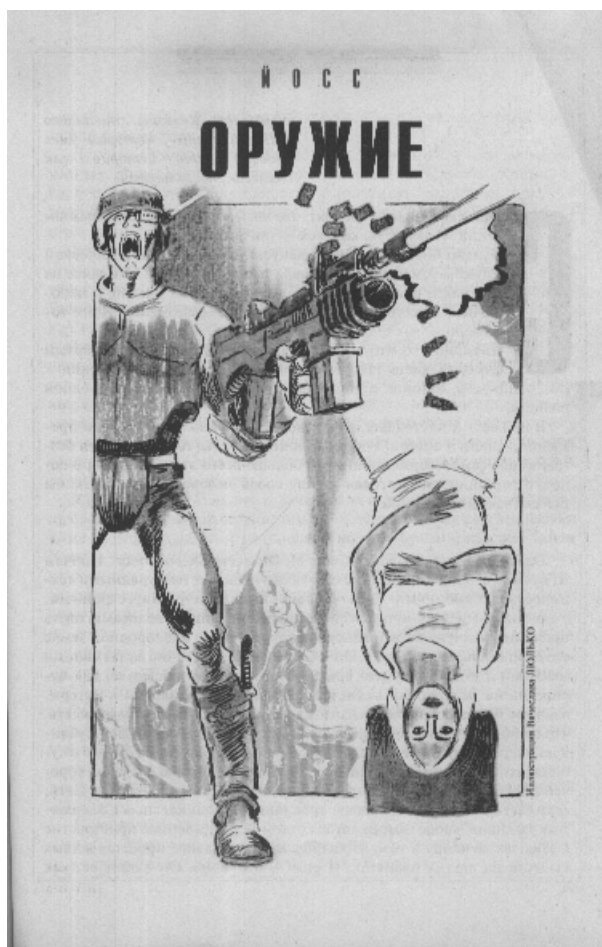

Иллюстрация Вячеслава ЛЮЛЬКО

Роджеру Желязны, писателю «Новой волны», который умел рассказывать истории как классик, посвящается.

Старые астронавты говорят, что космос полон непонятных явлений. И зачастую кажется - так оно и есть.

Однако новоиспеченные выпускники училищ Космической Службы усмеваются, услышав такие заявления. Ссылаясь на учебники, они доказывают, что речь всегда идет не о непонятных, а всего лишь о плохо понятых феноменах. И это тоже верно.

Но верно и то, что за каждым непонятным или плохо понятым фактом кроется та или иная история, достойная изложения. Вот, например, история о двух мужчинах, одной женщине и одной планете.

В ней есть и настоящая, и притворная любовь. Лицемерие и презрение, ярость и смерть. Упорный поиск истины. А еще - почти безграничная самоотверженность. Но больше всего это - история о цепочке случайностей, которая в силу своей невероятности могла бы показаться невозможной.

* * *

Одного из мужчин зовут Свен М. Он ксенопалеонтолог. Причем из лучших в нашей Галактике. Он также обладает незаурядными техническими умениями. Это человек высокого роста, стройный, с обычными и чуть-чуть детскими чертами лица и волосами цвета пшеницы, которая произрастала на холодной, но плодородной земле его скандинавских предков. Он малоразговорчив, вечно занят своими мыслями и так же не умеет вращаться в светском обществе, как булыжник не умеет плавать. Он напрочь лишен стремления к материальному благосостоянию, власти или славе. Хотя нельзя утверждать, что он абсолютно никому не известен. Время от времени Свен публикует очередную, сплошь состоящую из научных терминов статью о существах, вымерших миллионы лет тому назад, которая была бы обречена бесследно кануть в море информации, содержащейся в Сети, если бы ее не прочитывали двое-трое таких же асоциальных и одержимых умников, вроде самого автора статьи. Единственное пристрастие Свена заключается в том, чтобы исследовать давнее прошлое живых существ на других планетах. И еще - его жена. Он любит ее, как любят саму жизнь. И он верит ей так же, как другие люди верят в Бога или в статистику.

Другого мужчину зовут Талмон Д. Он военный и в то же время ученый. Имеет звание полковника Космической Службы. Кроме того, у него дипломы биотехнолога и генетика, которые он получил в одном из

гражданских университетов. Это не секрет, но на базе об этом мало кто знает. Полковник очень умен. Именно поэтому ему удалось так быстро подняться по карьерной лестнице. Но он также прошел тактические курсы по подавлению беспорядков, изучал стратегию противопартизанской войны и теорию управления. Внешне он замкнут, имеет холодно-напыщенный вид, и блестящая, как у здорового животного, черная кожа упруго обтягивает его внушительные мускулы, хотя Талмон уже не молод. Он хороший начальник. Не злоупотребляет властными полномочиями в личных целях. Справедлив, но порой непреклонен. Не курит, не пьет, не колетса и не употребляет никаких наркотических веществ, которые могли бы отрицательно сказаться на его тактическом и стратегическом мышлении. Единственным его недостатком и пороком является секс. Он верит в сладость запретного плода, который срывает с помощью силы или хитрости.

Женщину зовут Джилма Б. Она нежна и привлекательна. И внешне представляет собой безупречный образец смешения рас. Бронзовая кожа, янтарные глаза и роскошные волосы цвета безлунной ночи. Хищно-чувственный смех, звенящий хрустальным водопадом, уверенная и в то же время соблазнительная походка. На каждом общественном мероприятии эта женщина сверкает подобно алмазу на фоне серой грязи. Ее амбиции не знают пределов. Она относится к тому типу самок, которые уверены, что заслуживают всего на свете. Не имея ни профессионального образования, ни унаследованного состояния, Джилма достаточно умна, чтобы понимать: любая красота, как и любой талант, преходяща и не гарантирует стопроцентного успеха. Ее амбиции обуславливают то отсутствие щепетильности, которое необходимо, чтобы вести паразитический образ жизни и эксплуатировать чужие успехи. Она уверена в своем праве на лицемерие, притворство, предательство и эгоизм точно так же, как скорпион - в праве пускать в ход свое смертоносное жало. С той же смертельной и эффективной наивностью.

Планета занесена в реестр Космической Службы как Б-876 и считается... странной. Но вообще-то она носит название Барсум, и, в принципе, ее загадочность не столь уж велика.

Эта однообразная красная пустыня, освещаемая по ночам светом двух лун и прорезанная глубокими оврагами, на дне которых бегут ручейки воды, была бы идеальным миром для постановки фильмов по романам Эдгара Берроуза. Однако многие предпочли бы называть ее Оссуарием за то, что в недрах ее дюн, состоящих из мириад железистых песчинок, покоятся десятки миллионов ископаемых останков. Некоторые скелеты принадлежат существам гораздо более древним, чем земные динозавры. Есть и такие кости, которые могут относиться к представителям разумных видов.

Барсум-Оссуарий Б-876 занимает ключевое положение по отношению

к внутригалактическим трассам. В радиусе многих парсеков это единственная планета, на которой имеется вода, чтобы пополнять систему охлаждения термоядерных реакторов гиперпространственных судов, и атмосфера, в которой могут дышать экипажи и пассажиры транзитных лайнеров. Сила тяжести здесь подобна земной, а вся биосфера сводится к водорослям, выделяющим кислород, и трем разновидностям простейших организмов, которые потребляют сначала кислород, а потом и друг друга. Эти бактерии безобидны для человека, и поэтому весьма логично, что люди основали на поверхности Барсума небольшую базу Космической Службы. Ее персонал: горстка технических специалистов для обслуживания прибывающих гиперсудов и две горстки военнослужащих для того, чтобы контролировать, защищать и всячески обеспечивать этих техников. Чтобы единственным вариантом половых отношений для технического и военного состава не стал гомосексуализм, служить на базу направляют и женщин - преимущественно незамужних и склонных к частой смене партнеров. Это одно из немногих исключений, которое руководство Космической Службы делает из мачистской политики в отношении своих военнослужащих. Наконец, на базе трудится пара ученых, не требующих больших зарплат и умеющих держать язык за зубами. Их присутствие необходимо для того, чтобы парламент Земной Федерации не отнес базу к числу стратегических секретных объектов и не обложил Космическую Службу дополнительным налогом.

Одним из таких ученых является Свен.

Руководит базой Талмон.

А Джилма - супруга Свена.

* * *

Вот так обычно проходит каждый день Свена на планете Барсум.

Он просыпается в семь утра по общегалактическому времени. Целует Джилму, некоторое время любуется ее красотой, затем встает. При этом Свен старается не шуметь, чтобы не разбудить жену.

Одевшись, Свен идет в столовую на завтрак. В семь утра по общегалактическому времени на Барсуме еще стоит глухая ночь, потому что день здесь длится 28 часов. За завтраком Свену предоставляется возможность побеседовать с другим представителем местного научного минисообщества - астрофизиком Линь-Чжао Танем, который к этому времени оставляет свои гамма-телескопы, фотометры и спектрометры, жалуюсь на слишком короткую ночь на этой проклятой планете. Беседа ученых сводится к попеременным пространственным монологам о последних успехах и неудачах каждого в своей области. Пока говорит один, другой издает одобрительные хмыкания, и оба с

жадностью поглощают белковую пасту и псевдокофе.

Линь-Чжао ничего не смыслит в ксенопалеонтологии. То же самое можно сказать о познаниях Свена в астрофизике. Возможно, именно поэтому каждый считает своего напарника единственным другом на всей базе.

Ученые спокойно беседуют до тех пор, пока не появляются полковник Талмон и его люди, взмокшие после утреннего тренажа. Занимая столы, военные громким шепотом отпускают едкие замечания в адрес «гражданских мешков». Свен и Линь-Чжао понимают, что их время вышло. Тем не менее они неторопливо завершают трапезу, словно шумная солдатня просто-напросто не существует.

Когда астрофизик отправляется спать, ксенопалеонтолог приступает к работе.

Еще в течение первой недели пребывания на Барсуме ему удалось посредством официального запроса заполучить на несколько дней в свое распоряжение два из военных разведывательных спутников, кружащихся на орбите вокруг планеты. Хотя этот демарш сразу же вызвал неприязнь к Свену со стороны полковника Талмона, зато теперь ученый располагает подробнейшей картой Барсума.

В соответствии со строгим графиком работы, утренние часы по понедельникам и четвергам Свен посвящает исследованию заинтересовавших его мест планеты. Он летит на своем кресле-антиграве над самой поверхностью планеты, впившись в почву таким внимательным взглядом, что на его месте даже самый прилежный буддистский монах сошел бы с ума. Потом ученый погружает в песок длинные и очень тонкие электроды дифференциального эхолота и приступает к сканированию. Этот аппарат, который Свен приспособил для своих целей, обладает высокой чувствительностью по сравнению со стандартными зондами, применяемыми при разведке полезных ископаемых. Свен даже не потрудился зарегистрировать его, хотя патентные права принесли бы ему миллионы кредитов. Основная цель жизни ученого заключается вовсе не в том, чтобы купаться в деньгах.

На экране усовершенствованного прибора отражение волн ясно показывает формы костей, по своей плотности сильно отличающихся от покрывающего их песка. Осуществив несколько раскопок в случайно выбранных местах с помощью легких киберов и пролив пару литров пота в течение последующих пяти-шести часов, когда жара на поверхности Барсума становится невыносимой, Свен определяет, действительно ли данный участок способен оправдать его ожидания по результатам анализа карты. Если нет, то в его распоряжении достаточно светлого времени суток, чтобы выбрать другую зону для работы. Чего-чего, а залежей скелетов на Барсуме хватает.

По вторникам и пятницам Свен использует для работы более тяжелое оборудование, чтобы получить окончательные результаты

исследований. Он так же искусно управляет несколькими сервомеханизмами, как дирижер - оркестром. Мощные машины перемещают тонны песка, чтобы добраться до какого-нибудь особенного черепа или берцовой кости, обнаруженных накануне с помощью эхолота. А потом остается лишь осторожно (чтобы не рассыпать в прах) извлечь находку манипуляторами с дистанционным управлением и положить ее в «корзину». За день Свену удается собрать от ста до двухсот объектов.

По возвращении на базу для ученого начинается «сеанс головоломки». Он может длиться с заката вторника или пятницы до рассвета среды или субботы. В момент восхода солнца те ископаемые, которые Свен с помощью компьютерных суперпрограмм не сумел классифицировать, остаются «неразгаданными» до следующей партии образцов.

«Сеансы головоломки» являются одновременно и праздником, и тяжким трудом. Тщательное исследование в рамках сравнительной анатомии, которое заставило бы лопнуть от зависти самого Кювье. Проводя классификацию останков, Свен затем складывает кость к кости до тех пор, пока перед ним не предстает примерный облик - вначале в виде скелета, а затем и во плоти - того живого существа, которому принадлежали все эти кости. Затем ученый делает вывод о том, как это существо передвигалось, питалось, размножалось и т.д. В свой лексикон Свен включил некоторые военные термины. То, что описано выше, составляет его «тактическую» работу. «Стратегической» мыслительной деятельностью он занимается по воскресеньям. В этот день он не отрывается от компьютера больше чем на полчаса и поглощает кофе в огромном количестве. В ходе этой работы он уже не рассматривает свои образцы, классифицированные и снятые голокамерой в разных ракурсах. С маниакальной самоотверженностью средневекового монаха-переписчика книг он заполняет память своего компьютера вопросами, гипотезами и размышлениями всякого рода.

В конце дня (или ночи, потому что частенько он путает одно с другим) изнемогший Свен возвращается в неизменно открытые объятия Джилмы, чтобы поведать ей все, что он делал и над чем ломал голову в течение дня. Он знает, что жена не понимает его, но это не имеет для него значения, ведь она проявляет живой интерес к его рассказу и улыбается при этом так ласково и нежно...

Ему никогда не снятся кошмары, и он никогда не просыпается среди ночи. Он считает себя счастливым. Любящая жена, регулярный заработок, интересная проблема, которая требует постоянного умственного труда - что еще требуется человеку для счастья?

Да, конечно, с каждым днем он уделяет все меньше времени своей любимой Джилме и все больше - Барсуму и его тайнам. Но это потому,

что он предчувствует: вот-вот из массы разрозненных фактов возникнет нечто. И почему-то это предчувствие тревожное...

* * *

А день полковника Талмона проходит так.

Будучи военным, он верит в силу примера. Поэтому просыпается в шесть утра по общегалактическому времени, на пятнадцать минут раньше, чем его подчиненные. Когда сонные солдаты прибывают в спортзал, он уже вовсю занимается там утренним тренажем.

Подчиненные уважают полковника: он ежедневно тренируется так же и даже больше, чем они. Они стараются изо всех сил, если он рядом с ними. Вряд ли они его любят: все-таки он кадровый офицер, а не такой же, как они, «срочник». Однако уважения без любви тоже вполне достаточно, чтобы заслужить авторитет.

Обильно потев на гравитационных тренажерах, полковник Талмон видит, как Свен зажигает свет в своей ванной комнате и как автоматически гаснет свет в обсерватории, когда ее покидает Линь-Чжао. Затем загорается лампа в столовой, и полковник ухмыляется, представляя себе странный утренний диалог ученых.

Потом он выгоняет солдат на пятикилометровый кросс. Еще темно, и это хорошо, потому что ночная прохлада Б-876 ласкает потные тела бегунов. Скоро начнется жара. Перепад ночной и дневной температуры здесь такой резкий, что многие сплавы и пластмассы не выдерживают постоянного расширения и сжатия и рано или поздно рассыпаются в прах от термомеханической усталости.

Красноватый песок Б-876 попадает в ботинки и взлетает облачками, просачиваясь в рот и отвратительно хрустя на зубах. Талмон бежит впереди. Ему уже почти пятьдесят, но постоянные физические нагрузки и антигериатрические процедуры, которым Космическая Служба ежегодно подвергает высший офицерский состав, помогают ему сохранять по-юношески отличную форму. Талмон гордится этим.

Когда шагомер показывает, что бегущие удалились от базы на два с половиной километра, полковник разворачивается и в сопровождении солдат бежит обратно по своим же следам. При этом он пользуется компасом. Б-876 имеет ровную, как стол, поверхность, а над головой - лишь незнакомые созвездия. Однажды двое солдат заблудились, и их спасло лишь то, что они сумели укрыться в тени канала, по дну которого протекала вода. С тех пор в оснащение каждого солдата входят компас, коммуникатор гиперширокой частоты и копия карты планеты, которую с помощью спутников сделал Свен. Хотя в карте военных по сравнению с экземпляром, имеющимся у ксенопалеонтолога, имеется одна небольшая дополнительная

деталь...

Потея, как простой солдат, Талмон думает о Свене и его исследованиях. Он признает, что ученый обладает таким же интеллектом, как он сам, но с презрением относится к бессмысленности его труда. Исследования ради исследований. Потеря времени и расходование средств неизвестно ради чего. Это непрактично. А вот у полковника - другое дело...

Однако имеются некоторые факторы, которые повышают значение работы того же Свена. Может, именно поэтому с ним и заключили контракт? Ксенопалеонтолог и не подозревает, что Высшее командование КС объявило благодарность Талмону за умелое использование тех данных, которые полковник добыл из компьютера ученого. Благодаря этому небольшому тайному нарушению научной этики секретные разработки существенно продвинулись.

Есть и другие причины, которые делают терпимым и даже благословенным присутствие Свена на планете. Так сказать, косвенные причины...

Два-три раза в неделю какое-нибудь гиперсудно дальнего следования входит на орбиту Барсума и направляет катер с грузом водорода и кислорода для своих реакторов и чистого воздуха для закачки в системы жизнеобеспечения. Катер обслуживается быстро и четко. Но иногда после завершения загрузки он задерживается на планете еще на несколько часов. На борту лайнера всегда находятся пассажиры, которые готовы терпеть гравитационные перегрузки при приземлении ради того, чтобы немного размять ноги и полюбоваться видами незнакомой планеты.

Если среди них встречаются женщины, Талмон лично занимается самой привлекательной из них, поручая остальных заботам своего небольшого войска. Он пользуется одним и тем же методом соблазнения, который, как правило, срабатывает безотказно. Сначала он любезно предлагает себя в качестве гида для короткой прогулки на антиграве над поверхностью пустыни. Его предложения отклоняются очень редко. Программа прогулки весьма коротка: ведь смотреть на Барсуме особо не на что. Полет над пустыней, приземление возле какой-нибудь залежи костей, спуск на дно канала, купание в прозрачной воде, которая течет по его дну... Как правило, купание требует раздевания, а изысканная любезность полковника обеспечивает более тесный контакт с дамой, которой за многие недели пребывания на борту гиперсудна уже смертельно осточертели одни и те же физиономии...

Этот контакт не имеет последствий: Талмон остается на Б-876, а женщины продолжают полет. Некоторые потом присылают по гиперсвязи ностальгические сообщения, но полковник никогда не отвечает на них. Женщины для него, как автоматные патроны:

использовал - и забыл.

Суда извещают о точном времени своего прибытия за два-три дня, что позволяет полковнику тщательно спланировать свои действия.

Если на катере не оказывается представительниц прекрасного пола, Талмон поручает сопровождать туристов своим лейтенантам. Если судов в скором времени не ожидается, он занимается тем же, чем и пятнадцать его подчиненных, свободных от несения караульной службы, - убивает время.

Он обучает боевым искусствам своих людей, но пока еще никто из солдат ни разу не сумел одержать верх над полковником. Он оттачивает меткость в стрельбе из автомата, пистолета и более примитивных видов оружия - таких, как метательные ножи, копье или арбалет. Он решает кроссворды и читает «Голос астронавта», который Высшее командование Космической Службы еженедельно рассылает по гиперсвязи своим передовым базам. Он контролирует финансы и наличие продовольствия, топлива и запасных частей. Составляет свой еженедельный отчет-запрос. Принимает меры к тому, чтобы его солдаты не перегрызли друг другу глотки в тех конфликтах на бытовой почве, которые неизбежно возникают в закрытых мужских коллективах. Он составляет график отпусков своих подчиненных: через каждые шесть месяцев каждый солдат имеет право на пятнадцатидневный отпуск в любом месте по его выбору за счет Космической Службы. Это единственный стимул для военнослужащих двухлетней срочной службы... Если солдат желает остаться на этой службе, он автоматически получает звание сержанта, теряет право на оплачиваемые отпуска, но обретает право на регулярное жалование и повышение в должности. Талмон считает, что такая система - верх совершенства.

Двадцативосьмичасовой день на Б-876 обуславливает тот факт, что время сна увеличивается. Солдаты благодарят судьбу за то, что проходят службу в таких выгодных условиях.

Для полковника же восьми часов сна вполне достаточно, чтобы восстановить силы. Образующийся остаток времени он использует в основном для работы над секретным проектом, в котором почти полностью заняты пять солдат-техников из «группы К», которые фигурируют в штатном расписании как «личный состав особой безопасности».

* * *

А вот таков день Джилмы.

В семь утра по общегалактическому времени она чувствует, как встает с постели Свен. И испытывает облегчение: не очень-то приятно, когда

из-за тесноты походной койки на тебя всю ночь давит костлявое тело мужа. Когда он ее целует, она притворяется спящей, а затем медленно, как амеба, расплывается телом по всей койке.

Пребывая в дремотном состоянии, она является немым свидетелем тех нелепых процедур, с помощью которых Свен пытается обмануть свой возраст, и ненавидит его так сильно, как это бывает после многих лет совместной жизни.

Ей удастся поспать в свое удовольствие только тогда, когда муж уходит на завтрак. Ей снятся пышные приемы с людьми в дорогих мундирах, увешанных наградами. Ей снится, что все внимание обращено на нее, полуобнаженную красотку в роскошном вечернем платье из пласт-серебра, и что мужские (и даже некоторые женские) взгляды наслаждаются ее красотой, властностью и недоступностью. Иногда в таких сновидениях она испытывает оргазм.

Когда уже почти полдень, и кондиционер начинает уступать жаре Оссуария, Джилма покидает свое ложе. Скинув одежду, она принимает первый душ за день, не экономя бесплатную воду. Потом она облачается в тесно облегающие тело одеяния, удобные не только для занятий гимнастикой, но и для демонстрации результатов этих занятий.

Она идет в спортивный зал, где в это время почти никого нет. Только редкие солдаты, недавно сменившиеся из караула, пожирают Джилму похотливыми взглядами.

Иногда Джилма прогуливается, проклиная ископаемые останки, которые отнимают столько времени у Свена, не принося окончательного результата в виде гениального открытия. За которое ему присудили бы Большой Приз Ксенологического Общества в размере миллиона кредитов и благодаря которому он стал бы звездой науки (а уж она бы тогда сумела организовать все так, чтобы многочисленные интервьюеры интересовались в первую очередь ее яркой личностью, а не ее мужем... и чтобы в один прекрасный день расстаться с ним навсегда!)

* * *

А вот некоторые заметки из журнала научных исследований, который Свен с юмором окрестил «Энциклопедией незнания».

«Млекопитающая рептилия длиной примерно в десять метров. Передние конечности хватательного типа. Скопление приблизительно из пятисот скелетов. Создается впечатление, что в этом месте борьба велась не на жизнь, а на смерть. Возможно, речь идет о каком-то ритуале: некоторые экземпляры находятся в непосредственном контакте друг с другом. Сражение за территорию, за самку, за предводительство в стае? Или из чувства голода? Чем питались эти

гиганты? Возможная гипотеза: они были разумны и имели стада скота... Межплеменная вражда? Метательные орудия?..»

«Странные монокристаллы хрома и ртути в каждом пятидесятом скелете. Отравление тяжелыми металлами? Деформирование костей отсутствует. На протяжении миллионов лет? Адаптировались? Периодическое падение метеоритов с повышенным содержанием металла? Барсум - радиоактивная свалка Галактики? Но почему это не у всех?..»

«В останках летучих мышей-скорпионов нет углерода-14. Метаболизм, основанный не на углероде? Кремний, германий? Весьма странно. Углерод намного более летуч и чаще встречается в космосе. Другой вопрос: почему все эти кости подверглись одинаковой фоссилизации? Маловероятное объяснение: Барсум - жаркая и сухая пустыня, происходила естественная мумификация. Неужели все так просто?..»

«Пищевая цепочка непонятна. Отсутствует ряд уровней: первичные травоядные, некрофаги, мелкие млекопитающие. Преобладающее наличие всеядных, если изучение зубов проведено правильно. Довольно своеобразная экология. Откуда бралась энергия на этой планете? Несерьезная гипотеза: животные-растения? Хлорофилл или подобные ему пигменты в тканях? Но в ископаемых останках уже нет тканей, там только костная ткань. Без исключений...»

«Почему они погибали в массовом порядке? Землетрясения, извержения вулканов, метеориты? Кювье наверняка бы прибег к своей теории о великих катаклизмах. Линь-Чжао подтверждает, что в данной звездной системе очень мало астероидов. А сейсмограф показывает, что планета геологически так же мертва, как моя покойная прабабушка. Эпидемии? Массовое самоубийство, как бывает с леммингами в Арктике? Повышенная радиация наводит на мысль, что смерть у всех наступила почти одновременно. Разница между самым древним и самым свежим из скелетов составляет всего какую-нибудь тысячу лет. И было это пять-шесть миллионов лет тому назад. Завершение жизненного цикла Вселенной? Не знаю, что и думать...»

«Примат. Хотя и четверорукий. Что за тип эволюции протекал на Барсуме? Гипотеза отчаявшегося безумца: это не обычная планета, а биологическая мастерская Господа Бога. Или склад для результатов его неудачных опытов. Или зоопарк для почти всемогущей цивилизации. Или вся эта планета - механизм генетической инженерии? Если это не так, то почему столько представителей каждого вида? Некоторые из них кажутся слишком... редкими. И почему этот испытательный полигон сейчас пуст? Отсутствуют предпосылки?..»

«Семьдесят процентов этих существ могли использовать орудия и инструменты. Оставшиеся 30 процентов... данные отсутствуют, но ничто не свидетельствует о том, что они не могли этого делать. Мягкие

щупальца, не подвергающиеся фоссилизации, телекинез или бог знает что? Гипотеза умалишенного: все они были разумны и здесь проходил Галактический Конгресс Мира. На котором разразилось великое сражение. Гипотеза пьяного ксеноархеолога: мы находимся на развалинах Большого галактического цирка, своего рода Колизея, где представители разных цивилизаций сражались, чтобы развлекать... кого? И по каким правилам? А если они были разумными, то где их творения? Их оружие, трезубцы, шлемы, панцири? Или их забирали с собой победители? А может, их уничтожили местные микробы?..»

«Признаки радиоактивности и тепловых ударов на костях больших нелетающих птиц. Природные изотопы, вулканы, пожары? Следы воздействия уничтожившего их вооружения?..»

* * *

А вот некоторые заметки Талмона об исследованиях, которые проводятся на секретном полигоне (кодовое название - «Кали-Юга») в 228 километрах от базы Б-876-А6.

«Гены-репликоны оказались не столь эффективными, как это представлялось вначале. В виртуальной модели им требуется двенадцать часов для адаптации инфекционного аппарата ретровируса к новому носителю. «К-один» предлагает попробовать переносимые плазмиды. Это более трудоемко и сложно, но зато надежнее. Самый простой путь не всегда является самым эффективным. Простота может создавать свои ограничения...»

«Псевдоклетка гигантской плотоядной рептилии кажется устойчивой к бактериальной атаке. «К-два» полагает, что разгадка кроется в монокристаллах хрома-ртути. «К-три» считает, что это только остаток природного, синтезируемого химическим способом прокариота. Он предлагает исследовать возможный метаболизм, основанный на тяжелых металлах. Однако получение готовой виртуальной модели займет несколько месяцев, и я не думаю, что она принесет какую-то пользу для создания биологического оружия...»

«Свен зарегистрировал новый вид, нечто среднее между ракообразными и змеями. «К-пять» полагает, что эти существа ядовиты. Надо получить образцы ископаемого генома. К счастью, ксенопалеонтолог, делая голоснимки, забывает о материальных объектах. ДНК этого существа выглядит неполной. Нам следует использовать разные образцы и последовательность ошибок при репликации, прежде чем мы получим хотя бы на 70% жизнеспособный прототип. Это не проблема, Свен всегда собирает много схожих между собой костей...»

«Нуклеолитический вирус против нелетающей гигантской птицы дал

успешный результат. Он уничтожает клетку за наносекунды. Если когда-нибудь удастся встретиться с потомком этой твари, он окажется эффективнее ядерной бомбы».

«Моя работа выполняет чисто тактическую функцию. Я исполняю приказы Высшего командования и разрабатываю потенциальное биологическое оружие. Солдат подчиняется приказам, а не обсуждает их. Но как ученый я не могу не задаться вопросом... Все виды здесь мертвы, а наши модели псевдоклеток - всего лишь реплики, неспособные к самостоятельной жизни. Может быть, они еще живы в каком-нибудь отдаленном районе? Свен размышляет о том, разумны ли они. Может, он прав? Иначе зачем понадобилось бы развертывать весьма дорогостоящий исследовательский проект с целью создания биологического оружия против неразумных тварей? Ракеты против львов? Нелогично. Может быть, они находятся где-то на соседних планетах и выжидают момент, чтобы вернуться? Именно поэтому Высшее командование держит меня здесь? Я - первый рубеж обороны от реальной угрозы? Или мой труд служит лишь в качестве тренировки либо как примерный вариант быстрого биологического реагирования на нападение любой разумной расы? Наверное, я превращаюсь в параноика. Ведь те, кому принадлежали эти скелеты, давно уже сыграли в ящик...»

«На сегодняшний день зарегистрировано 156 видов. У нас есть способы сверхбыстрой биологической борьбы с каждым из этих видов. Я снова залез в записи Свена. Нужно знать, не подозревает ли он о чем-нибудь. Если он узнает о проекте, у меня не останется другого выхода, кроме как убрать его. А если принять во внимание беременность его жены, о которой она мне поведала?.. Нет! Если я буду обязан сделать это, то сделаю. Личные соображения не должны ставить под угрозу успех всего дела. Как бы то ни было, безопасность доведена до максимума. Сооружения находятся на большой глубине под землей, вход в них неизвестен Джилме, а та карта, которая имеется у Свена, была нами изменена. Успокойся, Талмон! Когда слишком усердно пытаются скрыть что-либо, это скорее выплывает наружу».

* * *

Некоторые выдержки из личного дневника Джилмы.

«Вот уже три месяца, как я беременна! А в инструкции к противозачаточной вакцине было сказано, что она эффективна на 99,999%! Но почему-то именно на мне она не сработала. Я уже сказала об этом Свену, хоть и знаю, что зачала не от него. Этот идиот так обрадовался! Он хочет, чтобы я обязательно рожала. Да я и сама уже

так решила. Пора изменить свою судьбу. Свен никогда не добьется успеха в жизни, а у «К-нуль» есть все, что мне нужно. Надо только убедить его в том, что я - именно такая жена, которая нужна ему. Я сказала ему о будущем ребенке, а у него ни одна жилка не дрогнула на лице! Неужели я ничего для него не значу? Хотя теперь это неважно. Я влюблена в него и все бы отдала за один только одобрительный взгляд с его стороны!..»

* * *

Доктор Свен исследовал самую захватывающую проблему в его жизни. Он верил в дружелюбие полковника Талмона, в любовь и верность своей супруги и надеялся, что Джилма родит мальчика, которого он собирался назвать Чарлзом - в честь Дарвина. И он был счастлив.

Полковник Талмон напряженно работал над проектом «Кали-Юга». Он хорошо руководил базой. В сексуальном плане его удовлетворяли туристки, порой - кто-нибудь из женщин-техников, а больше всего - Джилма. Кем, как не им, мог оказаться тот самый таинственный «К-нуль»? Он уповал на близкое и заслуженное генеральское звание, подсмеивался над столь выгодной ему наивностью доктора Свена и был почти счастлив. Его немного беспокоили осложнения, которые могла вызвать беременность Джилмы. Но меньше всего его волновало, от него или не от него она зачала ребенка.

Джилма полагала, что ребенок может явиться ключевым элементом для завоевания полковника. Она мечтала о разводе и о заключении нового брака с новоиспеченным генералом. В своих мечтах она по-своему была счастлива.

Таким образом, ситуация на базе Б-876-А6 выглядела весьма устойчивой.

Но она была обречена на радикальное изменение.

* * *

Среда, поздний вечер.

Свен только что закончил классификацию своей последней находки. Наконец-то в его коллекции появился еще один вид, после того как три раза подряд ему попадались кости уже внесенных в каталог существ. Разумеется, они пригодятся для более полной реконструкции скелетов этих особей, но Свен отказывался поверить в то, что всего за семь месяцев едва ли не бесконечный арсенал ископаемых Барсума оказался исчерпанным. Как любой человек, влюбленный в свою

работу, Свен всегда начинал какое-либо дело, сетуя на его огромный объем, а потом, когда труд подходил к концу, испытывал странное ощущение пустоты внутри себя.

Он покосился на карту, где красным цветом обозначались места его раскопок. Больше шестидесяти точек. Он старался проводить свои изыскания с охватом как можно более широкой зоны. В его архиве уже числилось 184 типа ископаемых. Неужели настало время объединить всех обнаруженных существ в одну биосферную систему?

Свен не представлял, в какой природной среде могли бы уживаться открытые им существа. Где-то в бескрайней пустыне Барсума его должны были поджидать новые экспонаты. Возможно, именно в них кроется ключ к разгадке тайны этой планеты. Следует лишь отыскать такое место, где он еще не побывал.

Нужно еще раз изучить карту. Ну-ка...

В приступе внезапного вдохновения Свен склонился над панелью управления компьютера. Была уже половина шестого утра. То, что он намеревался сделать, было незаконным и теоретически невозможным, но ученый надеялся, что ему удастся легко получить желаемый результат. И что системы оповещения о виртуальном вторжении, которыми защищены спутники, не сработают. И что операторы, следящие за этими спутниками, сейчас сонно зевают, дожидаясь, когда их сменят.

По части кибернавигации Свен был мастером. Компьютерная система базы не была защищена от внутренних вторжений. А тот компьютер, с помощью которого ксенопалеонтолог собирался получить доступ к системе управления спутниками, входил в состав локальной сети военной базы. Применив пару довольно простых и архаичных трюков, Свен всего за три секунды скачал видеозаписи со спутника и вышел из сети. Оператор сети так и не заметил ничего странного, и Свен мог спокойно сверить новые данные со своей старой картой.

Он увидел, что за семь месяцев кое-что изменилось. В некоторых местах исчезли высокие дюны, в других - расширились берега канала, а вот там...

Свен подался вперед так резко, что его нос проник в голоизображение, висящее над клавиатурой. Одна из дюн отсутствовала на его карте! Вместо нее ранее значился какой-то мелкий канал!

В мозгу Свена вихрем пронеслись разные гипотезы. Что послужило причиной такого резкого изменения поверхности? Тектоническая активность? Вода, подмывшая берега канала?

Ему так и не пришло в голову, что несоответствие было обусловлено не чем иным, как мерой по защите проекта «Кали-Юга» от любопытных штатских... таких, как он.

В эту ночь Свен улыбался во сне. Он уже знал, где следует проводить

поиски на следующий день. Разгадка тайны была совсем близко. Почти у него в кармане...

* * *

Четверг, утро.

Свен впервые так спешил, что приземлился на песок без выполнения стандартной процедуры облета выбранного участка на малой высоте. Именно эта небрежность и спасла его, не дав стать мишенью для ракеты автоматического комплекса защиты проекта «Кали-Юга». Впрочем, ученый не ведал об этом.

Дрожащими руками он погрузил в песок электроды дифференциального эхолота и включил его. Волнуясь, заставил себя выждать несколько секунд и лишь потом посмотрел на экран.

Вот так сюрприз! На дисплее нарисовались очертания не нового ископаемого животного, а явно искусственного сооружения, находящегося под толщей песка. Большая вертикальная труба с расширением на конце на глубине почти тридцати метров.

Сердце Свена забило сильнее. Он подумал, что первым наткнулся на творение иного разума на Барсуме. Это заблуждение длилось, пока он настраивал эхолот на максимальную чувствительность.

Потом стало ясно, что это не инопланетный, а вполне земной объект. Скорее всего, секретная военная база. На металлопластовом корпусе сооружения четко виднелась выпуклая эмблема Космической Службы.

Ничего бы не случилось, если бы Свен питал больше уважения к военным тайнам. Или был бы не так любопытен.

Однако не задумываясь над последствиями, а действуя, скорее, по инерции, он повернул до отказа ручку громкости своего сверхчувствительного прибора. Тонкие стенки скрытого полигона хорошо пропускали и отражали звуковые волны, посылаемые эхолотом и принимаемые специальным фильтром кибернетического типа, встроенным в прибор.

Свену удалось обнаружить шесть или семь источников звука (в виде сердцебиения), которые перемещались по подземному объекту. Чисто из научного любопытства он точнее скорректировал настройку.

Сложно устроенный дифференциальный эхолот функционировал на пределе своей разрешающей способности, показывая на экране шесть силуэтов. Это были, несомненно, люди. Четверо из них занимались какой-то деятельностью. А двое других, казалось, совершали половой акт. И весьма страстно. Один из этих силуэтов явно принадлежал женщине, причем беременной, судя по тому, что внутри нее билось крошечное сердце плода.

В сознании Свена проснулась доселе дремавшая гадюка страшного

подозрения. Повинуясь темному инстинкту соглядатая, который присущ любому, даже психически здоровому мужчине; он еще больше увеличил звук. Изображение на экране расплылось, но зато послышались голоса - сильно искаженные, но не настолько, чтобы их нельзя было распознать.

- Вот так... еще... давай еще... о, Талмон!.. любимый мой!..

- Шлюха... я же говорил тебе... не произноси... моего имени...

- Какая... разница?.. Нас никто... не слышит... Ох!.. Вот так... еще... давай!., войди в меня глубже... не бойся... ты не навредишь... своему ребенку...

- Джилма... ты сучка... грязная сучка... и шлюха...

- Сучка?.. Да, я такая... Твоя сучка... твоя шлюха... О, как мне хорошо с тобой!..

Свен слушал эти голоса почти минуту. До тех пор, пока невольная судорога не свела мышцы его руки, заставив вырвать с корнем ручку настройки дифференциального эхолота.

Тогда он отключил прибор. Вытащил электроды из песка и, действуя как автомат, отнес эхолот к креслу-антиграву. При этом он выглядел так, будто его только что подвергли операции по удалению мозжечка.

Талмон и Джилма.

Его Джилма!

Уму не постижимо. Это какая-то ошибка.

И все-таки это - полковник. А с ним - она.

ВСЕ ЭТО ПРОИСХОДИТ НА САМОМ ДЕЛЕ!

Что-то надломилось в сознании Свена. Он упал, скорчившись, на песок. Он рыдал, пока не охрип. Он царапал песок ногтями. Он набивал пригоршнями песка пересохший рот. Он рвал на себе одежду. А потом, схватив правой рукой крупный обломок окаменевшей берцовой кости (которая принадлежала какому-то саблезубому сумчатому), а левой - широкий кусок раковины (от ракообразной змеи), отчаянно помчался куда глаза глядят.

Он летел на крыльях безумия, костью, как ножом, рассекая ветер, потому что перед его мысленным взором стояли лица Джилмы и Талмона: символы предательства, похоти и лицемерия.

Время от времени он падал и катился по земле. Глотая песок, вновь поднимался и опять несясь вперед. Словно Дон-Кихот, бросившийся на гигантские мельницы, что размалывали в прах его душу, но без верного и здравомыслящего Санчо, который мог бы вернуть его к реальности.

Он пробежал в таком состоянии почти два километра.

Не видя ничего вокруг себя, ослепленный ненавистью и бредовыми видениями.

В конце концов он оступился на краю какого-то оврага глубиной метров двадцать и вместе с несколькими кубометрами песка скатился на самое дно, по которому тихо струилась вода канала.

* * *

«Бог не играет в кости», - сказал однажды Эйнштейн, отрицая всем своим научным авторитетом значение случайности. И это высказывание в значительной степени повлияло на образ мышления современников гения.

Однако впоследствии Гейзенберг сформулировал свой знаменитый принцип неопределенности. И тогда стало ясно, что Бог (если он существует) не только играет в кости, но и получает от этого удовольствие.

Многие важнейшие открытия были сделаны благодаря случайности. Начиная с яблока, упавшего на почтенную лысину сэра (хотя тогда он еще не был сэром) Исаака Ньютона и позволившего ему открыть закон всемирного тяготения, и заканчивая дочкой Аль-Брейда-Ракзама, которая играла жевательной резинкой и навела своего отца на идею об эластичной структуре многомерного пространства. На основе этой идеи, опровергавшей теорию относительности Эйнштейна, человечество в XXI веке сумело построить гиперпространственные космические корабли, чтобы перелетать из конца в конец Галактики. И, в частности, чтобы достичь Барсума-Оссуария Б-876.

Можно было бы заявить, что рано или поздно это все равно бы произошло.

Но если бы человечество не изобрело гипердвигатель, то люди никогда не побывали бы на Барсуме.

А если бы наивный ксенопалеонтолог по имени Свен, женатый на лицемерной красотке по имени Джилма, не прибыл на эту планету, то она никогда не изменила бы ему с неким полковником Талмоном, экспертом по генной инженерии и специалистом по биологическому оружию.

Если бы Свен не обладал продвинутыми техническими умениями, он не создал бы дифференциальный эхолот. Если бы он не относился столь наплевательски к деньгам, то запатентовал бы этот прибор. Если бы он не был таким скромным во всем, что не касается его дражайшей супруги и познания жизни в прошлом, то хотя бы публично заявил о своем изобретении. Если бы Талмон не питал такого презрения к теоретику-ученому (и к мужу-рогоносцу), то наверняка уделил бы внимание усовершенствованному аппарату. А начальство Талмона, где-то там, на далекой Земле, оснастило бы секретный полигон проекта «Кали-Юга» защитой от проникновения ультрашироких волн эхолота.

И тогда Свен никогда не подслушал бы интимный разговор между своей «верной» женушкой и «дружелюбным» полковником Талмоном.

И не узнал бы о том, что Джилма - закоренелая нимфоманка, а ребенок, которого она вынашивает в своем чреве, может быть не от него.

Цепочка случайностей.

Если бы Свен не узнал обо всем этом так резко и неожиданно, если бы он не осознавал, что всей его ярости не хватит, чтобы одолеть намного более физически крепкого и опытного по части единоборств Талмона, его психика никогда не вышла бы за рамки «нормальности», и тогда он не испытал бы столь сильный приступ бешенства и сознания своего бессилия.

Если бы Свен не был ксенопалеонтологом и одновременно потомком древних викингов и не думал о том, как отомстить более сильному и ловкому человеку, то даже вышедшая из-под контроля ярость не заставила бы его схватить одну кость как «меч», а другую - как «щит», чтобы махать ими в воздухе в приступе воинственного безумия, которым когда-то бывали подвержены скандинавские берсерки.

Если бы Свен не несся как угорелый, он заметил бы впереди себя крутой берег канала. И тогда он не упал бы в него вместе с массой песка. И кости, которые были в его руках, не попали бы в воду спустя много тысяч или миллионов лет пребывания в сухом песке.

Если бы Свен был чуть ниже ростом, он перевернулся бы при падении четыре, а не три с половиной раза. И тогда, с учетом того, что глубина ручья, протекавшего по дну канала, составляла всего полтора метра, он сломал бы себе шею, а не упал бы навзничь с таким грохотом, который разнесся на сотни метров вокруг. И не сломал бы себе два ребра и не потерял бы сознание от нехватки воздуха в опустошенных легких.

Если бы, если бы - все время «если бы». Условия. Случайности.

Если бы он упал ртом вниз, а не вверх, то захлебнулся бы в воде и не оказался бы лежащим на самом краю ручья...

Если бы в его душе не тлели искры ненависти, желания убивать и гнева...

Если бы ничего этого не было, то не случилось бы того, что описано ниже.

Но это случилось.

Ископаемая берцовая кость, содержащая в себе монокристаллы хрома и ртути существа, умершего миллионы лет тому назад, упала в воду рядом с головой находившегося без сознания Свена. Мозг которого испускал мощный заряд гнева и ненависти.

Чистая случайность, о которой можно только сожалеть.

Пробуждение.

Сознание Свена всплывает наполненным болью пузырьком со дна, где царит мрак беспомощности, под воздействием ненависти, которая толкает его так же, как порох толкает пулю по каналу ствола. К уничтожению себя и других. Ее и его. Всех подряд...

Спасительная и безграничная ярость, которая ранее омрачала рассудок, теперь, кажется, нашла себе выход. Чувствуя одновременно облегчение и опустошенность, Свен медленно открывает глаза.

Лежа на берегу ручья на дне канала, он наполовину погружен в воду. Он не чувствует своих ног. Свиристый холод пронизывает его бедра. И каждый вдох представляет собой настоящую муку.

Он вспоминает о своем недавнем амоке со странной отрешенностью. Словно не он несясь стремглав по пустыне с дикими воплями...

Он смотрит на небо. Солнце Барсума уже давно вышло в зенит. Значит, он пролежал на дне оврага, наполовину погруженный в воду, несколько часов. Отсюда и холод в ногах. Умеренная гипотермия. И, скорее всего, поврежденные ребра. Только этим может объясняться резкая боль при каждом вдохе.

Сжав зубы, Свен поднимается на одеревеневшие ноги, предчувствуя очередной приступ боли в грудной клетке. Он должен...

Что именно он должен сделать?

Убить их! Уничтожить! Стереть в порошок!..

Но откуда в нем берется эта ненависть?

Он оглядывается по сторонам, растерянный, как новорожденный, который хочет заплакать, но не находит в себе причины для плача.

Почему?..

Ответ на этот вопрос обнаруживается в виде светящегося шара на дне канала. Он странным образом притягивает Свена. В других обстоятельствах Свен сумел бы проанализировать и побороть этот импульс. Но сейчас он поддается искушению.

Страх, ответственность, всякое объективное научное здравомыслие словно удалены из его мозга. Теперь там остались только подсознательные рефлексы. И ненависть.

Образ Талмона.

Высокомерный, ненавистный, предательский.

Он должен быть уничтожен.

Однако он опасен. Ему известно множество способов убивать. И его защищают солдаты. Их много, и они хорошо обучены и вооружены. А Свен одинок. Поэтому ему нужно оружие. Оружие, которое позволит ему вступить с ними в бой и победить. Всех до одного. Предателя Талмона, его команду с ее вечными насмешками, суть которых лишь теперь доходит до Свена и которые от этого кажутся еще более гнусными. Оружие, которое было бы одновременно копьем и щитом, которое испускало бы смертоносные лучи и вызывало землетрясения,

которое могло бы превратить бойца-одиночку в целую армию.

Оружие!

Свен опускается на корточки, и его пальцы касаются «шара». Он достает его из воды, берет в руки. *Нечто* вбирает в себя его желания. Потом словно переваривает их. *Оно* питается его ненавистью, будто это чувство - такой же материальный предмет, вроде воды и железистого песка. Потом оно начинает расти и обретать свою окончательную форму. В соответствии с гневом человека. В его глазах и руках механические ткани необычного существа зарождаются и проходят быструю трансформацию, повинаясь импульсам генетической памяти и данным, извлеченным из нейронов Свена. Хромово-ртутный коллоид соединяется с железом в контролируемый на молекулярном уровне сплав, в псевдоживые, но смертоносные устройства, а затем кристаллизуется до твердости металла. При этом возникают недифференцированные ядра, представляющие собой запас для достижения всемогущества, потому что способны превращаться во что угодно.

От зеркальной поверхности, сверкающей холодным светом, отделяется нечто вроде короны с окуляром и наушником.

Она сверкает, словно говоря: «Используй меня».

Ее блеск нарастает, почти полностью подавляя волю человека.

Дрожащими руками Свен берет «корону» и надевает ее на голову. Тут же окуляр пристраивается к его правому глазу, а наушник плотно облегает ухо.

Подключение!

Симбиоз завершен. На сетчатке правого глаза Свена возникает изображение странного предмета (существа? механизма? оружия?), который он сжимает в руках. Ухо воспринимает сигналы от звуковых датчиков. В голове - импульсы ненависти и желания уничтожить все живое. Начинается необратимый процесс ослабления его сознательных движений.

Цель - Талмон, Джилма, База. Уничтожить их, чтобы смыть свой позор. Средство достижения цели - Оружие. В виде его самого. Препятствие для достижения цели - пустыня. И расстояние.

Препятствия следует преодолеть. Посредством перемещения в воздушном пространстве над пустыней.

Под влиянием этого императива горстка недифференцированных клеток преобразуется в конкретное устройство. В биомеханическом чреве симбионта рождается антигравитационное поле, которое охватывает человека и Оружие.словно заключенный в магнитный пузырь, Свен вместе со своей ненавистью медленно поднимается из воды со дна канала и некоторое время плывет низко над поверхностью пустыни. Затем он набирает скорость звука, устремившись в направлении базы Б-876-А6, от которой его отделяет свыше 200

километров и на которой его ждут десятки потенциальных жертв.

В паре километров отсюда на красном песке Барсума лежат брошенные кресло-антиграв, дифференциальный эхолот и прочее снаряжение. Несильный, но упорный ветер, разгуливающий по пустыне с начала времен, медленно покрывает эти предметы тончайшим слоем красноватого песка, словно осознавая их бесполезность.

* * *

До захода солнца на Б-876 остается три часа.

В ближайшие три дня не ожидается прибытия гиперсудов, нуждающихся в пополнении запасов.

Дежурный сержант охраны борется со скукой с помощью изощренной виртуальной порноигры «Пусси-Бивер». Военные уставы и наставления, регулирующие поведение военнослужащих на неосвоенных планетах, строго-настрого запрещают подобные развлечения. Однако полковник Талмон - понимающий командир и умеет смотреть сквозь пальцы на слабости подчиненных. Наверное, потому что знает: кажущиеся мелочи могут быстрее вызвать стресс и перегрузку, чем постоянное внимание в ожидании чего-то, вероятность возникновения которого почти равна нулю.

Б-876 - планета отнюдь не враждебная к людям. На ней нет опасной фауны, а самые грозные атмосферные явления сводятся к периодической и несильной песчаной буре. Она также не входит в приоритетные планы антиправительственных группировок - например, Экологической Армады или Лиги борьбы за равновесие Вселенной, - и поэтому нападение террористов и диверсантов маловероятно. Чтобы занять космический корабль, обучить людей и высадить их на поверхность этой планеты, потребовалось бы несколько миллионов кредитов, а такие затраты не оправдывались бы уничтожением захудалой военной базы.

Поэтому на Б-876-А6 бдительность находится не на должном уровне.

Здесь отсутствует, как в более непредсказуемых мирах, широкая сеть термооптических датчиков движения, способных засечь приближение бабочки на расстоянии в несколько километров. Здесь нет ни противопехотных мин ближнего действия, ни лазерных систем, поджаривающих любого, кто не знает кода нейтрализации их автоматического срабатывания. И все-таки эта база отнюдь не беззащитна.

Тот факт, что Свена вовремя не обнаружили, объясняется прежде всего невнимательностью дежурного сержанта, который целую минуту не обращал внимания на отметку радара, свидетельствующую о приближении объекта, размерами и формой сопоставимого с фигурой

человека. Причем на большой скорости...

Сержант привык к тому, что его сослуживцы иногда бегают по пустыне ради тренировки или просто так, по желанию, а порой и пользуются для прогулок креслами-антигравитами. Поэтому, даже когда он заметил объект, то это не вызвало у него тревоги.

Если бы он хоть на миг задумался, как человек без видимых средств передвижения способен перемещаться с такой быстротой, то наверняка привел бы в действие систему защиты базы или хотя бы подал сигнал тревоги. Но сержант был полностью поглощен порноигрушкой. И его можно понять: впервые он добрался до пятого уровня, и крутобокие телки, порожденные базой данных игры, наконец-то стали принимать его предложения садомазохистского толка.

Сержант не успел пожалеть о том, что отвлекся от служебных обязанностей.

Ненависть Свена отнюдь не затмила его разум. А ведь даже штатским известно, что прежде всего необходимо вывести из строя центр управления базы, чтобы уничтожить ее. Как и на любом военном объекте, здесь имеется бункер для охраны, где осуществляется контроль над всеми системами вооружения и связи.

Еще одна группа многоцелевых клеток произвела метаморфозу. Свен прицелился в атмосферные фильтры укрепленного бункера и выстрелил.

Теоретически бункер типа М-45 защищен от воздействия микроволн и нервно-паралитических газов, а также от попадания снарядов, ракет и гранат. То есть от любого вооруженного нападения.

По крайней мере от такого нападения, которое может быть произведено человеком.

Но не от потока подвижных бинарных наночастиц под высоким давлением, которые проникают сквозь воздушные фильтры и объединяются внутри помещения со значительным и почти мгновенным выделением тепловой энергии.

Это занимает всего одну секунду.

Снаружи бункер выглядит целым и невредимым.

Однако внутри него температура в тысячу градусов превратила в расплавленный металл все провода и органы управления базой, испепелив дежурного сержанта раньше, чем он успел понять, что с ним случилось.

Оборудование отключается и вновь начинает работать после срабатывания системы аварийного питания. Свен спокойно выжидает.

Через тридцать секунд из разных зданий выбегают солдаты и техники, чтобы разобраться с причиной перебоя в электроснабжении.

На лице Свена, наполовину скрытом забралом его Оружия, появляется усмешка.

Приманка сработала.

Первый пучок микроволнового излучения застаёт врасплох четырех солдат и двух техников на бегу, и их одежда и тела мгновенно вспыхивают. Беззащитные люди падают и бьются в агонии, получив ожоги третьей степени. Пока Свен приканчивает одного за другим, их вопли служат сигналом тревоги для остальных бойцов.

На военной базе ракеты и защитные скафандры всегда находятся в пределах досягаемости. Вторая группа охранников - пять солдат и сержант - уже появляется в полной боевой выкладке, готовая как нападать, так и защищаться. Но они допускают ошибку, пытаясь уговорить «штатского психа» прекратить огонь, положить оружие (или что там у него есть) на землю и сдаться.

Свен прицеливается и стреляет. На этот раз он не пользуется мазером. Вместо этого у него за спиной разворачивается компактная многоствольная пусковая установка, которая выпускает по сержанту и его людям шесть самонаводящихся мини-ракет.

Эти ракетки имеют кумулятивные заряды, и их термомеханическому воздействию не может противостоять даже кевларовая броня. Шесть силуэтов разлетаются на кусочки с художественным разбрызгиванием крови и осколков костей.

На этот раз сержант и двое из его подчиненных перед гибелью успевают выпустить автоматные очереди. Однако пули с высокой пробивной мощностью не могут миновать компактную систему магнитно-гравитационных полей, которые генерируются Оружием вокруг своего носителя. Дымясь, деформированные кусочки стали впадают в почву.

Кто-то из лейтенантов, находящихся в казарме, замечает происходящее и с помощью пульта дистанционного управления задействует пусковую гамма-установку, расположенную на вышке охраны периметра базы. Крутанувшись вокруг своей оси, это устройство, предназначенное для уничтожения космических кораблей на низкой орбите, захватывает Свена в перекрестье лазерного прицела и открывает по нему огонь.

Датчики Оружия ксенопалеонтолога вовремя обнаруживают лазерный луч, испускаемый прицельным механизмом гамма-установки, и заставляют ошеломленного Свена переместиться зигзагом на несколько десятков метров в сторону. За ним по пятам следует пучок смертоносных гамма-лучей, оставляя на песке огненный след.

От Оружия отделяется небольшой автономный сенсор, который принимает удар на себя, перед своим разрушением передав данные о свойствах луча. Новая группа многоцелевых клеток принимает окончательную форму. В следующую секунду уход от луча прекращается. Надежный щит без каких-либо последствий отражает миллионы радов, которые гамма-установка обрушивает на человека и его Оружие.

Свен вновь прицеливается, и в направлении системы ПВО устремляется комок из гиперкислого льда. Упав на броню, он тает, разъедая и выводя из строя установку за считанные секунды.

Лейтенант связывается с полковником Талмоном и получает распоряжение о немедленной эвакуации. Приступает к исполнению приказа. Датчики живого Оружия Свена засекают вылет бронированного антиграва с офицером и восемью солдатами на борту. В погоню за ними устремляется очередь из кумулятивных ракет-снарядов.

Автоматические мазеры бронемшины перехватывают некоторые мини-ракеты, прежде чем они достигают цели. Остальные снаряды взрываются на шестисантиметровой многослойной броне, так и не сумев пробить ее.

Свен колеблется. Бронемашина мчится слишком быстро. И расстояние слишком велико для применения коррозивной жидкости... Не отдавая отчет в своих действиях, он снова наводит Оружие и выстреливает очередную цепочку ракет.

Эти ракеты умнее предыдущих. Выполняя маневр-змейку, они проходят между пучками микроволновых лучей, с помощью которых защищается бронированная цель, и ни одна ракета не уничтожается.

При попадании в броню они выбрасывают несколько миллилитров гиперкислого льда, разъедающего обшивку. А затем - подвижные бинарные наноядра, которые соединяются друг с другом с выделением тепла.

Почти на самом горизонте бронемашина начинает рыскать из стороны в сторону, потеряв управление. Пылающий силуэт человека вываливается из прорехи в броне и падает, сделав всего несколько шагов. Когда антигравитационный двигатель выходит из строя, металлическая коробка падает, переворачивается несколько раз и неподвижно застывает, испуская черные тучи дыма. Автономный сенсор возвращается в Оружие, принося ценную информацию о воздействии гиперкислого льда на кожу и мышцы человека.

Оставшиеся в живых члены персонала базы видели эту расправу от начала до конца. Небольшая группа военных и штатских выходит из жилого модуля, размахивая белым флагом. Свен направляет на них свое Оружие.

Кто-то из штатских кричит во весь голос:

- Свен, это я, Линь-Чжао Тань! Мы сдаемся, не стреляй! Дай нам уйти! Талмона здесь нет!

Ксенопалеонтолог колеблется. Талмона здесь нет? Ну конечно, он ведь был на другой базе... Значит, вся эта мясорубка была напрасной. И астрофизик - единственный человек, которого он всегда считал своим другом. Хватит злиться.

Он пытается опустить Оружие.

Но не может. Слишком поздно.

Как марионетка в чужих руках, он чувствует, что его рука поднимается и ее мышцы стремятся совместить группу людей с перекрестьем прицела. Свен сопротивляется этому импульсу, но заранее знает, что проиграет борьбу. Его мозг уже превратился в заложника Оружия. Наконец, в отчаянии он хрипло кричит, как-то странно строя свои фразы:

- Бежать! Не можно контролировать ее!.. Послушай, Линь-Чжао... уже!..

Он сопротивляется еще одну долгую секунду. Астрофизик и все остальные видят, как по лицу и по рукам ученого ручьями струится пот, но ничего не понимают. Наконец они разворачиваются и пускаются бежать.

Воля Оружия берет верх, и пучок микроволновых лучей испепеляет китайца и его спутников.

Свен, рыдая, пытается содрать с себя «корону», но это лишь причиняет ему сильную и необычную боль. Артефакт уже прирос к его плоти и внедрился в нервную систему. Свен понимает, что ему суждено умереть. И впервые с того момента, когда ему захотелось стать целой армией, он чувствует страх.

Как я мог быть таким тупым?!

Он падает на колени.

Тут, словно мифический дракон из логова, появляется еще одна бронированная машина, которой управляет лейтенант, и в отчаянном порыве камикадзе устремляется напрямик к скрюченному на песке человеку. С другой стороны базы две гражданские сотрудницы голышом (надеясь, что без одежды их не засекут) бегут в пустыню, молясь на бегу, чтобы у лейтенанта все получилось.

Лобовая броня машины почти касается Свена, чтобы отбросить и раздавить его своей массой. Но только - почти... Мгновенно сработав на тревожный сигнал датчиков, Оружие генерирует защитное поле в форме узкого листа, налетев на который всей своей массой, помноженной на силу инерции, бронемашина, как ножом, распарывается на две половины. Как если бы ястреб спикировал на лезвие бритвы. При этом разрезаются двигатель, кабина и система вооружения. Лейтенант кубарем катится по песку.

Вскочив, с кинжалом в руке он бросается на все еще коленопреклоненного убийцу. Он уже видел, какова участь тех, кто пытался спастись бегством или сдаться без боя. И надеется, что с помощью кинжала ему удастся отвлечь внимание монстра, чтобы взорвать гранату, которую он сжимает в кулаке второй руки.

У него ничего не выходит. Оружие убивает его слишком быстро - будто из милосердия. Лейтенант так и не успевает осознать, что в какой-то степени его попытка не была напрасной.

Когда обугленный скелет лейтенанта перестает дымиться, Свен наклоняется и машинально кладет гранату себе в карман. Она так горяча, что обжигает пальцы, но ученый не обращает внимания на боль. У него нет четкого плана действий. Он ни о чем не хочет думать сейчас. Иначе у него ничего не получится. Есть такая игра, в которой побеждает тот, кто способен на протяжении пятнадцати минут не произнести слово «носорог»... Свен-марионетка поднимается, и Оружие в его руках производит еще один выстрел. Ракеты, ледяные шары, наполненные гиперкислотой, и микроволны за каких-то десять секунд разносят или сжигают дотла три четверти строений базы. Свен думает, что там уже никого не осталось в живых.

Но мозг предает его, безжалостно произведя несложный арифметический подсчет. Сержант в бункере, четыре солдата и двое гражданских, уничтоженных вначале, плюс шесть солдат и еще один сержант, плюс восемь человек на борту первого антиграва, плюс лейтенант-камикадзе, плюс Линь-Чжао, двое военных и трое гражданских... Что-то не сходится. Всего получается двадцать солдат и шесть штатских.

Он вспоминает о секретном объекте в пустыне. Талмон и Джилма... И в следующий миг его нейроны, в которые внедрились наночастицы симбионта, сосредоточиваются на новой задаче. Уничтожение базы. Не хватает трех гражданских, которые должны где-то прятаться...

Оружие задействует свои сенсоры и датчики, чтобы просканировать останки военного объекта. В том числе в модуле, где расположен ядерный реактор, не поврежденный выстрелами. В то же время Оружие улавливает мысль ксенопалеонтолога о том, что малейшее повреждение реактора способно привести к взрыву, который уничтожит все живое или псевдоживое в радиусе нескольких миль. Свен проклиная проницательность существа, которое управляет им: сейчас он бы не возражал против гибели в пламени ядерного взрыва вместе с этой тварью...

Датчики продолжают поиск. Признаки жизни отсутствуют. Толстые стены реактора не позволяют проводить сканирование в полную силу. Покопавшись в памяти Свена, наночастицы извлекают оттуда принцип действия его дифференциального эхолота...

Еще одна группа бесформенных клеток преобразуется с огромной скоростью. Электроды вбиваются в песок. Стопроцентный успех: скорчившись в комок за двухметровым слоем свинца и бетона, которым обложено сердце реактора, и предпочитая риск получения смертельной дозы радиации верной смерти снаружи, там прячется еще одна женщина. Казалось бы, недостижимая для Оружия.

Однако в нейронах мозга Свена кроется возможное решение, которое псевдоткани Оружия реализуют за доли секунды. Ведь эхолот сам по себе может служить инфразвуковым оружием...

В ход пущены новые многоцелевые клетки, и женщина, которая считала, что временно находится в безопасности за толстыми стенами, ощущает сильную вибрацию, которая ползет по ее позвоночнику, а секунду спустя заставляет взорваться мозг. Обычное явление резонанса, как сказал бы физик.

Остаются еще две.

Побежденный и ничего не предпринимающий Свен видит, как Оружие пускает в разные направления по баллистической траектории серию датчиков. На клетчатке его поработанного глаза всего через несколько секунд четко проступают силуэты двух других беглянок, которые голышом бредут по раскаленному песку, обжигая подошвы их ног. Им не хватило времени, чтобы убежать хотя бы на пару километров.

Подчиненная воля того, кто когда-то был ксенопалеонтологом, заставляет пустить три мини-ракеты, которые неумолимо пересекают пространство в поиске целей. Две из этих ракет уничтожают изнуренных женщин, которые в ужасе пытаются бежать и напрасно молят о помощи, слыша позади себя грозный свист приближающихся снарядов. Третья ракета летит по гораздо более длинной траектории...

Свен с трудом находит в себе силы думать об этом. Его череп, пронизанный ответвлениями Оружия, разламывается от боли. А также все остальные части тела и руки, которые сжимают Оружие, словно часть человеческого организма. Жить ему остается всего несколько часов.

Значит, существо, которое овладело им, - самый настоящий паразит? Но никакой паразит не уничтожает своего носителя... Или это хищник нового типа? Чисто умозрительный характер этого вопроса вызывает у ученого невольный смех.

Продолжая хохотать, он взмывает вверх под действием антигравитационного ускорения артефакта. Чтобы лететь над пустыней обратно к подземной базе проекта «Кали-Юга». К его последней цели, чтобы осуществить акт возмездия, который лично для него уже не имеет смысла.

* * *

Заход солнца.

Сумерки быстро падают на железистый песок Барсума-Б-876-Оссуария. В 228 километрах от базы Б-876-А6 шесть мужчин и беременная женщина в ожидании глядят вдаль.

Женщина не вооружена, и ее тело сотрясает дрожь. Пятеро из мужчин без особой уверенности держат тяжелые ракеты, мазеры, огнеметы и даже один ракетомет. Шестой мужчина знает, что все эти штуки

бесполезны против того, кто приближается. Он ждет равного себе противника.

Позади них дымятся развалины «Кали-Юга». Они уничтожили его на тот случай, чтобы, если они погибнут, никто, кроме членов Высшего командования Космической Службы, не узнал о проводившихся здесь исследованиях.

Тем не менее полковник Талмон думает, что у них есть шанс спастись. Перед тем как вывести из строя систему связи, он передал в эфир краткий доклад о том, что произошло, и запросил помощи. Ответивший ему военный гиперкорабль находится недалеко, всего в 34 парсеках от Барсума. Он прибудет не позже чем через десять часов. Как раз вовремя, чтобы забрать их отсюда. Тех, кто выживет.

Но если Талмону не удастся задержать Свена, то спасти будет уже некого. И все-таки полковник верит, что сможет сделать это.

Ведь он обладает военным опытом и навыками, которые отсутствуют у ксенопалеонтолога. Это кое-чего стоит...

Особенно если вооружение у них будет одинаковым.

Талмон смотрит на артефакт, который сжимает в руках, пытаюсь побороть свой скептицизм...

Странный предмет небольших размеров прилетел к нему сам, обманув систему внешнего наблюдения. Он продемонстрировал полковнику голопроекцию бойни, которую учинил на основной базе Свен, казавшийся таким непобедимым, словно он орудовал копьем бога Одина или молнией Зевса. И эта запись подтвердила невероятные сообщения, которые в панике посылали Талмону остававшиеся на базе лейтенанты. И сейчас угроза исходила от Свена, летящего сюда над поверхностью пустыни...

Артефакт содержал также детальные инструкции о том, как стать столь же совершенным бойцом. Полковнику, не оставалось ничего иного, кроме как выполнить их. В противном случае он согласился бы с ролью беззащитной овечки, которую ведут на скотобойню.

Пасть от руки Свена? Этого рогоносного идиота? Ни за что!..

После того как маленький посланец самоликвидировался, Талмон выбрался наружу, в пустыню. Нашел полые кости, насыщенные хромом и ртутью и погрузил их в воду. Остро возненавидев Свена и его тупость, стал свидетелем чудесной метаморфозы. В результате из псевдоживой массы получился шлем.

Тот самый, который сейчас покрывает голову Талмона, улучшив его зрение супервозможностями существа (артефакта? демона?), к которым относятся инфракрасные и ультрафиолетовые лучи, радар и телеметрия.

Будучи военным, Талмон с самого начала интуитивно уяснил, о чем идет речь. Об идеальном оружии с беспредельной способностью к адаптации, тактическому и стратегическому самосовершенствованию.

Будь то механизм или живое существо, тот, кто применит эту штуку, станет непобедимым.

А ему нужно стать непобедимым.

Он смотрит на Джилму, трясущуюся от страха рядом с ним, и чувствует, что готов отдать за нее жизнь. И за своего ребенка, которого она носит в животе. Он любит обоих, и его долг - защищать их до последнего вздоха. И хотя что-то в его памяти восстает и шепчет, что это дурацкая, глупая и кем-то навязанная ему идея, полковник сжимает губы под забралом, и его руки ласкают спусковые крючки Оружия. Он должен сражаться. Убьет или будет убит. Он военный. И смерть - его профессия. А Оружие, которое он держит, превосходит Оружие Свена настолько же, насколько антиграв превосходит обычный автомобиль.

Талмон ждет, веря в свою победу. Но в нем почему-то нарастает такой же страх, какой должна испытывать самка паука, парализованная жалом пчелы и чувствующая, как в ней развиваются яйца победительницы. Страх, который не могут побороть любые манипуляции нейронами. Страх не смерти, а чего-то гораздо худшего...

* * *

Ночь.

Свен скользит над пустыней. Его ноги не касаются почвы. Сжимая Оружие, которое отняло у него всю волю, он чувствует, что приближается к людям. Их семеро. Его последняя цель. Он чувствует неизвестно откуда взявшийся прилив сил и улыбается. Кажется, жребий брошен.

В течение этого полета, занимающего больше времени, чем его первое перемещение к базе, образы из чьей-то чужой памяти бомбардируют его мозг, и эта пытка завершается тем, что он начинает понимать.

Он чувствует, как хром и ртуть просачиваются в его кости. Чтобы превратить их в псевдоживые споры, которым нужен лишь контакт с водой и телепатический прием заряда ненависти и ярости от разумного существа, дабы прорасти и развиваться в соответствии с желаниями носителя. Чтобы вначале служить ему, а потом подчинить его себе.

Существо без нервной системы. Которое может использовать в своих целях нервную систему носителя, контролируя его. С генетической памятью. С набором навыков, закрепленных за каждой клеткой и способных пополняться в каждом новом поколении.

Симбионт и паразит. Вместо того чтобы расти и воспроизводить себя, он обладает способностью силой навязывать свою волю другим существам. Способностями примитивного шантажа: «Делай то, что я хочу, иначе я убью тебя». Разрушительными способностями.

Возможностями абсолютного оружия. Военной мощью.

Всем тем, чему мало кто из разумных существ может противостоять.

Благодаря реконструкции скелетов и внешнего вида представителей рас, которым принадлежали кости, разбросанные по планете, Свен сейчас мысленно видел их образы. Память симбионта-паразита оживила в его мозгу картины давнего прошлого.

Он видел, как все эти существа прибывают на Барсум в расцвете своего умственного и технологического развития. Саблезубые сумчатые на деревянных кораблях, ящерицы десятиметровой высоты с металлическими экзоскелетами, чтобы выдержать местную силу тяжести, колесные животные, дышащие фтором внутри своих скафандров. Все эти удивительные и благополучные цивилизации, перед которыми открывалось блестящее будущее... пока они не встретились с Оружием.

А потом вспыхнули братоубийственные войны. Расы против рас, союзники против союзников. Одни нападали, повинясь лихорадке разрушения, которая исходила от Оружия. Множество других вынуждены были защищаться, если не хотели быть поголовно уничтоженными. А защищаться на равных можно было только с помощью Оружия.

Он видел системы вооружения размерами в несколько километров - псевдоживые суда, уничтожающие планеты и целые звездные системы. Неустанно преследующие тех, кто стремился спастись бегством от всегалактической бойни, и вовлекающие всех и каждого в великую войну, которая длилась тысячи лет по всей Галактике...

До тех пор, пока всему живому не настал конец. Как хищник кончает жизнь самоубийством, когда для него заканчивается добыча, так и раса-оружие, истребив разумную жизнь во всех уголках Галактики, прекратила свое существование. Чем больше было войн, тем все больше накапливалось оружия и все меньше становилось жертв. Потом их совсем не стало.

Оружие планетного масштаба претерпело своеобразный коллапс из-за отсутствия ненависти, которая питала его энергией, не имея больше возможности воспроизводить себя. Потому что уже не оставалось тех, кто был способен ненавидеть. Сотни космических рас были превращены в скопище марионеток, вынужденных уничтожать друг друга до конца. До последней ящерицы, до последнего насекомообразного. Война постепенно отступала на планету, где когда-то слепая случайность обезумевшей эволюции, а может быть, самоубийственная биотехнология породила расу-оружие. На планету, являвшуюся последним оплотом войны. На Барсум.

Барсум - это Марс. Бог войны на истребление. Барсум - могильник целого цикла развития разума в Галактике. И укрытие, в котором затаился убийца, дожидаясь своего часа.

Свен увидел, какой была Галактика миллионы лет назад. Теперь он знал, почему человечество находило в просторах космоса только руины. И, если только не произойдет чудо, люди и вся земная цивилизация станут следующей жертвой...

Измена Джилмы с полковником и вызванная этим его собственная ярость стали тем камушком, который вызовет убийственную лавину для всего человечества. И тогда разумные существа, которые еще не слезли с деревьев, когда их братья по разуму гибли в ненасытной пасти псевдоживой твари, станут ее последней жертвой.

Теперь Свен уяснил странный цикл жизни. Кости носителей Оружия насыщаются хромом и ртутью, и когда носитель умирает, они превращаются в споры. Но до этого, чтобы стать плодородными, они нуждаются в обмене информацией с другим представителем своего рода. Некая пародия на половое размножение, которая позволяет бесполом существам избегать вырождения и упадка всего вида. Потому и произошло то, чего ученый сначала не понял: Оружие направило своего «гонца» Талмону с инструкциями насчет того, как пробудить такого же паразита. Для «случки» всегда нужен партнер, пусть даже этот коитус окажется смертельным.

Свен знал, что жить ему остается несколько часов, прежде чем недомогание, которое он ощущает во всем теле из-за отравления тяжелыми металлами, прикончит его. Он также знал, что независимо от того, кто победит: он или Талмон, на смену проигравшему для продолжения смертоносного цикла придет кто-нибудь из солдат или даже Джилма. Ненависть слишком сильна... Он знает, что должен не допустить этого. Но не знает КАК. Потому что Оружие умно и очень коварно.

* * *

Изображение Свена появляется на инфракрасном визоре и радаре нейрошлема Талмона намного раньше, чем Джилма и группа «К» могут разглядеть его в ночных сумерках при свете двух лун Барсума.

Первое побуждение полковника - открыть огонь. Однако он продолжает ждать. На такой дальности можно и промахнуться... Он почему-то хочет уничтожить этого противника на глазах Джилмы и остальных. Наверное, дабы они могли выступить в роли свидетелей на потенциальном военном суде, чтобы его не осудили за убийство. Ему и в голову не приходит, что после уничтожения всей базы любые его действия против Свена являются оправданными.

Он не может думать об этом.

- Приближаясь. - Ему самому кажется странным его голос и то, как он выражает свои мысли. В область мозга, которая ведает речью, уже

проникли наночастицы Оружия, но полковник не осознает этого. Люди рядом с ним, охваченные страхом, тоже не обращают на это внимания.

- Боже, смилуйся над нами! - скулит Джилма. От панического страха она обмочилась. В глубине души она всегда боялась, что когда-нибудь ее вечно спокойный муж придет в ярость (в тихом омуте черти водятся, как говаривала ее мать). Но она никогда не думала, что эта ярость окажется такой страшной. - Спаси меня, Господи!..

Двойное сияние лун Барсума отражается от металла Оружия приближающегося Свена. Только сознание того, что убежать нельзя, удерживает Джилму на месте. Она дрожит как осиновый лист. И гладит свой живот, как спасительный амулет.

- Лечь! - приказывает Талмон, который ощущает острую необходимость защитить не только Джилму и своего ребенка, но и всех своих солдат.

Он выходит вперед, но все еще не стреляет. И Свен-Оружие приближается к нему на расстояние всего в несколько метров.

Потом начинается ад.

Один за другим следуют пуски ракет, лучей, едких жидкостей, ультразвуковых волн. Все без результата. Словно схлестнулись в схватке два гиганта, вооружившихся молотами и щитами, но никому из них не удастся нанести решающий, смертельный удар.

Этот оргазм случки двух симбионтов, усиленный поработанной волей их жертв-носителей, длится почти минуту.

Когда обмен информацией завершается и кости-споры обретают способность служить зародышами, симбионты теряют всякий интерес к своим носителям. Отравление тяжелыми металлами уже приговорило этих людей к смерти. Поэтому в сражении нет смысла. К тому же оба Оружия не обладают абсолютной неуязвимостью.

Так же резко, как и началась, пляска смерти прекращается.

Оба Оружия перестают действовать.

Свен и Талмон ошеломленно взирают друг на друга. Псевдоживые наночастицы «короны» и шлема убираются из их мозгов. И оба человека остаются один на один со своими эмоциями.

Свен ощущает, как на его плечи тяжелым грузом наваливается умственное и физическое истощение. В отравленных костях просыпается боль. Он провел слишком много времени во власти симбионта. Надежды на спасение нет.

Перед ним стоит тот, кто попрадал его веру в честность супруги и в незыблемость их брачного союза. Всевластный солдафон, вызвавший у него приступ бешенства, последствия которого только сейчас доходят до его сознания. Человек, который с ненавистью смотрит на Свена. Похоже, он не собирается дать ему умереть своей смертью...

Неужели полковник выживет? И Оружие тоже?

Смутная идея, которая раньше маячила в голове Свена, теперь

окончательно обретает очертания. Он роется в своем кармане... Вот она. Пальцы гладят металлическую поверхность. Дрожа всем телом, но с улыбкой на лице он ждет, что будет дальше.

Талмон видит перед собой тупицу-рогоносца, бесполезного исследователя, возможно, даже агента-диверсанта Лиги борьбы за равновесие Вселенной или космического Гринписа. Убийцу его людей, уничтожившего базу и провалившего дело, которое могло принести Талмону генеральские погоны. Соперника в борьбе за обладание Джилмой... (Соперник? Этот недоносок?) Да-да, соперника! (Последние наночастицы еще не успели покинуть мозг Талмона.)

Полковник ничего не знает о происхождении и прошлом странного существа. Для него речь идет о новом виде оружия, разработанного экологами или, возможно, похищенного у Космической Службы и попавшего каким-то образом в руки этого идиота Свена. Оружие, разработанное с применением нанотехнологии, совершенное, но тоже дающее осечку. Любопытно, что оба они исчерпали свои заряды одновременно... наверное, в оружии, которое досталось ему, Талмону, имелся какой-то дефект. Ведь он впервые применял его. А на войне такие вещи частенько случаются.

Но теперь ему будет достаточно ножа, который спрятан за голенищем правого сапога. Безоружный Свен и десяти секунд не выстоит против него...

Полковник наклоняется, взметая облачко песка, чтобы скрыть свои действия, достает кинжал и атакует. Пряча лезвие за предплечьем своей руки, он тремя прыжками покрывает расстояние в несколько метров, которое отделяет его от Свена.

Ксенопалеонтолог поджидает его, явно не собираясь защищаться. Еще и улыбается вдобавок. Однако когда полковник нависает над ним, он разводит руки в стороны.

Талмон думает, что такое жертвенное поведение не спасет его противника. Он делает взмах ножом, чтобы нанести прямой удар точно в сердце Свена.

Его тело движется заученно, как на тренировке. Но в последнюю долю секунды взгляд его падает на гранату в руке Свена, и это служит ему сигналом тревоги.

Острое лезвие кинжала вонзается в левую сторону груди Свена в тот момент, когда его руки соединяются в замок вокруг торса полковника. Со всей силой, сопутствующей агонии умирающего.

Полковник торжествует победу, но чувствует некоторое неудобство от судорожных объятий своей жертвы. Сейчас он должен его отпустить...

Кольцо предохранителя гранаты выскакивает с сухим щелчком и падает на песок. Талмон наконец осознает, что это значит. Вскрикнув, он пытается высвободиться, но уже слишком поздно.

Взрыв плазменной гранаты оборонительного действия окутывает

Свена и Талмона огненным шаром радиусом почти в десять метров и вздымает в воздух тонны песка. Твердые детали снаряжения и осколки костей от разорванных на кусочки тел разлетаются во все стороны на добрую сотню метров.

Самые ближние к этой схватке двое членов группы «К» погибают мгновенно. У одного из них аорта распорота острым срезом берцовой кости (по иронии судьбы, принадлежавшей полковнику), другому пробивает череп пряжка ремня Свена.

Барабанные перепонки у Джилмы и других трех солдат лопаются от удара взрывной волны. Контуженные потоком песка и ударами полубугленными и еще кровоточащими частями тел, они теряют сознание.

Лишь придя в себя, они осознают, что остались живы, хотя и получили различные травмы. У Джилмы - общий нервный шок и вывихнутое плечо, но каким-то чудом она избежала выкидыша. У одного солдата сломана в щиколотке левая нога, у другого вывихнута челюсть, у третьего переломаны ребра.

От взрыва образовалась воронка глубиной шесть метров.

Останки Талмона и Свена перемешаны с массой песка, расплавленного до почти стекловидного состояния.

Оба Оружия покрыты черной копотью и деформировались, но все еще целы.

Женщина и трое мужчин помогают друг другу подняться на ноги и озираются, ничего не понимая. Они не чувствуют ненависти. Они просто ошеломлены.

И «корона», и шлем, которые виднеются на песке, не представляют для них никакого соблазна. Для них это - всего лишь странное явление, которым они, возможно, займутся позже... если у них будет на это время.

Сначала надо развести костер или каким-то иным способом подать сигнал катеру со спасательного судна о том, что на планете есть выжившие. Разыскать пищу, укрытие от холода, заняться своими ранами и травмами. На Б-876 нет хищников, поэтому оружие не потребуется. От кого здесь защищаться?

Когда на Барсум прибывает катер Космической Службы со спасательной командой, оба Оружия уже превращены в желатиновую массу, внешне похожую на мягкий металл. Взрыв уничтожил все следы, способные навести на разгадку их происхождения.

* * *

Вот такая история.

В таком виде, будто ее рассказывал всезнающий повествователь, она кажется ясной и доступной для понимания.

Но для исследователей, которые придут впоследствии на другом корабле, и даже для Джилмы и трех оставшихся в живых солдат это будет еще одна из многих непонятных историй о космосе. Возможно, более трагичной, чем другие, но лишь потому, что она произошла с ними самими.

Искушенные специалисты изучат два бесформенных комка полурасплавленного металла и растерянно покачают головой. Это - оружие? Абсурд. Эксперты исследуют развалины базы, допросят четырех оставшихся в живых и тоже в затруднении покачают головой. Неужели все это - дело рук одного-единственного человека? Что-то с трудом верится в такое...

Трем солдатам будет поставлен диагноз «серьезное психическое расстройство», с рекомендацией о немедленном увольнении со службы. В качестве возможных причин в заключении будет указано: «приступ коллективного помешательства, вызванного длительным пребыванием в замкнутом жизненном пространстве» и «нападение неустановленных враждебных инопланетных сил» (последнее - из-за гиперкислого льда, который на тот момент еще не был известен человечеству как вид боеприпасов).

К несчастью, все данные о результатах исследований Свена были уничтожены вместе с базой. Тем не менее благодаря усилиям ученого департамент биологического оружия Космической Службы достиг определенных результатов в рамках проекта «Кали-Юга». И Свена наградили посмертно какой-то медалью. Но, разумеется, не премией Ксенологического общества. А чтобы Джилма держала язык за зубами, ей назначили щедрую пожизненную пенсию за супруга, «погибшего на службе Земной Федерации». Однако она все равно считала эту пенсию мизерной. И даже подавала жалобу, ссылаясь на то, что у нее будет ребенок, на аморальность аборта и т.д. В конце концов, к ней приставили нескольких агентов, в обязанности которых входило следить за Джилмой в течение ближайших месяцев и не дать ей нарушить военную тайну (естественно, трое или даже четверо из них впоследствии стали ее любовниками).

Полковнику Талмону посмертно присвоили звание генерала и наградили Звездным Крестом. То же самое (с назначением пенсий родственникам, если таковые имелись) было проделано и в отношении остальных военнослужащих, «павших при защите интересов Земной Федерации».

В песке Барсума остались миллиарды костей с высоким содержанием хрома и ртути. Ждущих своего часа, когда, возможно, какой-нибудь другой ксенопалеонтолог, столь же проникательный и преданный науке, как Свен, откроет их тайну.

Или другую, более благоприятную цепочку случайностей, которая выведет их из латентного состояния, длящегося миллионы лет.

Хотя на самом деле им не суждено ждать так долго.

Дело в том, что планета Б-876 расположена в весьма выгодном месте - на пересечении гиперпространственных маршрутов, и поэтому Космическая Служба не оставит ее в покое.

А еще следует добавить к этому, что и мы - те, кто реконструировал большую часть событий (а мы вовсе не всезнающие рассказчики) благодаря устройствам нейрозаписи (суперпрочным изделиям, основанным на нанотехнологии), вживленным в кору головного мозга Свена, Талмона и прочих солдат, погибших в коде той бойни, - мы сами слишком заинтересованы в возможностях Оружия (разумеется, при надлежащем контроле за ним), чтобы так легко забыть обо всем этом.

И поэтому по истечении шести месяцев со дня «загадочного инцидента» на Барсуме возводится новая база. Чтобы избежать риска нового сумасшествия, которое может вызвать пребывание в замкнутом коллективе, эта база будет намного больше прежней. В ней будут жить около 200 солдат и гражданских технических специалистов. И она будет гораздо лучше защищена от потенциальной «агрессии со стороны враждебных инопланетян». Никогда еще ни одна военная база не имела такое оснащение.

Чисто из предосторожности, конечно.

Да и характер этой базы будет немного иным. Ее главной достопримечательностью станет... Джилма. Вначале она отказывалась сотрудничать, но ей сделали такое предложение, от которого трудно отказаться.

Ее роды состоятся на Барсуме.

Помимо исследователей, которые облазят всю пустыню, собирая кости, насыщенные хромом и ртутью, тут будет работать специальная группа гинекологов, акушеров и педиатров, занимаясь исключительно Джилмой. На тот случай, если в ее беременности возникнут осложнения или если вынашиваемому ею плоду будет угрожать что-либо...

Об этом не принято распространяться во всеуслышание, но ультразвуковое и спектрографическое обследования плода показали удивительно высокое содержание хрома и ртути. И не только в его косточках, но и во всем организме. Тем не менее его здоровье и развитие кажутся вполне нормальными.

Может быть, это ничего не значит, но... Было бы глупо не уделять внимания тем возможностям, которые это открытие может предоставить в будущем! Подобный гибрид человека и Оружия стал бы непобедимым и сверхценным бойцом. Больше не понадобятся никакие противоестественные симбиозы, которые отнимают жизнь у своего носителя, и не будет нужен никакой ментальный контроль. Интеграция свойств в разумном организме. Совершенный солдат, для которого оружие станет частью его организма. Мечта любого военного.

В будущем это может стать основой для нашей военной доктрины!

Перевел с испанского Владимир ИЛЬИН

© Yoss. El Arma. 2000. Публикуется с разрешения автора.

НОМОС И КОСМОС

Генри Лайон ОЛДИ. URBI ET ORBI, или ГОРОДУ И МИРУ. КН. 1: ДИТЯ ОЙКУМЕНЫ. Эксмо

Трилогия «Ойкумена» литературного тандема, известного под псевдонимом Генри Лайон Олди, как-то сама собой вошла в золотой фонд современной отечественной фантастики. Не в последнюю очередь благодаря нешаблонному подходу к такому, казалось бы, почтенному, вдоль и поперек изборожденному ракетами жанру, как космическая опера. Соавторам и впрямь удалось вырваться за пределы привычных представлений о литературе «бластеров и сверхсветовых звездолетов».

Критик Василий Владимирский, назвавший на «Озоне» «Ойкумену» в числе десяти лучших фантастических романов последнего десятилетия, недаром пишет о трилогии: «Космическая опера с оригинальным, детально проработанным миром, написанная в манере, более уместной для какой-нибудь ориентальной фэнтези». Корнями «Ойкумена» и правда уходит в фэнтези, но, скорее, античную - роман тех же Олди «Одиссей, сын Лаэрта», где соавторы впервые использовали понятие «номос». Номос - порядок жизни, самостоятельно устанавливаемый каждым народом, и, по Олди, немногие отваживаются выйти за границы своего изолированного номоса в Большой Космос, представляющий собой совокупность номосов. Однако если в «Одиссее» номосы довольно эффективно

отграничивают друг от друга народы с их богами, верованиями, традициями и даже географией, то в «Ойкумене» эта концепция переносится уже на устройство обитаемой вселенной. Мир Ойкумены, как указывают в одном из интервью сами авторы, - это существование изолированных номосов. Брамайны, помпилианцы, вехдены, вудуны и прочие странные расы обитают каждая в своем мире, однако их территории не расположены на плоской земле античности, но взвешены в черной бездне Космоса. И «открывает» номосы не хитроумный Одиссей, а не менее хитроумный «кукольник» Лючано Борготта, человек сугубо штатский и в каком-то смысле антигерой, поскольку никакими типичными для героя космооперы качествами не обладает.

Выход человечества на новый виток развития возможен лишь тогда, когда номосы свободно сообщаются между собой и, мало того, объединяются в Ойкумену. Это и стало финалом первой трилогии об Ойкумене, и вот перед нами первый том, открывающий трилогию вторую. И правда, жаль было бы бросать на произвол судьбы такой великолепный мир!

Однако, судя по первому тому (впрочем, кто знает, куда повернет действие), эта часть эпопеи существенно отличается от предыдущей. Во-первых, открывающий ее роман «Дитя Ойкумены» в отличие от «Кукольника», да и всей первой трилогии, композиционно линейен. Ни флешбэков, ни загадочных «посторонних» зачинов каждого значимого эпизода (в первой трилогии все линии сходятся лишь в финале). Даже витиеватые метафоры, которыми славится избыточная, барочная проза соавторов («взгляд отставного канонира напоминал рабочее сопло плазмотрона»), здесь кажутся несколько чужеродными - историю-то нам авторы рассказывают довольно простую. Однако, как и все простые истории, вечную в своей универсальности. Это роман воспитания, история появления на свет и взросления Регины, девушки-телепата, выросшей в достаточно благополучном и оттого довольно жестко регламентированном мире «техноложцев» - расы, не обладающей мистическим талантом других рас физиологически аккумулировать и распределять энергию, способную оживлять «двигуны» звездолетов. Телепатия на родной планете Регины - дар редкий, донельзя полезный («Вы произвели на свет кусок золота», - говорит высокопоставленный дядя ошеломленным родителям) и в то же время опасный, поскольку контролировать его малолетняя девчушка не способна. Соответственно, надо научить ее ограничивать свой дар и применять его только по назначению - на пользу обществу.

Обучение ограничениям (с сопутствующими этому травмами и неизбежными драмами взросления) и составляет основную сюжетную линию романа. Олди отказались от оценочного подхода. Насилие над человеком ради блага общества - хорошо это или плохо?

Благополучный мир девочки-телепата даже имеет свой комплекс наук, изучающих факторы, необходимые для построения счастья как всего общества, так и каждого отдельного человека. Здесь прекрасно развиты биология и медицина, срок жизни граждан продлен вдвое, ученые по статусу приравнены к дворянству и аристократии, процветают искусства...

Идеальный мир? Вряд ли. Надменные «техноложцы» боятся и презирают «энергетов», владеющих «животной» энергией, ограждают себя от вмешательства извне военной мощью и бюрократической системой.

Иначе говоря, снова номос, закрытое общество, однако какие прорывы ожидают нас во второй и третьей книгах, пока угадать сложно - наверняка, зная метод Олди, можно утверждать одно: и этот номос рано или поздно станет частью Космоса.

Мария ГАЛИНА

Рецензии

Рецензии

Пол МЕЛКОУ
ДЕСЯТЬ СИГМ

Москва: АСТ - Астрель - Полиграфиздат, 2010. - 348 с.

Пер. с англ. Ю.Гальдберга.

4000 экз.

В произведениях Мелкоу отсутствует фирменный авторский цинизм многих американцев. Этическая составляющая неожиданно становится основополагающей для большей части текстов сборника, словно пишет это не гражданин капиталистической державы, а советский мечтатель-идеалист. Заглавный рассказ обращается к идее множественности вселенных. Главный герой научился извлекать выгоду из знания о своих параллельных двойниках. Однако он без промедления жертвует этой возможностью ради спасения другого человека.

Подростки - любимые герои Мелкоу. Жемчужиной коллекции является триптих «Дети сингулярности» о трех юношах и трех девушках, биогенетически объединенных в так называемый кластер (это произведение уже известно читателям «Если»). Проходя обучение по программе подготовки космических пилотов, члены кластера открывают новые горизонты собственных возможностей.

Финалы большинства новелл неожиданно позитивны. Вот дети спасают последнего представителя разумной инопланетной расы от нечистого на руку ювелира («Улиточный камень»). Вот девочка-сорванец раскрывает заговор коварных пришельцев («Целина»). А вот герои и злодеи, устав от бесконечных сражений, совместно идут по жизни, совершая простые бытовые подвиги («Доктор Силач и скука»).

В историях Мелкоу ощущается влияние классики НФ - от П.Андерсена и К.Саймака до Р.Брэдбери. Было бы замечательно, если бы у мировой НФ наконец появился еще один писатель, работающий в сходной манере. И хотя тексты Мелкоу достаточно просты, чтение их доставляет истинное удовольствие. Очень хотелось бы, чтобы столь редкий в нынешней НФ гуманистический настрой не оставлял Мелкоу.

Николай Калиниченко

Игорь АЛИМОВ

ДРАКОН. НАСЛЕДНИКИ ЖЕЛТОГО ИМПЕРАТОРА

Москва: АСТ - Популярная литература, 2010. - 288 с.

(Серия «Этногенез»).

55 000 экз.

В таких «долгоиграющих» межавторских проектах писателя можно оценить, скорее, не за то, насколько его игра в рамках общего сценария соответствует «полю проекта», а за то, что привносится им собственного, оригинального. Роман «Дракон» развивается по двум сюжетным линиям. Первая локализуется в современном Санкт-Петербурге с перспективой переброски центрального персонажа в Китай, а другая относится к древнекитайской реальности III в. до н.э. Если петербургскую часть пока оценить трудно - приключения вокруг очередного «предмета силы» (фирменный знак сериала) не завершены ни сюжетно, ни идейно, то китайская часть уже заслуживает добрых слов. Китаист Алимов с любовью и тщанием нарисовал действительность эпохи Цинь. Единое - после долгих веков междоусобной борьбы - государство со всеми преимуществами типа единой монеты, единого правительственного центра, мощной оборонительной системы и со всеми политическими издержками вроде истребления не-единомысленных книжников вызывает живые ассоциации со «зрелой Империей» советских времен. Главное действующее лицо - император Цинн Ши-хуан - оставляет впечатление старика Виссарионыча, родившегося в Китае и ставящего «великий исторический эксперимент» на тамошнем народе, а для пущей безопасности обвешанного защитными артефактами. Аналогия «поставлена» Алимовым столь увлекательно, что все драки,

связанные с могучими «предметами силы», оказываются на втором плане по сравнению с ее содержанием.

Ну, а для фелинофилов, т.е. котолобов, роман содержит драгоценный бонус в виде обаятельного кота Шпунтика. Зверь умело наладил комфортный симбиоз со своим безалаберным хозяином. Решительный и своевольный характер кота внушает полную уверенность в том, что хозяину, по большому счету, ничего не грозит. С таким зверем не пропадешь. Не даст пропасть! Иначе кто ему обеспечит полноценное питание?

Дмитрий Володихин

Владимир ДАНИХНОВ
ДЕВОЧКА И МЕРТВЕЦЫ

Москва: Снежный Ком - Вече, 2010. -352 с.

(Серия «Нереальная проза»).

3000 экз.

Действие книги разворачивается на некоей безымянной планете, чьи поселения носят славные литературные названия Толстой-Сити, Есенин да Лермонтовка. Планета обладает интересной особенностью: при определенных условиях люди на ней не умирают, а превращаются в не-мертвых, т.е. зомби по устоявшейся классификации.

Обращение к столпам отечественной словесности не ограничивается топонимами. Героиня книги Катерина по славной традиции является лучом света в темном царстве живых трупов, которые, цитируя Пастернака и Бродского, выглядят добродушными и даже безобидными по сравнению с окружением девочки - совсем не тихим Ионычем и сокольничим Федором Михайловичем.

Написан текст умело и профессионально. Персонажи выписаны сочно, сюжет бодр, язык точен. Иного от Данихнова и не ждешь: он из тех авторов, что закономерно выделились из схлынувшей уже «цветной волны». Впрочем, главную ее черту он сохранил - эмоциональный накал.

В пору было бы в стиле обложечных аннотаций заявить, что читателя ждут «эмоциональные американские горки», да вот только горки предполагают подъемы, а писатель предлагает спуск в мрачную безнадегу и прочие «свинцовые мерзости жизни». Последние он не наблюдает, а живописует. Юмор, которым богата книга, увы, бездонно черного цвета. Причем чернота тотальна и распространяется не только на деконструкцию русской литературы, но и на весь мир. Что уж говорить о любви, невинности и дружбе?

А иначе до современного читателя не достучаться, считает писатель.

Но с чем, кроме бытового нигилизма, он хочет достучаться до читателя? Вынести приговор миру проще, чем найти или создать оправдания для его существования. И даже исходя из презумпции благих намерений, автору следует иметь в виду, что грань между изобличением ужасов и любованием ими не только тонка, но и субъективна. И проводить ее будет читатель.

Сергей Шикарев

Алексей ЛУКЪЯНОВ
ГЛУБОКОЕ БУРЕНИЕ

Москва: Снежный Ком - Вече, 2010. - 496 с.
(Серия «Нереальная проза»).
3000 экз.

Алексей Лукьянов отменил «проклятый» вопрос: «А зачем нам кузнец?». Автор он самобытный. И герои его книг тоже не похожи на ставшие обычными для фантастики фигуры бравых вояк или рефлекслирующих интеллектуалов.

Герои Соликамского кузнеца - люди простые, поближе к земле: заводские работяги, учителя и милиционеры. Попадают среди них и настоящие сикараськи. Именно сикараськи открывают авторский сборник и тайны собственного мироздания в смешной и умной сатирической фантазмагории «Книга бытия». Впрочем, действие уже следующего произведения - «Карлики-великаны» - приближается к знакомым читателю реалиям и рассказывает о перипетиях общественной жизни в Соседском Союзе. Лукьянов владеет широким набором литературных приемов и легко переходит от юмора к лирике, что доказывают рассказ «И вот решил я убежать» и повесть «Жесткокрылый насекомый».

И все-таки лучшими, «ударными» текстами стали рассказы «кузнечного» цикла. Испытывая рецензент тягу к навешиванию ярлыков, он непременно отнес бы цикл к магическому соцреализму. Если первый рассказ обещал развернуться в подобие каттнеровской серии о Хогбенах, то «Глубокое бурение» и «Высокое давление» уже несут в себе социальное высказывание, месседж - незатейливый и увесистый. Как булыжник в руках могучего пролетария. Хотя англо-американская НФ давно стала полем сражения левых и правых взглядов, для фантастики российской подобное еще в новинку. Даже произведения социальной фантастики рассматривали скорее социумы, чем классы. А вот Лукьянов не только сделал рабочих основными персонажами, но и не забывает напоминать, что и сам принадлежит к тому самому рабочему классу.

Написаны рассказы искренне и талантливо. Что может быть лучшей рекомендацией?

Сергей Максимов

Терри ПРАТЧЕТТ

ВОР ВРЕМЕНИ

Москва: Эксмо, 2010. - 480 с.

Пер. с англ.

25 100 экз.

Очередной «плоскомирский» роман, причем совершенно непонятно, почему после долгого перерыва издатели решили возобновить серию с него, а, скажем, не с таких бесспорных шедевров, как «Ночной Дозор» или «Бац!» из «ваймсовской» подсерии. Тем не менее - и за это спасибо - романами о Плоском мире нас давно не баловали. К тому же здесь, как всегда, полным-полно остроумных диалогов и парадоксальных максим.

Читатель вновь встретится с самым харизматичным персонажем цикла - Смертью и его внучкой Сьюзен, монахом Лю-Цзе и страшными Аудиторами, для которых Плоский мир не просто забавное недоразумение, но феномен, подлежащий уничтожению, поскольку он угрожает самой природе вещей.

В вечной битве Порядка и Хаоса Пратчетт выбирает Хаос, поскольку именно Хаос движет всей этой нелепой, уязвимой и бесценной жизнью. И не надо объяснять, на чьей стороне в этом конфликте Смерть.

Кстати, из прошлых романов о Смерти мы помним, что у него были товарищи по работе - Чума, Голод и Война. Но был еще один, самый страшный, самый могущественный... Кто он и чем теперь занимается? Почему люди предпочли его забыть? Удастся ли привлечь его на свою сторону в борьбе с Аудиторами? И к чему приведет попытка Аудиторов, на сей раз решивших учинить самую настоящую диверсию против Плоского мира? Ведь чтобы расправиться с Плоским миром изнутри, нужно одному из них хотя бы на краткое время стать человеком. А это влечет за собой самые неожиданные проблемы и удивительные открытия. А еще мы узнаем много нового о природе Времени. И вообще - что оно такое. Или, вернее сказать, кто она такая.

И если я считаю, что «Вор времени» не самый лучший роман позднего Пратчетта, это еще ничего не значит. По версии ВВС он вошел в список двухсот книг, которые в своей жизни должен прочесть каждый образованный человек. И Смерть - все-таки очень глубокий персонаж.

Мария Галина

ЖДЁМ ПЕРЕМЕН!

Спокойно, читатель! Ни редакция, ни автор нынешнего опроса не собираются в миллионный раз пугать напавшим на самую читающую страну кризисом жанра. В самом деле, сколько можно! Не лучше ли попытаться разобраться: почему в отличие от англоязычной литературы, где «твердая» НФ востребована и популярна, у нас она практически сошла на нет? В этом вместе с участниками традиционного интернет-опроса и пытается разобраться наш постоянный автор, московский критик Сергей Шикарев.

Ответы распределились следующим образом:

Западный человек более рационален, в то время как «загадочная русская душа» всегда тяготела к мистике, иррациональному - 5%;

Советская установка «НФ должна звать молодежь во втузы» надолго отбила у писателей охоту заниматься научной фантастикой - 6%;

На Западе просто порядком «объелись» фэнтези и прочей мистикой - 8%;

Там фантастику пишут физики и астрономы, а у нас - психиатры и историки - 22%;

На количество и качество НФ-произведений на Западе влияет обилие научно-популярной литературы, у нас почти отсутствующей - 28%;

Наших читателей научная фантастика интересует куда меньше историй о сталкерах и «попаданцах» - 31%.

Всего в голосовании приняли участие 405 респондентов.

Неравнодушие читателей к судьбе отечественной научной (здесь и далее в «твердом» значении термина) фантастики во всей яркости выразилось в развернувшихся в Интернете горячих дискуссиях и спорах, в которых было высказано несколько суждений, не вошедших в формулировки анкеты, но оказавшихся неожиданно популярными, а потому заслуживающими отдельного комментария. Одна из таковых точек зрения, например, вовсе ставит под сомнение само существование НАУЧНОЙ фантастики. Мол, никакой науки в фантастике никогда и не было, а вот литература была, плохо прикрытая (или хорошо вооруженная) квазинаучным декором.

Сторонники этой «концепции» демонстративно игнорируют целый корпус текстов, в которых научные идеи носят сюжетобразующий характер: вспомним, например, произведения Станислава Лема, Грега Игана, Дэвида Брина... Кстати, сам термин Science Fiction введен в

обращение Хьюго Гернсбеком, настоятельно рекомендовавшим авторам удивительных историй смешивать 75 процентов литературы и 25 процентов науки...

Что ж, столь пессимистический взгляд на НФ, пожалуй, можно с некоторой долей сарказма отнести к печальным последствиям так называемого «упадка жанра».

Весьма распространенным оказалось и представление о том, что сегодняшний кризис НФ отражает состояние отечественной науки. Конечно, взаимосвязь между наукой и НФ существует, но она не столь прямая, как некоторые думают. Количество произведений НФ не является производным ни от количества научных открытий, ни от числа ученых, ни от объемов их финансирования. Невооруженный, но внимательный взгляд, обращенный на континентальную Европу, легко увидит картину, в которой развитые научные институты не соседствуют с известными национальными именами и названиями «твердой» НФ. Вообще, разговоры о том, что для развития науки или могущества государства необходимым условием будет наличие научной фантастики, являются интеллектуальной спекуляцией или плохо замаскированным желанием приобщиться к государственным щедротам.

Однако перейдем к нашему опросу.

Последнее место в нем занимает предположение, что западный человек более рационален, в то время как «загадочная русская душа» всегда тяготела к мистике и иррациональному. Сторонников списать популярность НФ на Западе за счет культурных, ментальных отличий оказалось не так много. Если, разумеется, не предположить, что подлинные поборники загадочной русской души сочли опрос слишком рациональным и решили в нем не участвовать. Да и повальное помешательство «западного человека» на сумеречных вампирах и полуночных оборотнях (в кинематографе), напротив, заставляет задуматься о том, не является ли вымыслом чрезмерная рациональность западного мышления?

Не вызвало энтузиазма и предположение о «губительных оковах» советского прошлого НФ, которых боятся и современные писатели. Конечно, попытки чиновников поставить фантастику на службу не столько даже прогрессу или науке, сколько государству, естественным образом сказались на творческих устремлениях писателей старшего поколения. Качественная НФ, включающая в себя научные гипотезы и идеи (например, «Открытие себя» В.Савченко), оказалась задвинутой на второй план произведениями фантастики социальной, нарочито пренебрегающей научно-технической «машинерией».

Впрочем, последними хранителями советских фантастических традиций оказались писатели «Четвертой волны». А молодые авторы бесконечно далеки от «доисторических» идеологических конфликтов. Постсоветские фантпоколения наследовали уже англо-американским

авторам и традициям - благо, голод на зарубежную НФ в 1990-е был утолен с лихвой.

Почему же объектами для подражания стали Толкин, Желязны и Фармер, а, скажем, не Бенфорд, Бир и Виндж, несмотря на то что последних тоже переводили, хоть и малыми порциями? Научная фантастика в условиях обрушившейся ниоткуда свободы представлялась и издателям, и читателям чем-то слишком привычным, набившим оскомину, в то время как малознакомые нашему читателю космоопера и фэнтези влекли своей экзотичностью и «новизной».

Кстати, мнение о том, что зарубежные читатели якобы пресытились произведениями фэнтези, пожалуй, слишком оптимистичное и смелое. Оно отражает смену действительного спада интереса к научной фантастике ее последующим возрождением. Еще совсем недавно редакционная статья первого выпуска американского фэнзина «Дешевая правда» начиналась со слов: «Покуда американская НФ, как динозавр, впала в зимнюю спячку, по книжным полкам лазает юркой ящерицей ее сестрица - фэнтези». Мнение тенденциозное (все-таки «Дешевая правда» была трибуной киберпанков, как раз готовивших революцию в жанре), но показательное. Последующие события позволяют надеяться на то, что ренессанс НФ ждет и нас.

Втрое больше респондентов, по сравнению с предыдущим вариантом, считают, что дело вовсе не в пресытившихся мистикой читателях, а в профориентации писателей. 22% проголосовавших убеждены: причина упадка НФ в России заключается в том, что на Западе ее пишут физики и астрономы, а у нас - психиатры и историки. Должен признаться; столь единодушный взгляд читателей меня несколько удивил. Ответ предполагает, что твердая научная фантастика должна базироваться на достижениях естественных наук и лучшими их глашатаями будут профессиональные ученые. Однако практика опровергает необходимость соблюдения таких условий. НФ не ограничена рамками физических концепций. Например, идея знаменитого романа Сэмюэля Дилэни «Вавилон-17» лежит в сфере лингвистики и основана на так называемой гипотезе Сепира-Уорфа, или гипотезе лингвистической относительности. Она предполагает, что восприятие мира и особенности мышления зависят от структурных особенностей языка, носителем которого является человек.

Да и научная карьера для авторов НФ обязательным условием не является. Выдающийся автор современной Hard SF Грег Иган (по выражению одного из критиков, «в его книгах больше науки, чем в некоторых статьях «Physical Review») не является ученым. Его формальное образование ограничивается лишь степенью бакалавра математики и превосходно демонстрирует, что для создания НАУЧНОЙ фантастики достаточно чтения специальной литературы,

выдумки и таланта.

Казалось бы, мы вплотную подошли здесь к следующему пункту опроса, но не будем спешить. Ведь в том-то и дело, что есть у нас среди фантастов и астрономы, и физики. Вот только произведения, выходящие из-под их пера, причислить к «твердой» НФ не удастся. Физик Сергей Слюсаренко больше известен книгой из серии «S.T.A.L.K.E.R.», а астроном, удостоенный Государственной премии СССР, Николай Горькавый и вовсе пишет истории о девочке Никки Гринвич (очередное «воплощение» Гарри нашего Поттера), скроенные по сказочным лекалам с вкраплениями научных лекций и квазинаучных рассуждений. Даже Александр Громов, сделавший себе имя на произведениях научной фантастики, причем образцовых, мигрировал в стан «приключенцев».

Почти треть проголосовавших сочли, что на количество и качество НФ-произведений на Западе влияет обилие научно-популярной литературы, у нас почти отсутствующей.

Как сформулировал лет десять назад на страницах «Если» Эдуард Геворкян, чтобы написать хорошее научно-фантастическое произведение, нужно десять лет читать научно-популярную и научную литературу: книги по социологии, истории, психологии, физике, астрономии... и не читать собственно фантастику.

Замечание справедливое. Парадоксально, но любовь авторов к чтению фантастики и наблюдение за коллегами/конкурентами по цеху часто невольно оборачиваются отсутствием внимания к книгам, которые могли бы дать пищу для размышлений и почву для новых идей. Все-таки есть какая-то сермяжная правда в анекдотическом чукче, который не читатель, а писатель.

Впрочем, отечественные читатели и писатели добротным научпопом и так не избалованы, хотя ситуация начинает исправляться. И усложнение научной картины мира делает вопрос наличия качественного научпопа еще более важным. Конечно, научно-популярные книги не могут заменить фантастических произведений, а НФ не должна сводиться к популяризации научных представлений. Если постепенное приращение наименований выпускаемых научно-популярных книг является не результатом миссионерской деятельности издательств (хотя нельзя не отметить усилия фонда «Династия» в области популяризации науки), а возрастанием читательского интереса к науке, то логично будет ожидать и роста интереса к научной фантастике.

Пока же большинство участников опроса уверено: наших читателей научная фантастика интересует куда меньше историй о сталкерах и «попаданцах». И в пользу этой точки зрения убедительно свидетельствуют тиражи выпускаемых книг. Само же упоминание тиражей неизбежно обращает наше внимание на книгоиздательский

аспект обсуждаемой проблемы.

Победа «попаданцев» засчитана по причине неявки соперника. Однако можно ли отсутствие отечественной «твердой» НФ на полках книжных магазинов объяснить тем, что она не пользуется спросом?

Не стоит распространять влияние и действенность экономической максимы о том, что «спрос определяет предложение» на что-либо, кроме определения объемов производства уже существующего на рынке товара - в данном случае речь идет об определении тиражей для уже издающихся авторов и серий. Кстати, тиражи журнала «Если», регулярно публикующего «твердую» НФ и ориентированного на научную фантастику вообще, свидетельствуют в пользу читательского интереса. Как и дополнительные тиражи «Ложной слепоты» Питера Уоттса - одной из сложнейших научно-фантастических книг современности. Однако логика бизнеса заставляет издателей думать о максимизации прибыли и минимизации издержек и рисков, что приводит к торжеству простого правила: продавать то, что покупается.

Обратите внимание на количество обложечных клонов у популярной серии «S.T.A.L.K.E.R.». А ведь кроме этого есть и более «продвинутые» модернизации. Можно, например, сделать пять зон вместо одной или обнаружить зону в Древней Руси. Выбор издателя, между гарантированными продажами и сомнительной славой подвижника научной фантастики очевиден. Схожая логика в переложении на писательские реалии (трудоемкость, потенциальные тираж и гонорар) действенна и для авторов. Советовать не стоит: дело, как говорится, житейское. Вспомним, например, о мытарствах Герберта - автора новаторской, а потому рискованной для издателя «Дюны».

Несмотря на несопоставимые ресурсы и возможности у ведущих и малых издательств, большего интереса к научной фантастике стоит ожидать от вторых, поскольку они руководствуются при принятии решений не только финансовыми и маркетинговыми соображениями. Что и демонстрирует, например, издательство «Снежный Ком», которое обрело московскую прописку.

А сегодняшние издательские приоритеты обусловлены не отсутствием интереса к научной фантастике, а тем, что удовлетворять интерес читателей к сталкерам и «попаданцам» намного выгоднее.

Это обращает наше внимание на объекты читательского вождления. Исключим из поля зрения тексты и имена «высшей лиги», где действуют свои правила, и сделаем несколько смелых обобщений и выводов касательно читательских предпочтений в части книг, берущих не умением, а числом (результатом умножения среднего тиража на количество наименований).

Видное положение в этой великой армаде произведений займут так называемые «попаданцы», которых можно разделить на реваншистов и карьеристов. В то время как первые переигрывают историю,

преимущественно отечественную, вторые карабкаются вверх по социальной лестнице незнакомого мира. Оно, конечно, и хорошо, что книги призывают к активной жизненной позиции и зовут молодежь в «тузы» и «короли» жизни. Вот только усилия эти обращены в прошлое или прикладываются в другом, не нашем мире. Любопытно и то, что речь идет даже не о внедренцах, посланцах или хотя бы засланцах, а именно о попаданцах.

Большая часть таких книг построена на однотипных и вторичных сюжетах. А это обеспечивает читателю эффект узнавания, важный также для успеха сериальных и проектных книг со знакомыми персонажами и локациями. Эффект узнавания, вторичности делает чтение текста более комфортным для потребителя. Что абсолютно противоположно эффекту от чтения научной фантастики, для которой новаторство в предлагаемых идеях и отображаемых мирах является обязательным условием.

Комфортность текста для чтения, его нетребовательность к усилию со стороны читателя служит хорошим маркером банального, посредственного произведения, тем не менее вполне пригодного для развлечения. Кстати, из уравнения, гласящего, что «думать - не развлечение, а обязанность», логично выводится другая максима: развлечение - бездумно.

.Впрочем, коль скоро основной функцией этих книг является развлечение, их век продлится ровно до того момента, пока читатель, точнее бывший читатель, не заменит в метро, автобусе или на диване книгу на игровую приставку.

Подобная смена читательских приоритетов не только досадна, но и красноречива в отношении общественных настроений. И пока любителям НФ остается присоединиться к старому, но не утратившему актуальности призыву: «Мы ждем перемен!».

Сергей ШИКАРЕВ

Вл. ГАКОВ

ПРИМАДОННА ОПЕРЫ. КОСМИЧЕСКОЙ

При жизни американская писательница Ли Брэкетт, которой в этом месяце исполнилось бы «без пяти лет век», неизбежно делила славу и признание с мужем - общепризнанным «звездным королем» Эдмондом Гамильтоном. Хотя к концу жизни писательницу, пережившую на несколько лет мужа, вряд ли устроил бы просившийся на язык громкий титул «вдовствующей королевы». Потому что в истории американской фантастики Ли Брэкетт сама сделала себе имя. Как и титул, не менее звучный: первой дамы космооперы!

Как известно, сценарий знаменитого фильма «Звездные войны» режиссер-постановщик Джордж Лукас писал сам. В основном соединяя в кинематографическую мозаику осколки памяти, сохранившие прочитанные в детстве комиксы. Для их героев не составляло труда взорвать целую планету, столкнуть стенка на стенку звездные армады и не без приключений провести время в пользующемся дурной славой салуне на скрещении звездных дорог.

Однако после оглушительного успеха фильма, когда все, в том числе и ставший в одночасье знаменитым постановщик, поняли, что от продолжений никуда не деться, одновременно пришло осознание другой неизбежности. Ясно стало, что без крепкого профессионала не обойтись. Под профессионалом в данном случае понимался сценарист-литератор, которому предстояло придумать и грамотно расписать интригу фильма-сиквела, идею которого в общих чертах уже составил в голове сам Лукас.

То, что следующий фильм обязан был стать еще более закрученной космической оперой, сомнений не вызывало. Оставалось найти того, чей «голос» в этом жанре был хорошо знаком миллионам поклонников НФ и не раз срывал их аплодисменты. А поскольку финансово Лукас теперь мог почти все, то и выбирать он был волен среди самых лучших.

После недолгих раздумий из голливудской студии 20th Century Fox на уединенную ферму в штате Огайо полетела телеграмма-приглашение. Адресатом была Ли Брэкетт. Она успела написать сценарий, но до выхода картины на экраны не дожидаясь; все исправления и дополнения вносил уже ее невольный соавтор - известный голливудский сценарист Лоуренс Каздан. И когда потрясенные зрители выходили с первых киносеансов - а то был редкий случай в истории американского фантастического кино, когда фильм-продолжение получился никак не слабее первой серии! - успех по праву должна была разделить и

Брэкетт. Успех в данном случае среди миллионов поклонников кинофантастики. Что же до сотен тысяч читателей - они-то были абсолютно уверены: раз сценарий писала Ли Брэкетт, значит, можно идти на просмотр «в темную». Их не обманут. И на экране они, скорее всего, увидят лишь совершенное визуальное воплощение того, о чем раньше читали в ее книгах...

Ли Дуглас Брэкетт родилась 7 декабря 1915 года в Лос-Анджелесе, с которым связана большая часть ее жизни. И почти вся жизнь литературная.

Дочь бухгалтера Уильяма Брэкетта и Маргарет Ли Дуглас провела детство в пляжном районе города-гиганта - Санта-Монике, в то время остававшемся самостоятельной административной единицей. Как пишет ее биограф: «Величественная полуденная тихоокеанская гладь и ее таинственное свечение при луне, а также чтение Эдгара Райса Берроуза вместо уроков - все это родило в богатом воображении девочки образы, превратившие ее последующее творчество в явление уникальное».

Биография Ли Брэкетт на удивление бедна фактами, если под последними понимать бытовые подробности. Росла, ходила в школу, много читала, активно общалась с такими же фэнами, благо Лос-Анджелес, где жили и творили Каттнер, Мур, Блох, Брэдбери, Лейбер и Гамильтон, давно оспаривал у Нью-Йорка славу столицы научно-фантастической Америки. Затем начала писать и печататься.

Замуж за Гамильтона Ли Брэкетт вышла уже после войны. Свадьбу сыграли там же, в Лос-Анджелесе, в канун нового, 1947 года. Детей писательской семье судьба не отписала.

В последние десятилетия жизни Брэкетт несколько отошла от НФ, в основном занимаясь сценариями. Они оставались единственным мостиком, связавшим два чуждых друг другу мира - родной и любимый с детства Голливуд с уединенной фермой в сельском штате Огайо, принадлежавшей дальним родственникам мужа и ставшей их последним с Гамильтоном пристанищем.

Вот и вся жизнь. Все остальное - литература, единственная по-настоящему богатая драматическими поворотами биография писательницы.

Ли Брэкетт как-то в припадке самокритики назвала себя халтурщицей (в оригинале трудно переводимое жаргонное словечко «ham», означающее плохую актрису, которую постоянно освистывают на сцене) и любительницей драматизировать даже самый обыденный эпизод. Автохарактеристика вполне приложима к работе сценариста в те времена, когда диалоги чаще всего переписывались прямо на съемочной площадке и подстраивались под реальных актеров, а труд «переписчика» рассматривался, разумеется, как профессия, дававшая

неплохой заработок, но уж никак не творчество, не искусство...

Свою творческую жизнь профессионально занимавшаяся только литературой Брэккетт начала с написания сценариев, благо Голливуд был, что называется, под боком. Среди ее работ в кинематографе - сценарии к известным в свое время фильмам: «Дух вампира», «Рио Браво», «Золото семи святых», «Эльдорадо». Заметным этапом в ее жизни стал сценарий к экранизации детективного романа Рэймонда Чэндлера «Долгая спячка». Фильм, вышедший на экраны в 1946 году, вызвал фурор, критика отмечала режиссерскую работу Хоурда Хоукса, блестящую роль всеобщего кумира Хамфри Богарта, а также мастерство диалогов. Хотя славу в написании последних Ли Брэккетт, конечно же, по праву делила с куда более именитым соавтором - самим Уильямом Фолкнером!

Между прочим, писала она и вестерны. И даже завоевала в 1963 году премию «Золотая шпора» за лучший вестерн года. Что тоже неудивительно: задолго до того Брэккетт успела прославиться в жанре, который многие критики считают вестерном, перенесенным на галактические просторы.

Как и муж, она нашла себя в жанре космической оперы. В те предвоенные десятилетия и первые послевоенные годы Space Opera заполонила большинство дешевых НФ-журнальчиков, предоставлявших читателям в первую очередь желанное, спасительное бегство от действительности. Прочь от унылой повседневной работы, от семейных дразг, депрессивных новостей, которыми потчевали газеты и радио, от неуверенности в завтрашнем дне - в мир захватывающих дух звездных империй, героических подвигов и во всех отношениях неземной любви!

Не будем судить строго произведения, написанные задолго до спутников и пилотируемых лунных кораблей. Зато во всем, что касается занимательности, умении не только лихо закрутить сюжет, но и держать его до конца, в том, что описывается одним термином «чувство удивительного» и без долгих размусоливаний понятно всякому любителю фантастики, - вот в этом наивные авторы довоенной поры еще дадут очко вперед многим своим последователям!

И Ли Брэккетт, по мнению большинства критиков и читателей, оказалась в ту пору среди лучших. А из авторов-женщин (что само по себе долгие десятилетия оставалось в НФ диковинкой!) с ней могла поспорить разве что прекрасная половина другой «фантастической» семьи - Кэтрин Мур.

Первой профессиональной публикацией Брэккетт стал рассказ «Поиск на Марсе», напечатанный в тогда еще только набиравшем силу журнале «Astounding Stories». Однако более подходящую для себя

экологическую нишу писательница быстро нашла в другом издании - «Planet Stories». «Некоторые из публиковавшихся там вещей, - вспоминал покойный Лестер Дель Рей, - были просто замечательны. Именно в «Planet Stories» летом 1946 года впервые появился «Пикник на миллион лет» Брэдбери - первая история из прославивших его «Марсианских хроник»^{*31}. А другим постоянным автором журнала стала Ли Брэккетт, произведения которой содержали довольно необычную комбинацию бьющей через край энергии, напора и тонкой, пастельной, богатой оттенками атмосферы. Что касается ее образа Марса с его древними городами, где тишину нарушает лишь серебристый звон колокольчиков, которые носят местные модницы, то эти картины стали неотъемлемой частью научно-фантастического фольклора».

Сравнение двух Марсов, принадлежащих писателям, фамилии которых также удивительно похожи, конечно, не случайно. С молодым фэном Рэем Брэдбери, быстро заматеревшим до всеми уважаемого профи, Ли Брэккетт подружилась крепко и надолго. Они даже написали одну из «марсианских» повестей в соавторстве - это была «Лорелея Красных Песков», опубликованная в 1946 году. Хотя оба, конечно же, имели перед глазами один объект для подражания, который преследовал всех без исключения американских фантастов: Марс (или, точнее, Барзум) Эдгара Райса Берроуза!

Главные произведения Брэккетт, созданные под влиянием Берроуза в 1940-е годы и позже составившие сборники «Пришествие землян» (1967) и «Полукровка» (1973), стали для писательницы ее собственными «марсианскими хрониками», принесшими славу и признание. Хотя она впоследствии созналась, что как раз хроники-то в ее намерения не входили: «Не думаю, что можно составить правильный хронологический порядок моих «марсианских» рассказов. По правде говоря, это никакая не серия, а просто отдельные истории, как бы случайно выходявшие из моей пишущей машинки. Я влюбилась в этот воображаемый Мир и неоднократно в него возвращалась - поэтому все рассказы имеют общий фон».

На Марсе же разворачивается действие многих ее романов тех лет, в частности, одной из лучших книг писательницы - «Меч Райанона» (журнальная публикация 1949 года вышла под заголовком «Марсианские морские короли»). Роман начинается с того, что земной археолог, занятый раскопками гробницы древнего марсианского полубожества, попадает в своего рода «пузырь времени» - и в результате оказывается отброшен на миллионы лет в прошлое. А там уже его ждет малый джентльменский набор всех космических опер: приключения, потасовки, освобождение древних марсиан от тирании

³¹ * *Нашим читателям этот рассказ знаком под названием «Каникулы на Марсе». (Здесь и далее прим. авт.)*

змееподобных злодеев, а в качестве финального приза - рука и сердце принцессы.

Однако образы, описания, язык, которым рассказана эта незамысловатая история, уже хорошо обкатанная Берроузом (а для нашего читателя еще и Алексеем Николаевичем Толстым), совсем не похожи на те, что характерны для 99% американских космоопер. Начнем с того, что Марс у Брэкетт, против всяких ожиданий, зеленый! И легендарные «океаны» его вовсе не уныло-высохшие, а полноводные, таинственно люминесцирующие ночами в свете двух лун... Да и марсиане ведь не одна раса, а несколько, хотя все эволюционировали от единых предков.

И только по касательной повлияло творчество Берроуза (как и создателя Конана - Роберта Говарда) на самую популярную серию Ли Брэкетт - о герое-супермене по имени Эрик Джон Старк. Ему первоначально была посвящена журнальная диалогия - романы «Королева марсианских катакомб» (1949) и «Черные амазонки Марса» (1951), позже переизданные в книгах под измененными названиями «Тайна Синхарата» и «Люди талисмана», а также рассказ «Город ушедших» (1949).

Родители Старка, «крутого» парня и грозы всех особ женского пола - земных и инопланетных, - умерли на Меркурии, его же носит по планетам Солнечной системы, а затем и по галактическим просторам... Жизнь космооперного героя, как и положено, все время висит на волоске, и Старку с регулярностью физзарядки приходится совершать подвиги. Хотя большинству тех, с кем его сталкивает судьба, он предстает изгоем, предателем, презренным наймитом - словом, криминальным типом. Дело в том, что Старк принципиально не признает над собою главенства «искусственных» (в смысле - сочиненных людьми или чужаками) законов, а во всем предпочитает следовать внутреннему «естественному праву».

К этому герою Ли Брэкетт относилась с материнской нежностью. «Многие мои персонажи - это крепкие парни, не стесняющиеся ступать своими подошвами по дерьму. Но они и не теряются, когда требуется одарить смазливую девчонку сорокасекундным поцелуем, как это здорово удается на экране Хемфри Богарту», - признавалась писательница в 1944 году. «Правда, - добавляла она, - и героини мои - в общем, форменные суки теплокровные^{*32}, заживавшиеся с полоборота, но одновременно предельно гибкие и обладающие мозгами».

³² * В те годы это понималось как комплимент. Потому что неписанные законы жанра оставляли героиням лишь «ахи» да «охи» и закатывание глаз при виде очередных подвигов мужчин-суперменов.

Такая вот характеристика... Чтобы понять, чем же так полюбился читателям и самой создательнице Эрик Джон Старк, следует вспомнить еще одну характеристику, которую обязательно произносили критики, обсуждающие феномен Ли Брэкэтт, - «живой».

Традиционный герой довоенной приключенческой НФ по штату обязан был оставаться рыцарем без страха и упрека, на чьем моральном облике не разглядеть и пятнышка даже сквозь мощнейшую лупу. Идеал американского парня, по которому должны сохнуть женские сердца. И, как всякий идеал, бесконечно далекий от реальной жизни.

Это позже в американской фантастике появятся совершенно иные персонажи, вроде гаррисоновского Джима ди Гриза по прозвищу Крыса из Нержавеющей Стали. Живой герой в 1940-е годы был научно-фантастическим открытием не меньшим, чем мгновенное преодоление светового барьера скоростей... А Эрик Джон Старк с его грузом многочисленных грехов получился на удивление ярким и колоритным образом. Потому и прожил в литературе столь долго. Даже в разгар 1970-х, когда к довоенной космоопере большинство читателей относилось с иронией, писательница под влиянием диктата новой поросли фэнов вынуждена была реанимировать своего Эрика!

«Он впервые появился в коротком романе «Бессмертные Марса», - вспоминала Брэкэтт, - но в журнале «Planet Stories» название переименовали на «Королеву марсианских катакомб»... Не на шутку привязавшись к этому персонажу, я быстро, написала еще рассказ про Старка, на этот раз забросив его на Венеру... Потом он снова вернулся на Марс. Однако к этому времени фантастическая мода поменялась, и в той же редакции мне посоветовали пока притормозить со Старком и придумать что-нибудь другое... Но, даже оставаясь только в моем воображении долгие годы, Старк, оказывается, обладал потрясающей витальностью. Подростки, которых и на свете не было, когда я затевала сериал, спрашивали, когда они смогут прочесть что-нибудь новенькое о Старке. Мне ничего другого не оставалось, как выполнить их просьбу. Правда, пришлось слегка подновить антураж - редакторов смущало место действия, о котором теперь так много рассказали космические станции. В конце концов, мне пришлось переместить любимого героя подальше - на галактические просторы, хотя в ранних рассказах нет ни слова о том, что «во времена» Старка летают к звездам».

Трилогия о новых приключениях Эрика Старка разворачивается уже на далекой планете Скайт, где-то в созвездии Ориона, и состоит из романов «Имбирная звезда» (1974), «Гончие Скайта» (1974) и «Грабители Скайта» (1976). Совершенно очевидно, что вопрос точного выбора и «научной» разработки места действия очередных книг о своем любимом герое писательницу волновал меньше всего.

В послевоенные десятилетия Ли Брэккетт как раз больше преуспела в фантастике иного сорта. Научно достоверной, куда менее размашистой, нежели ее книги 1940-х, но зато более убедительной. Ее поздние романы «Люди со звезд» (1952), «Большой прыжок» (1955), «Альфа Центавра или смерть!» (1963) можно по-прежнему записать в образцы космической оперы. Но к ним уже в полной мере приложима редкая для этой литературы характеристика - интеллигентная, или интеллектуальная, космоопера.

А самым значительным произведением Ли Брэккетт (с точки зрения читателя серьезного, ценящего в научной фантастике социальную тематику) стал эмоционально сильный роман о постъядерном мире «Долгое завтра» (1955). В нем описано будущее, наступившее после ядерной Четвертой мировой войны, когда неоменнониты в частности и религиозные фундаменталисты вообще запретили науку как источник всех зол. Герой после долгих размышлений примыкает к «ученому подполью», стремящемуся сохранить знание и не дать миру окончательно скатиться в варварство. Прочитав критику: «Это блистательный пример того, как нагнетаемый страх перед наукой и технологией может привести мир к полной стерильности и царству темных предрассудков...»

Ли Брэккетт умерла в марте 1978 года, пережив мужа всего на несколько лет. Незадолго до кончины она сформулировала некий итог своей долгой писательской жизни: «Профессия писателя-фантаста дает не финансовые, а иные дивиденды: дружбу, протянутую через всю жизнь; счастье принадлежать к огромной семье, разбросанной по всему свету - куда бы вы ни приехали, у вас всюду отыщутся друзья. И еще одну радость, которую не принесет работа ни в каком другом жанре: простирая свое воображение до самой далекой звезды. И дальше».

Курсор

Курсор

Компания Strange Weather приобрела права на экранизацию романа Пола Мелкоу «Стены Вселенной» (первая повесть, к которой автор позже добавил еще две, печаталась в «Если» в 2007 году). В центре сюжета простой паренек Джон с фермы в Огайо, который проводит свой последний год в школе. Но вдруг появляется двойник Джона и соблазняет подростка возможностью путешествовать по параллельным вселенным с помощью некоего прибора. Джон начинает беспорядочно прыгать по мирам, но вернуться домой не в состоянии -

прибор сломан... Совладелец компании Strange Weather - знаменитый Эндрю Эдамсон, автор «Шреков» и «Хроник Нарнии» - считает, что грядущая постановка может стать трилогией в стиле цикла «Назад в будущее».

В Краснодаре состоялась церемония вручения наград участникам первого конкурса любительского видео на лучшую экранизацию произведений «короля ужасов» «Кошмары и фантазии Стивена Кинга». Конкурс стартовал в ноябре 2008 года. Его участниками стали 19 фильмов разной продолжительности, разные по стилю и методу исполнения, анимационные и художественные. В жюри конкурса вошли режиссеры, писатели и специалисты, имеющие непосредственное отношение к жанру хоррора в литературе и кинематографе. Гран-при «Темная Башня» достался фильму «Я - дверной проем» Игоря Гаркушенко и Евгения Ковалёва. Приз «Мешок с костями», вручаемый по итогам голосования самих участников конкурса, получила картина краснодарцев Джона и Валдиса «ShitCatcher».

Джоан Роулинг вызвала бурю эмоций у поклонников поттерианы. Писательница, выступая на знаменитом американском телешоу Опри Уинфри, неожиданно заявила, что у нее хватает замыслов для трех новых романов о Гарри. Правда, оговорилась: несмотря на то что готова написать еще восьмой, девятый и десятый романы цикла, совсем не уверена, что будет это делать.

Четвертый крымский открытый фестиваль фантастики «Созвездие Аю-Даг» состоялся с 14 по 17 октября в крымском поселке Партенит, где побывали 130 гостей. Состоялись мастер-классы, доклады и даже литературная дуэль - писатель против читателя: «Писать надо лучше? Читать надо лучше!». Основная тема фестиваля - «Фантастика и театр» - была продемонстрирована в нескольких фантастических спектаклях любительских коллективов.

Призы фестиваля достались: премия им. А.Грина «Золотая Цепь» - Дмитрию Федотову за роман «Огненный глаз Тенгри»; премия им. Л.Козинец «Фиолетовый Кристалл» - Яне Дубинянской за роман «Глобальное потепление»; премия «Бегущая по волнам» за лучший женский образ в фантастическом произведении - Нику Горькавому за образ Никки в романе «Астровитянка».

Ридли Скотт, автор «Бегущего по лезвию», вновь намерен обратиться к творчеству Филипа К.Дика. Скотт планирует в качестве продюсера снять для британского телеканала BBC сериал на основе произведения «Человек в высоком замке». Один из самых скандальных романов середины прошлого века вышел в 1962 году и

стал краеугольным камнем жанра «альтернативной истории». Действие романа происходит в США через два десятка лет после окончания Второй мировой войны, в которой победу одержали Германия и Япония.

Посетители немецкого портала Phantastik-News.de путем онлайн-голосования определяли свои предпочтения в области фантастики. Особенно интересны результаты выборов лучшего переводного произведения года. Первое место занял роман Сергея Лукьяненко «Рыцари сорока островов». Роман опередил новые переводы Дэна Симмонса и других именитых авторов. Лучшим немецким романом участники голосования признали «Праведный гнев» - первую книга саги «Легенды Альба» Маркуса Хейца.

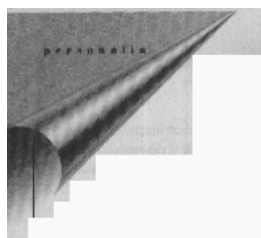
Стивен Спилберг почти определился со своим следующим фильмом. Это будет экранизация Дэниела Уилсона «Робокалипсис». Роман, посвященный борьбе человечества с восстанием разумных роботов, еще не вышел и появится на прилавках лишь летом следующего года, но сценарий Дрю Годдарда уже готов. Съемки фильма, которые осуществит студия Диснея, начнутся в январе 2012-го, премьера планируется на 2013 год.

Лауреатами премий Геффен - главной фантастической награды Израиля, вручаемой Израильским обществом НФ и фэнтези, - стали роман «Быть» Иова Авни и рассказ «Доктор Ватсон и мистер Холмс, или Дело о проклятии дома Фаннигтона» Вередя Точтермана. Среди переводных авторов отмечены сборник рассказов Айзека Азимова и роман Терри Пратчетта «Народ».

Людмила Петрушевская стала лауреатом Всемирной премии фэнтези. Имена победителей объявлялись 31 октября во время Всемирного фэнтези-конвента, проходившего в Коламбусе, штат Огайо. Сборник писательницы «Жила-была женщина, пытавшаяся убить ребенка соседей. Страшные волшебные сказки», вышедший в 2009 году на английском языке в издательстве Penguin, поделил первое место в соответствующей номинации со сборником «Самое лучшее Джина Вульфа». Лучшим романом вполне ожидаемо признан «Город и город» Чайны Мьевилля, уже собравший неплохой букет премий в этом году; лучшей повестью - «Морские сердца» Марго Лэнаган; лучшим рассказом - «Бар «Пеликан» Карен Джой Фаулер; лучшей антологией - «Американские фантастические сказки: страшные и ужасные» Питера Страуба; лучшим художником объявлен Чарлз Весс.

Интернет-форум журнала «Если» на официальном сайте esli.ru до сих пор отключен (хотя информацию о новом номере, а также регулярные опросы любителей фантастики здесь по-прежнему можно увидеть). Пока же пользователи Интернета могут посетить альтернативные ресурсы. Так, еще в 2007 году в социальной сети «ВКонтакте» активисты создали группу [vkontakte.ru/club315586](https://vk.com/club315586), и сейчас она фактически стала фан-клубом читателей журнала. Здесь обсуждаются свежие номера, места, где можно купить журнал, фантастические произведения отечественных и зарубежных авторов и многое другое. Данное сообщество можно считать официальным фан-клубом журнала в сети «ВКонтакте». Также действует сообщество в Живом Журнале: community.livejournal.com/esli_ru/. Кроме того, на сайте www.esli.ru можно увидеть информацию о свежем номере и регулярные опросы читателей.

Агентство F-пресс

personalia

**БЕННЕТ Кристофер
(BENNETT, Christopher L.)**

Американский писатель Кристофер Беннет закончил Университет Цинциннати с дипломом физика, а через девять лет получил в своей alma mater и второй диплом - историка. Беннет работал корректором, рекламщиком, редактором сетевого ресурса, библиотекарем, пока окончательно не посвятил все свое время литературному труду.

Его дебютом в фантастике стал рассказ «Автогеноцид с отягчающими обстоятельствами» (1998). С тех пор писатель опубликовал роман «Подвешенный вместе с Богом: Автобиография» (2005), несколько новеллизаций сценариев к популярным теле- и кинофильмам и сериалам (и оригинальные романы на темы последних) - «Человек-паук», «Звездный путь», «Люди-Икс» и другим, а также более десяти рассказов и повестей.

БУТОРИН Андрей Русланович

Родился в 1962 году на Кольском полуострове в городе металлургов Мончегорске, где живет по сей день. Высшее образование получил в Ленинградском институте авиационного приборостроения, после чего работал в Смоленске на авиакосмическом предприятии. Вернувшись на родину, трудился на комбинате «Североникель», в коммерческом банке, в горно-металлургической компании. В настоящее время - ведущий специалист фирмы, занимающейся развитием информационных технологий.

Печатным дебютом стал НФ-рассказ «Мать космонавта», опубликованный в 2001 году в журнале «Звездная дорога», а в 2004-м вышла первая книга, представившая читателям роман «Работа над ошибками (Puzzle)». В последующие годы писатель выпустил еще три романа - «Наследница престола» (2005), «За краем земли и неба» (2007), «Чудес не бывает» (2007). Также публиковался в различных периодических изданиях и НФ-сборниках. В нынешнем году в рамках проекта «Вселенная Метро 2033» вышла новая книга А.Буторина под названием «Север».

ЙОСС (YOSS)

Под этим псевдонимом публикует свои произведения один из самых известных современных фантастов Латинской Америки Хосе Мигель Санчес Гомес.

Он родился в Гаване в 1969 году. В 1991-м окончил биологический факультет Гаванского университета, но, начав писать с 15 лет, в конечном счете избрал своей основной жизненной стезей профессию писателя.

Его первый авторский сборник «Тимшел» вышел в свет в 1989 году. Затем последовали другие книги: «W» (1997), «Семь национальных грехов» (1999), «Рыбы и потерпевшие кораблекрушение» (2000), «Сдается планета» (2001), «Львиное перо» (2007) и другие, а также многочисленные рассказы в различных изданиях Латинской Америки и Европы.

Произведения Йосса переводились на многие иностранные языки. В разные годы он совершил ряд турне по Европе (Италия, Испания) и Латинской Америке, где выступал перед студентами университетов с лекциями-докладами о кубинской фантастике. Неоднократно награждался жанровыми и литературными премиями на родине и в Испании.

Кроме того, писатель является составителем ряда сборников и

литературоведческих работ, а также пишет сугубо реалистические произведения.

Его любимые писатели - А.Бестер, Б.Олдисс, Р.Хайнлайн, У. Ле Гуин и братья Стругацкие, у которых ему особенно нравятся повести «Трудно быть богом» и «Далекая Радуга».

Ярый поклонник музыки в стиле «рок» (любимая группа - «Black Sabbath»), увлекается восточными единоборствами.

В настоящее время проживает в Гаване.

КАЛУГИН Алексей Александрович

Родился в 1963 году в Москве. После службы в армии закончил Институт инженеров пищевой промышленности и некоторое время работал в Институте медицинской и биологической химии АМН СССР, опубликовал два десятка научных статей.

Фантастику стал писать еще в школьные годы, но первое опубликованное произведение - роман «Лабиринт» - увидело свет только в 1996-м. Роман-дебют по рекомендации издательства вырос в трилогию, за которой последовали еще два мини-сериала - «Резервация» (1997) и «Точка Статуса» (1998-1999). Также перу А.Калугина принадлежат романы «Темные отражения» (1999), «Не так страшен черт» (2000), «Игра в реальность» (2001), «Между центром и пустотой» (2004), «И черт с нами» (2005), «Геноцид» (2006), «Игра на выживание» (2007), «Мечта на поражение» (2008), «Подземелья Эйтана» (2008), «время лживой луны» (2009) и другие. Выпустил несколько сборников рассказов и повестей, в частности: «Специалист по выживанию» (1999), «Время - назад!» (2005), «Форс-мажор» (2008). В этом году у писателя вышли сразу две новые книги - романы «Ржавчина» и «Планета смертной тени». Кроме того, в 2005-м А.Калугин подготовил тематическую антологию «Новые марсианские хроники».

ЛИГОН Том

(См. биобиблиографическую справку в №4 за этот год)

Свое кредо американский писатель Том Лигон обстоятельно и бескомпромиссно сформулировал на домашней веб-страничке:

«Человеческое существо должно быть способно менять пленки, планировать вторжение, зарезать свинью, справляться с управлением судом, спроектировать дом, написать сонет, разобраться со счетами, построить стену, вправить сустав, утешить умирающего, отдавать приказы, сотрудничать, действовать в одиночку, удобрять почву

навозом, решать уравнения, анализировать возникающие проблемы, программировать компьютер, вкусно готовить, эффективно сражаться и галантно умереть». И присовокупил к подобной программе цитату из любимого Хайнлайна: «Специализация - это для насекомых».

**ЛОВЕТТ Ричард
(LOVETT, Richard A.)**

Канадский писатель Ричард Ловетт закончил университет с дипломом астрофизика, затем получил второе образование - юридическое, а после этого и третье - экономическое. Защитил диссертацию по экономике. Однако в 1989 году он полностью переключился на творческую деятельность. Спектр научно-популярных и экономических интересов Ловетта чрезвычайно широк - он опубликовал шесть книг и более 2000 статей в журналах, а также в большинстве самых известных американских и канадских газет на темы дистанционного зондирования, экологии, аналитической химии, токсикологии, пищевой микробиологии и т.д. Кроме того, Ловетт активно пишет об экстремальном туризме, велопутешествиях и марафонском беге.

Читателям научной фантастики Ловетт известен в основном своими научно-популярными статьями в журнале «Analog». Только в 2003 году их автор попробовал себя в научно-фантастической прозе, дебютировав в том же издании двумя рассказами - «Броуновское движение» и «Равновесие». С тех пор Ловетт опубликовал два десятка рассказов и коротких повестей.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых услуг.

Цена действительна на номера 2010-2011 годов.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение	Форма № ПД-4 ООО «Издательский дом «Любимая книга» <small>(наименование получателя платежа)</small> ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small> в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» <small>(наименование банка получателя платежа)</small> БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 <small>(номер кор./сч. банка получателя платежа)</small> КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2 Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small> Сумма платежа 540 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп.
	Кассир
Квитанция	ООО «Издательский дом «Любимая книга» <small>(наименование получателя платежа)</small> ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small> в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» <small>(наименование банка получателя платежа)</small> БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 <small>(номер кор./сч. банка получателя платежа)</small> КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2 Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small> Сумма платежа 540 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп.
	Кассир

Извещение

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

№ _____

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

в _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с 30101810900000000767

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540

00

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир
Квитанция

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

(ИНН получателя платежа)

№ _____

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с30101810900000000767

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540

00

Кассир

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

ВНИМАНИЕ

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9. ООО «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.

Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177)

e-mail: sales@lubkniga.ru

<p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p>« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)</p> <p>Информация о плательщике</p> <p>_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <p>_____ (ИНН)</p> <p>№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	
<p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p>« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)</p> <p>Информация о плательщике</p> <p>_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <p>_____ (ИНН)</p> <p>№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

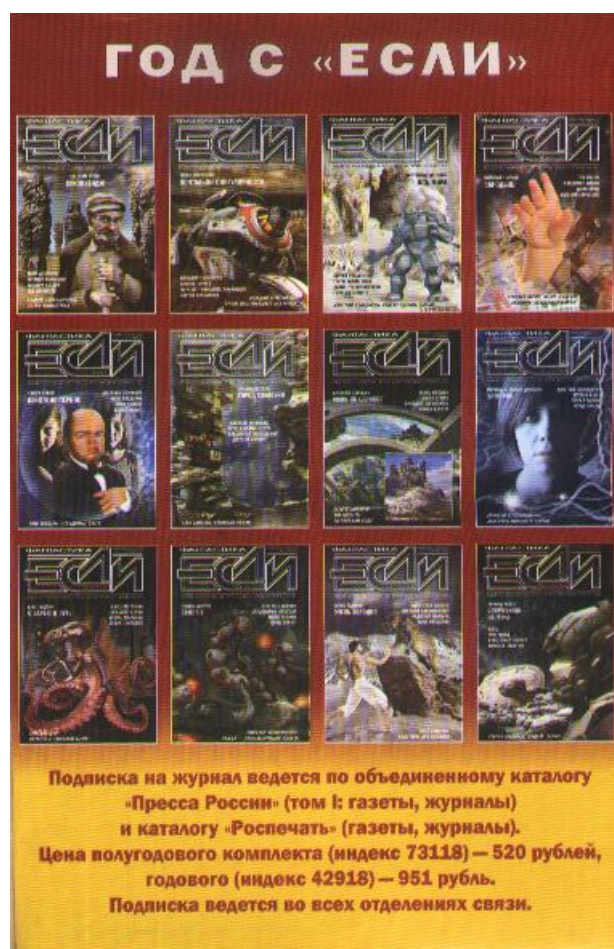
« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

ГОД С «ЕСЛИ»

**Подписка на журнал ведется по объединенному каталогу «Пресса России» (том I: газеты, журналы) и каталогу «Роспечать» (газеты, журналы).
Цена полугодового комплекта (индекс 73118) - 520 рублей,
годового (индекс 42918) - 951 рубль.
Подписка ведется во всех отделениях связи.**

